

ПСИХОПЕДАГОГИКА В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ

№ 2(65) 2016

Издается с мая 1995 г. Выходит четыре раза в год

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным направлениям (по отраслям наук): психологические науки, педагогические науки, юридические науки

СОДЕРЖАНИЕ

Социально-психологические и педагогические аспекты деятельности правоохранительных органов

Курбатова О. В. Служебно-педагогическая деятельность сотрудников органов внутренних дел: общая характеристика и особенности 3

Морально-психологическая профессиональная подготовка и надежность

Алексеев Д. Е. Психологические условия обеспечения функциональной надежности сотрудника ОВД 7
Берестовой А. Н. Реализация права граждан на необходимую оборону (историко-правовой и психолого-юридические аспекты) 10

Становление и развитие личности

Исхаков Э. Р. Особенности целеполагания, самомотивации и прокрастинации у сотрудников ОВД 15
Нефедова Д. И. Особенности идентификационных характеристик образа «Я» сотрудников ОВД на разных этапах прохождения службы 18
Набока А. А. Особенности становления профессиональной позиции психолога ОВД в условиях работы в составе мобильной бригады (группы) 23

Психология правонарушающего поведения

Кобозев И. Ю. Личностные особенности стресс-преодолевающего поведения бывших сотрудников, осужденных за совершение преступлений коррупционной направленности 26
Бойко О. А., Теохаров А. К. Психологические особенности вич-инфицированных осужденных и их влияние на процесс исправления 30
Никитин Ю. А. Корыстная цель как обязательный признак вымогательства 33

Воспитательная, правовая и профилактическая работа

Кузнецова О. В. Личностные детерминанты эффективности служебной деятельности женщин-сотрудников органов внутренних дел 37
Караваяв Ф. Ф. Профиль личностных качеств подростков, переживших насилие 41

Психологическая напряженность и конфликтология

Саппа Н. Н. Межличностные конфликты в курсантской среде и их преодоление 44

Психокоррекция и регуляция состояний

Мальшева Д. С., Медведев Д. А. Психолого-педагогическая характеристика внутреннего мира девушек раннего юношеского возраста 48
Годованец О. Г., Цветкова Н. А. Коррекция жизненного пути человека, преступившего закон, методами арт-терапии 52
Колесникова Н. Е. Анализ социально-психологических факторов трудоустройства осужденных к наказаниям, альтернативным лишению свободы 56

Психолого-педагогические аспекты расследования преступлений

Пушков В. Г. Сценарный подход к психологическому воздействию при расследовании преступлений 60

Преподавателю вуза: теория и практика

Векленко П. В. Edutainment в преподавании философских дисциплин 64
Бакин А. В., Пивоваров Д. В., Гилль В. Р. Особенности подготовки к соревнованиям по преодолению полосы препятствий со стрельбой в образовательных организациях МВД России 67

Зарубежный опыт

Стальнова И. А., Стальнов А. Г. Возможности адаптации зарубежного опыта формирования кадрового потенциала государственной службы в России 71
Цветков В. Л. Психологическое обеспечение деятельности полиции во Франции 73
Сведения об авторах 76
Аннотации статей и ключевые слова на английском языке 77
Информация для авторов и подписчиков 80

Учредитель издания:
Омская академия МВД России

Редакционный совет

Асеев Владимир Григорьевич — Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор психологических наук, профессор (г. Иркутск, Россия)

Булатов Борис Борисович — Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор (г. Омск, Россия)

Вяткин Бронислав Александрович — Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАН (г. Пермь, Россия)

Губин Владимир Алексеевич — Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор психологических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

Дерешко Богдан Юльевич — доктор юридических наук (г. Москва, Россия)

Ендржеевский Анатолий Альфредович (г. Москва, Россия)

Иваницкий Анатолий Тихонович — Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор психологических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

Крук Владимир Михайлович — доктор психологических наук, профессор — *председатель совета* (Москва, Россия)

Караяни Александр Григорьевич — Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО (г. Москва, Россия)

Кубышко Владимир Леонидович — кандидат педагогических наук (г. Москва, Россия)

Лебедев Игорь Борисович — доктор психологических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Маклаков Анатолий Геннадьевич — Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор психологических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

Подлипняк Юрий Филиппович — доктор педагогических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Поздняков Вячеслав Михайлович — доктор психологических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Реан Артур Александрович — Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор педагогических наук, профессор, академик РАО (г. Москва, Россия)

Рыбников Виктор Юрьевич — Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор психологических наук, доктор медицинских наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

Сухов Анатолий Николаевич — Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор психологических наук, профессор (г. Рязань, Россия)

Федоров Сергей Николаевич — доктор психологических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Шаранов Юрий Александрович — Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор психологических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

Редакционная коллегия

Антилогова Лариса Николаевна — доктор психологических наук, профессор (г. Омск, Россия)

Астафьев Николай Вениаминович — доктор педагогических наук, профессор (г. Тюмень, Россия)

Бабушкин Геннадий Дмитриевич — Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор педагогических наук, профессор — *зам. главного редактора* (г. Омск, Россия)

Векленко Василий Владимирович — Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор (г. Омск, Россия)

Вишняков Игорь Августович — доктор психологических наук, профессор (г. Омск, Россия)

Кильмашкина Татьяна Николаевна — доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Караваяев Александр Федорович — Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, кандидат педагогических наук, доцент — *главный редактор* (г. Омск, Россия)

Клейменов Михаил Петрович — Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор (г. Омск, Россия)

Котенев Игорь Олегович — профессор, кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Куликов Владимир Борисович — доктор философских наук, профессор (г. Екатеринбург, Россия)

Марьин Михаил Иванович — Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор психологических наук, профессор — *зам. главного редактора* (г. Москва, Россия)

Мягих Николай Иванович — кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Нечепуренко Алексей Алексеевич — доктор юридических наук, профессор (г. Омск, Россия)

Петров Вячеслав Евгеньевич — кандидат психологических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Синченко Георгий Чонгарович — Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор философских наук, профессор (г. Омск, Россия)

Сорокотягин Игорь Николаевич — Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор (г. Екатеринбург, Россия)

Тюрин Павел Трофимович — доктор психологических наук, профессор (г. Рига, Латвийская Республика)

Филиппенко Владимир Ильич — кандидат психологических наук, доцент (г. Омск, Россия)

Цветков Вячеслав Лазаревич — доктор психологических наук, профессор — *зам. главного редактора* (г. Москва, Россия)

Четверяков Дмитрий Владимирович — доктор психологических наук, кандидат медицинских наук, профессор (г. Омск, Россия)

Човдырова Гульшат Сулеймановна — доктор психологических наук, доктор медицинских наук, профессор (г. Москва, Россия)

Шаров Анатолий Сергеевич — доктор психологических наук, профессор (г. Омск, Россия)

Щербачев Евгений Павлович — доктор психологических наук, профессор — *ответственный секретарь* (г. Омск, Россия)

Редактор Ю. А. Прудникова

Корректор Л. И. Замулло

Компьютерная верстка А. В. Евдокимов

Адрес издателя, редакции и группы полиграфической и оперативной печати:

Россия, 644092, г. Омск, пр-т Комарова, 7, ОМА МВД России.

Тел.: +7-913-971-80-28, факс: 750-560. E-mail: karavaevmvd@mail.ru

Цена свободная.

Свидетельство о регистрации средств массовой информации ПИ № ФС77-36632. Выдано Роскомнадзором 18 июня 2009 г.

Выход в свет: 16.06.2016. Тираж 300 экз. Уч.-изд. л. 9,9. Усл. печ. л. 9,3. Заказ № 371.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна

© Омская академия МВД России, 2016

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

УДК 378

СЛУЖЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ОСОБЕННОСТИ

О. В. Курбатова

В статье актуализируется значимость педагогики в деятельности органов внутренних дел, рассматриваются условия положительного социально-педагогического влияния деятельности сотрудников органов внутренних дел на население. Делается вывод о необходимости повышения уровня профессионально-педагогической компетентности каждого сотрудника органов внутренних дел.

Ключевые слова: социально-педагогическое влияние деятельности сотрудников, социально ориентированная, социально-педагогическая ориентированность, профессионально-педагогическая подготовленность, педагогическая культура личности, социально-педагогическая компетентность.

Законность и правопорядок неразрывно связаны с качеством функционирования системы образования в государстве и обществе, с успешностью и плодотворностью систем воспитания, обучения и развития. Преступность как социальное явление в числе прочих причин имеет и педагогические — слабость системы воспитания, отрицательный опыт обучения, отсутствие индивидуальных возможностей личностного развития людей в обществе, характер правовой пропаганды, дефекты народной педагогики и семейного воспитания, недостаточная популяризация педагогической функции средствами массовой информации и др. Как отмечает Р. О. Буряковский, игнорирование или недооценка педагогических факторов и условий в профилактике преступности (в масштабе общества, на региональном и местном уровнях, в любых формальных и неформальных объединениях людей, на индивидуальном уровне) неизбежно оборачиваются ростом правонарушений¹.

По мнению А. С. Петровой и М. А. Шелеповой, нравственная сущность служения обществу и государству сотрудников правоохранительных органов — один из важнейших факторов воспитания у людей уважительного отношения к закону². Следовательно, деятельность правоохранительных органов, каждого сотрудника обладает социально-педагогическим влиянием на население. Это должно вызвать изменение общей культуры, правовой культуры, уровня воспитанности, обученности,

что ведет, несомненно, к изменению ценностно-смысловой сферы человека, системы отношений и ориентации, а, следовательно, поступков и деятельности, культуры взглядов на общество, власть, справедливость, нравственность. Но для этого, по мнению доктора педагогических наук В. Я. Кикотя, «...деловая репутация и авторитет сотрудника органов внутренних дел, его поведение при различных обстоятельствах должны быть безупречными, соответствующими высоким стандартам гуманизма, общечеловеческой и профессиональной морали»³. Еще в 1721 г. в Уставе Главного магистрата отмечалось, что «...полиция есть душа гражданства и всех добрых порядков и фундаментальный подпор человеческой безопасности и удобства»⁴.

В органах внутренних дел (далее — ОВД) сфера применения возможностей педагогики широка, поскольку высока ценность воспитания, образования, обучения и развития личного состава, грамотности и адекватности педагогических воздействий сотрудников ОВД на граждан⁵.

Положительное социально-педагогическое влияние деятельности органов внутренних дел, в том числе их сотрудников, возможно при наличии определенных факторов. Перечислим их⁶:

1) социальная ориентированность, осознанное стремление к решению задач, стоящих перед российским обществом, придание приоритетности стратегической линии на защиту законных прав и интересов граждан Российской Федерации. С. Е. Кораблев, раскрывая социально ориентированную функцию органов внутренних дел, называет их деятельность «проблемно-ориентированной»⁷. В. Ю. Касьян отмечает, что эффективность организации и функционирования органов внутренних дел определяется их соответствием социальному назначению⁸. Достойному выполнению социально обслуживающей функции, по мнению Н. В. Сердюка, будет способствовать общественный диалог и понимание гуманистической сути, сущности и значимости профессии правоохранителя⁹. С. Е. Кораблев, подчеркивая служебно-педагогическую направленность органов внутренних дел, указывает, что предупредительный характер деятельности указанных органов усиливает значимость коммуникативной компетентности сотрудника как способности к эффективному использованию общения в достижении профессиональной цели¹⁰;

2) социально-педагогическая ориентированность — осуществление всей профессиональной деятельности

и каждого контакта с гражданами с намерением, желанием, стремлением, основанными на чувстве личной гражданской и профессиональной ответственности; повышение правового, нравственного и гражданского воспитания, обогащение правовыми знаниями и убеждениями, развитие правосознания, укрепление мотивов законопослушного поведения. По мнению Р. М. Янбухтина, личностная ориентация сотрудника органов внутренних дел, его отношение к работе, гражданам, обществу является действенным резервом улучшения деятельности органов внутренних дел¹¹;

3) социально-педагогическая компетентность, под которой понимаются информированность и способность реализовать свои социально-педагогические возможности во взаимодействии с другими людьми¹².

Социально-педагогическая компетентность сотрудников органов внутренних дел проявляется в их понимании объективного и неотвратимого характера своего социально-педагогического влияния на граждан, начиная с внешнего вида и тона разговора, заканчивая правомерным применением силы. Указанная компетентность требует развития у сотрудников практических навыков и умений профессионально грамотного общения с гражданами как при исполнении служебных обязанностей, так и вне службы.

В деятельности сотрудников органов внутренних дел приоритетное место отводится социально-педагогической функции.

Выделим задачи, при решении которых сотрудники органов внутренних дел сталкиваются с вопросами педагогики:

- формирование у населения позитивного отношения к системе МВД в целом, к ее отдельным службам, подразделениям и сотрудникам;
- правовое просвещение и воспитание населения;
- педагогические аспекты общей профилактики правонарушений;
- профессиональная ориентация различных возрастных групп населения на службу в ОВД;
- взаимодействие с представителями государственных и негосударственных организаций;
- взаимодействие с работниками СМИ;
- привлечение граждан к охране правопорядка;
- работа с отдельными категориями населения, представляющими повышенную криминальную опасность;
- работа с населением в условиях обострения социальной напряженности, национальных конфликтов, чрезвычайных ситуаций и др.;
- работа с заявлениями граждан;
- воспитательное воздействие на правонарушителей, не подпадающих под уголовную ответственность;
- обеспечение оперативно-розыскных и следственных действий, связанных с обучением и воспитанием негласного аппарата;
- работа со свидетелями, потерпевшими и иными лицами;
- работа должностных лиц ОВД с различными категориями сотрудников и др.

Решение указанных задач зависит и от собственных педагогических способностей, понимания сотрудником тех или иных явлений педагогической реальности. Деятельность ОВД объективно предъявляет требования к профессионально-педагогической подготовленности своих сотрудников¹³.

Для каждой категории сотрудников органов внутренних дел (в зависимости от поставленных перед ними задач) необходим разный уровень педагогической подготовки. В литературе их выделяют несколько¹⁴:

1. Юрико-педагогический аспект профессиональной подготовки (высшее профессиональное образование по направлению подготовки 44.05.01 (050407.65) — «Педагогика и психология девиантного поведения», 37.05.02 (030301.65) — «Психология служебной деятельности»). Необходим сотрудникам кадровых аппаратов, ответственным за воспитательную работу, сотрудникам отделов профессиональной подготовки, инспекторам по делам несовершеннолетних, сотрудникам центров временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей, преподавателям юридических образовательных организаций и учебных центров, руководителям факультетов и курсов. Сотрудникам необходимо наличие подлинно педагогических задач, форм, методов, условий и методических приемов работы, имеющих приоритетное значение и определяющих главные показатели ее успешности.

2. Углубленная профессионально-педагогическая подготовленность. Необходима всем категориям руководителей, сотрудникам кадровых аппаратов, дорожно-патрульной службы, участковым уполномоченным, работникам оперативных служб, служб по связям с населением и средствами массовой информации. Деятельность указанных сотрудников сопряжена с выполнением педагогических функций, существующих наряду с другими (юридическими, управленческими и пр.). Решение педагогических задач ориентировано на достижение главной профессиональной цели — защиты личности, общества, государства. В данном контексте необходимо активно использовать педагогические принципы, формы работы, методы, приемы, рекомендации (в числе других — правовые, организационные и т. д.), педагогически правильно организовывать реализацию функции в процессе решения основных профессиональных задач. В этом заключается сущность профессионально-педагогической подготовленности.

3. Педагогическая осведомленность, необходимая следователям, дознавателям, сотрудникам патрульно-постовой службы, службы конвоирования, дежурных частей, вневедомственной охраны. Деятельность указанных сотрудников отличается социально-педагогическим влиянием и частичным использованием педагогических воздействий. В первом случае это внешний вид, поведение, действия, общение, решения, применяемые санкции и пр., во втором — меры разъяснения, убеждения, требования и др.

Педагогический (социально-педагогический) эффект от контакта гражданина с сотрудником имеется всегда,

предстает как побочный результат профессиональных действий. Выражается в:

— возникновении у граждан новых или измененных правовых и нравственных знаний, взглядов, убеждений, привычек поведения;

— воспитании у граждан дисциплинированного поведения в общественных местах и в быту;

— побуждении к отказу граждан от ряда вредных поведенческих и бытовых привычек и повышению правовой требовательности к себе, к самодисциплинированности и правовому самовоспитанию;

— воспитании граждан в духе уважения к закону, понимания ими закона как высшей государственной нормы справедливости и добра;

— понимании правонарушителем необходимости уважения прав, свобод и достоинства других граждан;

— побуждении правопослушных граждан к активному правовоспитательному влиянию на других людей, к содействию правоохранительным органам и др.

Изложенное позволяет говорить о том, что сотрудники органов внутренних дел в своей деятельности осуществляют правовое воспитание.

В широком смысле правовое воспитание — это весь многогранный процесс формирования правовой культуры и правосознания под влиянием различных факторов. Более узкое понимание — целенаправленный, управляемый и преднамеренный процесс воздействия на сознание людей в целях формирования высокого уровня правосознания и правовой культуры¹⁵.

Н. С. Емельянов, Н. Ф. Бережкова отмечают, что необходимость правового воспитания граждан обусловлена слабым уровнем правосознания в обществе¹⁶. Под правовым сознанием понимают совокупность идей, теорий, чувств, эмоций, взглядов, настроений и т. п., в которых выражается отношение людей к праву — действовавшему, действующему и желаемому¹⁷. От уровня правосознания зависит то, каким будет поведение человека в обществе: правомерным или неправомерным, социально полезным или социально опасным.

Выделим задачи правового воспитания по формированию:

— знаний о системе основных правовых предписаний, о правильном понимании и уяснении их содержания и значения;

— глубокого внутреннего уважения к праву;

— умения самостоятельно применять правовые знания на практике;

— привычки поведения в соответствии с полученными правовыми знаниями;

— прочного и устойчивого духовного правового иммунитета к совершению любых нарушений правовых норм.

Решение данных задач возлагается на государство в лице своих представителей — сотрудников правоохранительных органов, в том числе внутренних дел. Считаем важным использование каждым сотрудником в своей деятельности педагогических компетенций в области правового воспитания для предупреждения правовых конфликтов. Это одна из функций правоохранительной

деятельности. Глубокий комплексный и компетентный анализ сути конфликтных ситуаций и мотивов поведения субъектов на ранних стадиях (пока разногласия не переросли в насилие) помог бы избежать многих ошибок в работе правоохранительных органов. Предупреждение бытового насилия начинается с контроля за ситуациями, характеризующимися затяжными конфликтами.

Поднимая вопрос о важности педагогической подготовки сотрудников органов внутренних дел, ученые предложили расширить данное понятие и говорить о педагогической культуре личности сотрудника¹⁸.

Указанную категорию можно понимать, во-первых, как норму деятельности и поведения сотрудников органов внутренних дел, а во-вторых, как комплексную программу их дальнейшего служебно-педагогического развития.

В педагогической культуре выделяют две группы компонентов. В первую входят личностные качества сотрудника органов внутренних дел: служебно-педагогическая направленность, психолого-педагогическая эрудиция, интеллигентность, гармоничное развитие интеллектуальных и нравственных качеств, педагогический оптимизм.

Во вторую группу включены компоненты, относящиеся к практической деятельности сотрудника: педагогическое мастерство, опора на научные данные и гуманистические принципы в воспитании, чувство нового и творческий поиск в воспитательной и организаторской работе, педагогически действенное общение и поведение, активная устремленность к самосовершенствованию.

Повышение педагогической грамотности и культурного уровня сотрудников органов внутренних дел будет способствовать, по нашему мнению, не только успешному выполнению обязанностей в служебно-оперативной деятельности, но и в реализации важной социальной задачи — приобщения граждан к правовой культуре. Считаем, что изучение педагогики будет способствовать овладению способами самообразования и саморазвития специалистов, позволит им более эффективно реализовывать свои профессиональные ресурсы в работе с коллегами и гражданами.

Все изложенное позволяет говорить о том, что деятельность органов внутренних дел педагогически ориентирована и требует высокого уровня психолого-педагогической компетентности каждого сотрудника.

¹ Буяковский Р. О. Юридическая педагогика — особая область научного педагогического знания // Юридический мир. 2012. № 4. С. 66–68.

² Петрова А. С., Шелепова М. А. Нравственно-эстетическое воспитание сотрудников правоохранительных органов : учеб. пособие. Тюмень, 2010. С. 11.

³ На повестке дня — нравственное воспитание сотрудников милиции // Всероссийское совещание по вопросу: «О совершенствовании работы по профессионально-нравственному воспитанию личного состава». URL: <https://21.mvd.ru/gumvd/sovet/Novosti/Arhiv/item/823691> (дата обращения: 11.05.2015).

⁴ Регламент или Устав Главного магистрата от 16 января 1721 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. VI, № 3708. Гл. X. С. 297.

⁵ Борисова С. Е. Педагогика в деятельности сотрудников органов внутренних дел : курс лекций. Орел, 2011. С. 3.

⁶ Прикладная юридическая педагогика в органах внутренних дел : учебник / под ред. В. Я. Кикотя, А. М. Столяренко. М., 2008. С. 14.

⁷ Кораблев С. Е. Социально-ориентированная стратегия деятельности полиции как фактор ее профессиональной эффективности // Вестник Воронежского института МВД России. 2013. № 1. С. 153.

⁸ Касьян В. Ю. Оценка организации правоохранительной деятельности органов внутренних дел: вопросы методологии : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 10.

⁹ Сердюк Н. В. Герменевтический подход в педагогической деятельности руководителя ОВД // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. № 2(52). С. 10.

¹⁰ Кораблев С. Е. Специфика речевого воздействия в профессиональной коммуникации сотрудника правоохранительных органов на примере участковых уполномоченных милиции // Вестник Воронежского института МВД России. 2008. № 2. С. 67.

¹¹ Янбухтин Р. М. Личность сотрудника органов внутренних дел как объект управленческих отношений // Вестник Оренбургского государственного университета. 2005. № 3. С. 196.

¹² Словарь терминов по общей и социальной педагогике / сост. А. С. Воронин. Екатеринбург, 2006. URL: <http://window.edu.ru/resource/673/28673> (дата обращения: 11.05.2015).

¹³ Прикладная юридическая педагогика в органах внутренних дел : учебник / под ред. В. Я. Кикотя, А. М. Столяренко. С. 5.

¹⁴ Там же. С. 56–57 ; Борисова С. Е. Указ. соч. С. 25–26.

¹⁵ Чернова Э. Р. Теоретические проблемы правового воспитания сотрудников органов внутренних дел // Политика, государство и право. 2013. № 11. URL: <http://politika.snauka.ru/2013/11/1064> (дата обращения: 14.10.2015).

¹⁶ Емельянов Н. С., Бережкова Н. Ф. Правовое воспитание и предупреждение правового конфликта // Административное право и процесс. 2012. № 3. С. 74–77.

¹⁷ Жидовцева О. А. Правовое сознание: основные подходы к определению и классификации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 21. С. 206.

¹⁸ Тарасов А. Ф. Теоретические основы совершенствования педагогической культуры сотрудников органов внутренних дел : дис. ... д-ра пед. наук. СПб., 2000. С. 249 ; Минжанов Н. А., Ертывбаева Г. Н. О педагогической культуре личности сотрудника ОВД // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. № 2(52). С. 71–77 ; Афонькин Г. П., Кузьмин А. В. К вопросу о роли руководителя органа внутренних дел в организации эффективного управления процессом воспитания личного состава полиции // Полицейская деятельность. 2015. № 1. С. 47–52.

МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА И НАДЕЖНОСТЬ

УДК 159

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ НАДЕЖНОСТИ СОТРУДНИКА ОВД

Д. Е. Алексеев

В статье проведен теоретический анализ научных подходов к проблеме психологических условий обеспечения функциональной надежности. Указано на междисциплинарность рассматриваемой проблемы. Рассмотрены проблемы создания психологической модели обеспечения данного вида надежности и предложен авторский вариант модели психологических условий обеспечения функциональной надежности сотрудника ОВД.

Ключевые слова: надежность, функциональная надежность, психологические условия, психологическое обеспечение, когнитивный компонент, операциональный компонент, мотивационный компонент.

Модель психологических условий обеспечения функциональной надежности сотрудника органов внутренних дел еще не сформирована. Можно сказать, что не существует подобной психологической модели и в иных организациях, принявших концепции надежности за основу обеспечения деятельности персонала данных структур. Создание такой модели обосновано как указанием на наличие психологической компоненты в условиях обеспечения функциональной надежности специалиста в рамках ряда фундаментальных работ по проблеме надежности специалиста, так и практической необходимостью реализации данной компоненты в рамках программ обеспечения надежности.

В целях построения теоретической модели психологических условий обеспечения функциональной надежности сотрудника ОВД необходимо определить, что нами понимается под понятием «функциональная надежность».

Исходя из анализа теоретических подходов к рассмотрению проблемы функциональной надежности специалиста, а также некоторых программ ее обеспечения, можно сделать вывод, что центральными понятиями при определении функциональной надежности являются психологическое здоровье¹ и психофизическое благополучие². Общую идею данных двух понятий можно выразить, обратившись к понятию психического здоровья, сформулированному Всемирной организацией здравоохранения. Психическое здоровье определяется

как «состояние благополучия, в котором человек реализует свои способности, может противостоять обычным жизненным стрессам, продуктивно работать и вносить вклад в свое сообщество»³.

Чтобы не отождествлялись понятия психического, психологического здоровья, психофизического благополучия и функциональной надежности, необходимо сделать несколько уточнений:

1) функциональная надежность характеризуется не только психическим и психологическим здоровьем специалиста, но и его психофизическим благополучием;

2) кроме того, при определении психического здоровья способность к деятельности оценивается в целом (т. е. способен ли индивид осуществлять деятельность эффективно в принципе, безотносительно его подготовленности к требованиям профессии);

— для функциональной надежности важна способность специалиста выполнять конкретную деятельность с наименьшими потерями для своего психического и физического здоровья.

Когда мы говорим о функциональной надежности, мы должны учитывать, что для некоторых профессий общий уровень психического и психологического здоровья не будет достаточным, чтобы делать вывод о его функциональной надежности.

Функциональная надежность — это способность специалиста, базирующаяся на психическом, психологическом здоровье и психофизическом благополучии, выражающаяся в объективных (функциональные состояния) и субъективных (самочувствие) компонентах, позволяющая организму сохранять данное здоровье в процессе конкретной деятельности, развитая в соответствии с требованиями данной деятельности.

В психологии при рассмотрении проблем психологического обеспечения деятельности принято выделять его психологические условия, под которыми принято понимать совокупность внешних и внутренних условий психологического характера, их выполнение необходимо для эффективного психологического обеспечения деятельности.

Согласно идеям А. А. Благинина⁴, В. М. Крука, В. Д. Небылицина⁵, Е. А. Сергиенко⁶ среди прочих компонентов психологических условий обеспечения деятельности выделяется когнитивный. Значение его для надежности специалиста отмечено еще В. Д. Небылицыным. Он указывал на такую сторону когнитивного компонента, как интеллектуальное развитие специалиста. Если счи-

тать интеллект врожденным качеством индивида, то его рассмотрение интересно в рамках вопроса отбора, но теряет свою значимость при работе с уже отобранными специалистами, так как не поддается никакому изменению. При понимании «кристаллизованной» части интеллекта (в рамках идей С. Барта и Д. Векслера) изучение когнитивной компоненты надежности наиболее целесообразно, так как данный вид интеллекта в большей степени обусловлен не генетическими, а культурными факторами, опирается на знания и умения⁷. Полагаем, что при изучении когнитивной компоненты психологических условий обеспечения функциональной надежности целесообразно рассматривать не процессуальную сторону когнитивной сферы личности (мышление, память, восприятие и пр.), а ее результативную часть, выраженную в знаниях. Такое понимание когнитивного компонента психологических условий связано с представлением о том, что в настоящее время культура здоровьесберегающего поведения среди сотрудников ОВД мало развита, что является следствием недостаточной информированности данных сотрудников относительно сущности и методов сохранения функциональной надежности. Любая система, направленная на образование или развитие тех или иных психологических качеств, не может обойтись без формирования определенных знаний о сущности предмета формирования, развития и методах такого формирования.

Сказанное относится к когнитивной компоненте внутренних условий психологического обеспечения функциональной надежности, она проявляет себя в качестве внешнего условия.

Внешней стороной условий функциональной надежности (в плане ее когнитивной компоненты) являются знания лиц, осуществляющих психологическое обеспечение надежности, о сущности и методах обеспечения функциональной надежности сотрудника. Для осуществления какой-либо целенаправленной деятельности по психологическому обеспечению деятельности, в том числе по психологическому обеспечению надежности, специалисты и лица, осуществляющие и организующие эту деятельность, должны иметь достаточные знания о ее сущности и о методах такого обеспечения. Это согласуется с идеями В. М. Крука об организационно-процессуальных закономерностях обеспечения надежности, в том числе проявляющихся в подготовленности лиц, проводящих работу по психологическому обеспечению надежности сотрудника, в рациональном использовании собственных полномочий руководителями ОВД.

По мнению А. Ю. Федотова, существует явный разрыв в знаниях разработчиков программы надежности и исполнителей этой программы на местах⁸. На проблему необученности психологов адекватным методам психологического обеспечения надежности также указывается в работе⁹.

В настоящее время в МВД России активно проводится обучение специалистов-психологов методам обеспечения надежности специалиста. В связи с тем, что психологическая сторона функциональной надежности недостаточно разработана, говорить о полноценной подготовке психологов по направлению обеспечения функциональной надежности в полной мере пока нельзя.

Полагаем, наиболее целесообразно при исследовании детерминации функциональной надежности сотрудника когнитивной компонентой рассматривать знания в качестве ее основной репрезентанты. Это обусловлено и тем фактом, что (в отличие от интеллекта и познавательных психических процессов) данное психическое образование является наиболее динамичным и податливым для психологического воздействия, что позволяет достаточно эффективно его развивать.

Согласно идеям одного из основных представителей теории деятельности, А. Н. Леонтьева, любая деятельность мотивирована. Понятие «немотивированная деятельность» является бессмысленным¹⁰. В. П. Зинченко, дополняя структуру деятельности, выделенную А. Н. Леонтьевым, функциональным блоком, подчеркивает значение изучения микроструктуры деятельности, проявляющейся в рамках конкретных ситуаций, что позволяет более предметно изучить деятельность и ее конкретные мотивы¹¹. Таким образом подчеркивается высокая роль учета ситуации при анализе деятельности и ее мотивов. Можно предполагать, что мотивированность сотрудника зависит не только от состояния компонентов макроструктуры деятельности, но и от состояния ее микроструктуры, которая связана с конкретными ситуациями деятельности при выполнении конкретных задач.

Мотивационная компонента надежности отмечается рядом исследователей, но не всегда раскрывается ими. Так, М. А. Котик, говоря о важности мотивов при рассмотрении надежности оператора, сознательно в своем исследовании не делал мотивы предметом рассмотрения, указывая, что деятельность операторов априори считается мотивированной, т. е. оператор использует все свои ресурсы для достижения целей работы¹². Г. С. Никифоров, исследуя самоконтроль как механизм надежности, отмечал, что мотивация является ключевым компонентом данного самоконтроля¹³.

Согласно В. А. Бодрову для функциональной надежности большее значение имеет не безошибочность деятельности, а сохранение психофизического ресурса в процессе деятельности¹⁴, что позволяет говорить о необходимости мотивации, связанной с достижением именно данной цели.

Мотивационная компонента психологических условий функциональной надежности (как и когнитивная) имеет свою внешнюю и внутреннюю сторону.

Внутренняя сторона мотивационной компоненты психологических условий функциональной надежности проявляется в наличии у сотрудников ОВД мотива на сохранение и развитие у себя функциональной надежности. Такая мотивированность должна проявляться не только в декларативном желании сохранения и развития функциональной надежности, но и в мотиве на освоение конкретных методов, способствующих такому сохранению и развитию.

Внешняя сторона заключается в наличии у сотрудников, осуществляющих обеспечение функциональной надежности специалиста, мотивов к освоению методов данного обеспечения. Отсутствие такой мотивации сво-

дит эффективность любой работы по психологическому обеспечению к нулю.

Мотивационная компонента психологических условий обеспечения надежности соотносится с предметно-содержательными закономерностями ее обеспечения (по В. М. Круку), которые заключаются в обусловленности системы обеспечения надежности сотрудника ее значимостью для руководителей и специалистов. Эта компонента связана с подчинением мероприятий данного обеспечения мотивированности специалистов.

Необходимо определить, имеют ли специалисты-психологи и руководители представление о сущности и методах обеспечения функциональной надежности, хотят ли они владеть этими знаниями и методами, а также реализовывать их в практической деятельности.

Безусловно, важным компонентом условий обеспечения функциональной надежности (наряду с когнитивным и мотивационным компонентом) является операциональный компонент. Сущность его заключается в овладении специальными умениями и навыками, направленными на сохранение и развитие функциональной надежности сотрудника ОВД. Он соотносится с инструментально-методическими закономерностями обеспечения надежности (по В. М. Круку) и связан с необходимостью многократного использования экономически целесообразного специализированного диагностического инструментария, который бы позволял детализировать показатели, подвергающиеся исследованию, обеспечивал возможность перепроверки получаемых данных, требовал специальной подготовки и организации работы.

Данный компонент, как и предыдущие два, содержит внешнюю и внутреннюю сторону.

Внутренняя сторона операциональной компоненты психологических условий обеспечения функциональной надежности сотрудника ОВД заключается в наличии специальных умений и навыков, направленных на сохранение и развитие функциональной надежности у самих сотрудников. С точки зрения внутренних условий, интересны идеи М. А. Котика, Г. С. Никифорова и В. Ю. Рыбникова¹⁵, рассматривающих проблему саморегуляции в качестве механизма обеспечения надежности специалиста. Согласно взглядам данных авторов, механизмы произвольной и произвольной саморегуляции являются необходимым фактором для обеспечения надежности специалиста, оказывающим влияние как на эффективность деятельности, так и на психофизическое благополучие самого специалиста, выполняющего деятельность.

Внешняя сторона опирается на наличие специальных умений и навыков у руководителей, организующих мероприятия по обеспечению надежности, у специалистов, осуществляющих психологическое обеспечение надежности сотрудников, специальных навыков, позволяющих выполнять работу по такому обеспечению.

Руководствуясь содержанием описанных инструментально-методических закономерностей, необходимо сопоставлять целесообразность использования тех или иных методов при обеспечении функциональной надежности, исходя из адекватности затрат на такое обеспечение его результатам. Это справедливо как для внутренней,

так и для внешней стороны операциональной компоненты психологических условий функциональной надежности.

Можно сделать ряд выводов относительно содержания теоретической модели психологических условий обеспечения функциональной надежности сотрудника ОВД:

— функциональная надежность является видом надежности, базирующимся на психологическом здоровье и психофизическом благополучии, отражает способность организма сохранять собственный психофизический ресурс на протяжении выполнения деятельности;

— в МВД РФ функциональная надежность заявлена как часть цели по реализации надежности сотрудника органов внутренних дел, однако модели обеспечения данной надежности не существует;

— на основе анализа исследований надежности можно предположить, что функциональная надежность детерминирована тремя основными психологическими компонентами (условиями): когнитивным, мотивационным и операциональным, каждый из которых имеет свою внешнюю и внутреннюю сторону.

¹ Секач М. Ф. Психология здоровья : учеб. пособие для высшей школы. М., 2003. 192 с.

² Крук В. М. Психология обеспечения личностной надёжности специалиста : монография. М., 2012. 404 с.

³ URL: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs220/ru> (дата обращения: 02.09.2015).

⁴ Благинин А. А. Психофизиологическое обеспечение надежности профессиональной деятельности операторов сложных эргатических систем : дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 2005. 350 с.

⁵ Небылицин В. Д. К надёжности работы человека-оператора в автоматизированных системах // Вопросы психологии. 1961. № 6. С. 9–18.

⁶ Сергиенко Е. А., Виленская Г. А., Ковалева Ю. В. Контроль поведения как субъективная регуляция. М., 2010. 352 с.

⁷ Современный психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. СПб., 2006. С. 153–155.

⁸ Федотов А. Ю. Современные подходы к профессиональной и психологической подготовке сотрудников ОВД к действиям в особых условиях // Совершенствование психологической работы с личным составом в системе морально-психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности: актуальные вопросы и пути их решения : сб. ст. науч.-практич. конф. МВД России (18–19 сентября 2013 г.). М., 2014. С. 68–78.

⁹ Караваев А. Ф., Крук В. М., Носс И. Н., Виноградов М. В. Проблемы личностно-профессиональной диагностики в профотборе кандидатов на службу в органы внутренних дел и оценки надежности сотрудника // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 3(62). С. 106–113.

¹⁰ Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность. М., 1975. 304 с.

¹¹ Зинченко В. П., Моргунов Е. Б. Человек развивающийся: очерки российской психологии. М., 1994. 304 с.

¹² Котик М. А. Зависимость надежности работы человека-оператора от технических и психофизиологических ограничений : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 1974. 40 с.

¹³ Никифоров Г. С. Самоконтроль как механизм надежности человека-оператора. Л., 1977. 112 с.

¹⁴ Бодров В. А., Орлов В. Я. Психология и надежность: человек в системах управления техникой. М., 1998. 176 с.

¹⁵ Рыбников В. Ю. Психологическое прогнозирование надежности деятельности и коррекция дезадаптивных нервно-психических состояний специалистов экстремального профиля : монография. СПб., 2000. 205 с.

УДК 343.2/7

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА ГРАЖДАН НА НЕОБХОДИМУЮ ОБОРОНУ (ИСТОРИКО- ПРАВОВОЙ И ПСИХОЛОГО-ЮРИДИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ)

А. Н. Берестовой

В статье исследуются тенденции развития в отечественном уголовном законодательстве такого правового явления, как необходимая оборона. Указывается на незыблемость позиций данного института в уголовно-правовом регулировании прав каждого человека на защиту интересов собственных и других лиц. Отмечается устойчивость его позиций в российском уголовном законодательстве вне зависимости от вносимых в него изменений качественного и количественного характера.

Ключевые слова: необходимая оборона; условия правомерности необходимой обороны; обстоятельства, исключающие преступность деяния; преступление; условия правомерности; правомерный поступок; уголовно-правовая квалификация.

Одним из первостепенных обстоятельств, исключающих преступность деяния, является институт необходимой обороны, он присущ уголовному законодательству на всех этапах его развития.

Человеку, как, впрочем, и любому живому существу, от природы дано чувство выживания. Каждый человек стремится к самосохранению, с одной стороны, инстинктивно, а с другой — сознавая свое право на защиту по закону. Именно в силу этих причин человек старается избежать опасности и принимает все меры к ее устранению различными путями. По утверждению Ю. Н. Юшкова, «необходимая оборона как акт человеческого поведения основывается на инстинкте живых существ защищать себя от опасности. В ответ на угрозу человек пытается ей противодействовать или нейтрализовать ее»¹.

С появлением категории «преступления против жизни» в юридической науке возникает и понятие «самозащита». Великий русский криминалист А. Ф. Кони утверждал, что «в первобытном состоянии общества, когда оно еще не выработалось в правильно организованное современное государство, сознание о праве не имело в себе ничего объективного. Всякий руководствовался своими личными, субъективными воззрениями на право, и считал им то, что ему в данном случае заблагорассудится считать за право. С другой стороны, всякий и защищал свое право собственными силами и средствами. Очевидно, здесь господствовала сила, только сильный мог защититься как следует, и только право кулачное признавалось всеми безусловно»². По мере исторического развития общества крепнет государство, роль личности при защите правопорядка слабеет, отступает на второй план. Отдельному индивиду все меньше нужно быть в постоянной боевой готовности. В этот исторический период «первоначальная широта прав отдельного лица в области защиты и восстановления своих нарушенных прав по мере укрепления государственной власти сужается. Если на ранних стадиях развития ... общества отдельный гражданин не только защищал себя сам,

но и сам возвращал себе похищаемое и сам мстил нарушителю своего права, то сейчас из всего этого комплекса прав осталось только право необходимой обороны»³.

Самостоятельная физическая защита себя, своей семьи и имущества уступает место государственной защите. Право необходимой обороны лежит в личных, естественных неотъемлемых правах, принадлежащих любому человеку от рождения.

Причинение смерти нападающему — одна из самых ранних форм дозволенного причинения смерти. О ней знало законодательство почти всех государств, даже рабовладельческого периода. Типичный пример — убийство вора, застигнутого на месте совершения преступления. Еще Платон писал: «Если кто очно убьет вора, захватив его при попытке ограбить дом, тот не виновен; кто, обороняясь, убьет грабителя, тот не виновен; если кто совершит убийство, защищая своего отца, не сделавшего ничего нечестивого, или свою мать, детей, братьев, супругу, то он совершенно не виновен»⁴. С дальнейшим развитием общества и уголовного права институт необходимой обороны находил различные обоснования. Признанные классики права — римские юристы — считали необходимой оборону прирожденным правом и рассматривали его как *jus gentium*. В качестве исторического примера приведем известное высказывание Цицерона о необходимой обороне, которая есть неписанный, но необходимый закон — *est haec non scripta sed nata lex*. Римское право не дает четкого определения, а смотрит на необходимую оборону как на нечто естественное, личное и субъективное право гражданина, дающееся ему от рождения и следующее из его положения в обществе. В тот период развития права не существовало общих правил, каждый случай рассматривался отдельно. Судебная практика того времени была предельно простой: чтобы судья поверил тебе, достаточно было убедить его поставить себя на место действовавшего лица, находящегося в состоянии необходимой обороны, и удостовериться, насколько обороняющийся достиг цели защиты.

С точки зрения истории развития данного вопроса интересен взгляд религии на неотъемлемое субъективное право человека. Позиция религии на этот факт столетиями не менялась. В XIX в. А. Ф. Кони писал: «Церковь не только не смотрела на лицо, убившее кого-нибудь в необходимой обороне, как на преступника, но даже не видела в нем и великого грешника. Церковь не считает необходимой оборону безнравственной. Тот, с кем случилось такое несчастье, что он, обороняясь, пролил кровь брата своего, должен на основании канонического права и, следуя влечению сердца, очиститься постом, молитвой и милостыней. Церковь не налагает на него никакого наказания. Она смотрит на него как на человека гораздо более достойного сожаления, чем проклятия. Налагаемое ею небольшое наказание, эпитимию, нельзя считать наказанием в истинном смысле этого слова»⁵.

Первыми памятниками по русскому праву были Договоры Олега и Игоря с греками (911 г., 945 г.), в которых содержались нормы уголовного и гражданского права. В этих исторических документах не было специального

правила, определявшего понятие необходимой обороны, однако такое право допускалось при защите личности, собственности и выступало в форме убийства на месте преступления. В соответствии со ст. 4 Договора Олега, если русич убьет византийца или византиец убьет русича, то виновный должен умереть на том месте, где совершил убийство. Здесь, как отмечает В. П. Долопачев, «необходимая оборона еще не выделяется из самоуправства»⁶.

Позднее, уже в Договоре Игоря, мы видим некоторые изменения. Например, в ст. 13 говорится, что убийца может быть задержан и лишен жизни ближайшими родственниками убитого, но вместе с тем допускались и определенные ограничения расправы над преступником при совершении имущественных преступлений. Статья 6 Договора Олега говорит, что собственник имеет право убить только противящегося вора. В противном случае хозяин может только связать его.

Правовые нормы о необходимой обороне содержатся и в другом памятнике русского права — «Русской Правде». В этом историческом документе, в нормах, которые можно отнести к необходимой обороне, говорится, что защита допускается главным образом при нарушении имущественных прав. Разрешалось убивать ночного вора, который не сдается. Если же собственник убьет связанного вора или вора, который был задержан до рассвета, то должен платить за него уголовный штраф. Хозяин мог преследовать вора только в пределах своего жилища, за воротами убивать было уже нельзя.

Древнерусское законодательство вводило определенные ограничения при осуществлении права на необходимую оборону. Право задерживать преступника и причинять ему какой-либо вред предоставлялось только собственникам и ближайшим родственникам убитого. Что касается права необходимой обороны при посягательстве на личность, то в «Русской Правде» указывалось: «Если кто ударит другого батоном, а защищающийся ткнет мечом, то вины ему в том нет»⁷. Здесь в определенной степени сделана попытка определить некоторые условия соразмерности (правомерности) нападения и защиты при необходимой обороне.

Дальнейшее развитие право граждан на необходимую оборону получило в Уложении 1649 г. А. А. Берлин писал: «только в Уложении 1649 года, а позднее в Воинских артикулах и Морском уставе мы находим уже довольно подробное регулирование необходимой обороны»⁸.

По мнению А. Ф. Кони, Уложение составлено на основании прежних русских узаконений, где определены и ясно изложены границы необходимой обороны, что является огромным шагом вперед против господствовавшего прежде самосуда. Вместе с тем эти постановления довольно отрывочны и разбросаны, представления о необходимой обороне еще не сложились в отдельные, связанные между собою правила⁹.

Необходимая оборона допускалась при защите личности, собственности, а также при защите интересов третьих лиц. При этом причинение вреда нападающему считалось ненаказуемым, если его цель — отражение противозаконного нападения. Этим и определялись гра-

ницы необходимой обороны, что давало возможность отличать защитные действия от преступлений против личности.

Вопросы применения необходимой обороны в законодательстве Петра I отражены в Воинских артикулах 1716 г. и в Морском уставе 1720 г. Оба устава составляют первое полное теоретическое изложение основ уголовного права по военному делу. Если в Уложении 1649 г. необходимая оборона излагалась в разных статьях и разделах, то здесь она впервые получила специальное название: «Нужное оборонение». Правила «Нужного оборонения» излагались в главе о смертоубийстве, так как под правом необходимой обороны понималось право убийства нападающего. Воинские артикулы признавали необходимую оборону при посягательстве на жизнь, а Морской устав — при нападении, угрожающем здоровью.

В последующие годы были нормативные акты, в которых в той или иной степени упоминалось о праве необходимой обороны. В 1731 г. был издан Указ, которым запрещалась оборона при насильственном завладении землями. В Манифесте о поединках 1787 г. упоминается о необходимой обороне, но содержится требование: немедленно уведомить начальство об этой обороне.

В 1832 г. уголовное законодательство России было кодифицировано. Уголовный кодекс, получивший название «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных», в определенной степени отразил принципы западноевропейского права. Вопросы необходимой обороны рассматривались как в общей, так и в особенной частях. Отметим, что в Уложении 1832 г. не нашел отражения институт превышения пределов необходимой обороны, он получил свое признание лишь в Уголовном Уложении 1903 г. В частности, ст. 435 устанавливала, что превышение пределов обороны чрезмерностью или несвоевременностью защиты наказывается только в случаях, особо указанных законом.

Значительные изменения в теории уголовного права и практике применения права на необходимую оборону произошли после октября 1917 г. Как отмечает А. В. Косарев, после революции взгляд на необходимую оборону и преступления, совершенные с ее превышением, несколько отошел от критериев, принятых в демократических государствах¹⁰. Понятие необходимой обороны в советском уголовном праве впервые было дано в «Руководящих началах по уголовному праву РСФСР» 1919 г. В соответствии со ст. 15 «не применялось наказание к совершившему насилие над личностью нападающего, если это насилие явилось в данных условиях необходимым средством отражения нападения или средством защиты от насилия над его или другой личностью, если совершенное насилие не превышает мер необходимой обороны»¹¹.

Следующая в хронологическом порядке норма о необходимой обороне была закреплена в Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. Статья 19 определяла, что не подлежит наказанию уголовно наказуемое деяние, совершенное при необходимой обороне против незаконного посягательства на личность или права обороняющегося или других лиц, если при этом не допущено превышения пределов необходимой обороны¹².

Далее норма о необходимой обороне регулировалась Основными началами уголовного законодательства СССР и союзных республик 1924 г. Статья 92 гласила: «Меры социальной защиты не применяются вовсе к лицам, совершившим действия, предусмотренные уголовными законами, если судом будет признано, что эти действия совершены лишь в состоянии необходимой обороны против посягательств на советскую власть и революционный порядок, либо на личность и права обороняющегося или другого лица, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны»¹³.

Эта норма практически полностью была повторена в Уголовном кодексе РСФСР 1926 г. Необходимая оборона в тот период рассматривалась как обстоятельство, исключающее наказуемость деяния. В теории уголовного права отсутствовало четкое определение понятия необходимой обороны.

Одним из важных источников официального толкования рассматриваемого института стало постановление Пленума Верховного Суда СССР от 4 декабря 1959 г. «О практике применения судами законодательства о необходимой обороне», в котором отмечен ряд основополагающих моментов о порядке применения ст. 13 УК РСФСР «Необходимая оборона». Было обращено внимание судов на противоречащее законодательству положение: «... лицо, подвергнутое нападению, не вправе активно защищаться, если имеет возможность спастись бегством, обратиться за помощью к гражданам, к органам власти или избрать какие-либо иные способы, не носящие характера активного противодействия посягающему»¹⁴.

Следующим нормативным источником применения права на необходимую оборону стало постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16 августа 1984 г. № 14 «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств»¹⁵.

Статья о необходимой обороне, действовавшая более 30 лет, в какой-то мере способствовала развитию инициативы граждан в борьбе с преступными посягательствами, а также устраняла некоторые правовые различия, существовавшие в прежних редакциях, но она носила несколько декларативный характер. Провозглашая конституционное право граждан на защиту своих прав и законных интересов, она так и не давала гражданину четких ориентиров правомерности действий в состоянии необходимой обороны¹⁶.

В 1991 г. был подготовлен проект Основ уголовного законодательства Союза ССР и республик, который не был утвержден. В соответствии с ч. 1 ст. 23 названного проекта «не является преступлением действие, хотя и подпадающее под признаки деяния, предусмотренного уголовным законом, но совершенное в состоянии необходимой обороны, т. е. при защите личности и прав обороняющегося или другого лица, интересов общества или государства от общественно опасного посягательства путем причинения посягающему вреда, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны».

Нельзя оставить без внимания и вопрос, касающийся психического состояния лица, возникающего при на-

падении¹⁷. Нападение или посягательство (с точки зрения оснований для необходимой обороны) должно пониматься как деяние, направленное на достижение общественно опасных последствий.

Одновременно оно выступает и как признак, характеризующий (наряду с защитой) состояние необходимой обороны как системы и как определенного понятия. Чтобы нападение давало право на применение необходимой обороны, оно должно удовлетворять некоторым требованиям.

А. Ф. Кони делил их на главные (нападение должно быть настоящее, несправедливое) и второстепенные (невознаградимость потери, непредвиденность нападения, невызванность нападения)¹⁸. Авторы современных монографических исследований указывают три признака нападения, позволяющие считать его посягательством, от которого можно обороняться:

- общественная опасность;
- наличность;
- действительность.

Важнейшим из них является требование об общественной опасности посягательства¹⁹.

В уголовно-правовой литературе распространено мнение ученых, что основание для необходимой обороны — общественно опасное посягательство, т. е. она недопустима против действий лиц, не являющихся общественно опасными. В следственной и судебной практике прочно укрепилось положение, когда под общественно опасным посягательством, защита от которого допустима в пределах ст. 37 УК РФ, следует понимать деяние, предусмотренное Особенной частью уголовного закона (вне зависимости от того, привлечено ли лицо, его совершившее, к уголовной ответственности или освобождено от нее в связи с невменяемостью, недостижением возраста привлечения к уголовной ответственности или по другим основаниям). На этих же позициях стоит и Пленум Верховного Суда Российской Федерации, который в качестве самостоятельных критериев правомерности необходимой обороны рассматривает временной критерий посягательства (его наличность) и его реальность (действительность)²⁰.

Волнение, неизбежно возникающее при посягательстве, отрицательно влияет на психическое состояние жертвы нападения. Но только волнение, достигшее по своей силе и интенсивности физиологического аффекта, способно произвести тот качественный скачок в сознании человека, который существенно сказывается на его интеллектуальной и волевой деятельности. Ярость, отчаяние, ужас, ненависть или другие эмоции создают в психике аффектированного эмоциональное поле, затрудняющее не только правильное восприятие сложившейся ситуации, но и адекватное представление о характере действий посягающего, его дальнейших намерениях и возможностях и т. п. Некоторые виды аффекта резко увеличивают силы и возможности обороняющегося, повышают активность его двигательной системы, интенсивность его ответных действий, что может привести к более тяжким последствиям, чем были необходимы в целях защиты, за которые он не должен нести ответственность.

Для правильного решения вопроса о правомерности действий обороняющегося при необходимой обороне важно учитывать, что необходимая оборона нередко сопровождается состоянием сильного душевного волнения, именуемым в психологии физиологическим аффектом. Последний характеризуется чрезвычайно сильными и бурно протекающими эмоциональными потрясениями. В таком состоянии значительно сужается сознание, способность представлять и мыслить, затрудняется контроль за своими поступками, хотя при этом человек остается вменяемым.

Возможны ли умышленные действия обороняющегося, повлекшие превышение пределов необходимой обороны в случае страха, испуга или замешательства? Может ли лицо осознавать характер своих действий в случаях, если поражено сознание (и до какой степени) угрожающей ему общественной опасностью посягательства, что человек бессознательно (по одному чувству самосохранения) наносит лишние удары и действует инстинктивно?

В формировании в сознании обороняющегося представления об общественной опасности посягательства имеют важное значение субъективные факторы, т. е. личностные особенности данного лица:

- восприятие — отражение внешней стороны нападения;
- внимание — как психический процесс оказывает влияние на формирование представления об опасности;
- память — сравнение данной опасности и информации, имеющейся в памяти, о личности посягающего;
- характер — определяет, как обороняющийся будет вести себя в тех или иных обстоятельствах;
- психическое состояние обороняющегося.

В жизни могут быть случаи, когда обороняющийся человек находится под влиянием испуга, настолько подчиняется психическому гнету страха, что не имеет возможности и времени анализировать и предполагать, какое из его действий защиты преступает пределы необходимой обороны, а какое нет²¹.

Страх и ужас возникают от внешних раздражителей, воспринимаемых психикой как опасные для витальных интересов. Страх — оборонительная реакция, нацеленная на сохранение наиболее важных физических благ человека, который может возникнуть в результате появления реальной опасности для жизни и здоровья. Если человек ошибся в оценке опасности, то возникшая эмоция и совершенные под ее влиянием действия не перестают быть оборонительными.

По мнению немецких ученых, социальные условия способствуют подавлению у людей уверенности в себе. Угнетенное психическое состояние может продуцировать беспричинное чувство страха. «Страх, как боль, — это очень неприятное чувство, человек пытается любой ценой от него избавиться. Одним из самых действенных приемов вытеснения страха является агрессивность»²².

В уголовном праве состояние страха, испуга, замешательства — такое состояние психики, при котором человек хотя и не утратил способность отдавать отчет в совершаемых поступках, но в значительной мере поте-

рял контроль над своими действиями и обороняется инстинктивно, нежели обдуманно, т. е. умышленно.

Признавая личность, ее права и законные интересы как высшую ценность для государства, уголовно-правовой институт необходимой обороны должен совершенствоваться, соответствовать современным реалиям. Необходимо учитывать не только объекты уголовно-правовой охраны, но и наиболее типичные ситуации обороны. Закон должен быть доступен для понимания простым гражданам.

Важно единство двух подходов к уголовно-правовой оценке объективной ситуации «посягательство — защита»: юридико-догматического и уголовно-социологического.

Состав необходимой обороны представляет собой юридическую систему взаимосвязанных и взаимодействующих признаков, характеризующих ее объект, объективную сторону, субъект, субъективную сторону, являющуюся юридическим основанием неприменения уголовной ответственности к обороняющемуся лицу, которое в состоянии необходимой обороны причинило вред посягающему.

С субъективной (психологической) стороны обязательный признак необходимой обороны — цель поведения субъекта обороны: защита личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых уголовным законом интересов общества или государства.

Пределы необходимой обороны могут быть объективно превышены в силу особого эмоционального состояния: под влиянием физиологического аффекта, страха, испуга, замешательства, вызванных нападением и его внезапностью. В таких криминальных ситуациях человек не всегда в состоянии точно взвесить характер опасности и избрать соразмерные средства защиты, что, естественно, может повлечь и более тяжкие последствия.

Только после установления в действиях лица всех достаточных и необходимых признаков необходимой обороны, причинение вреда нападающему может быть признано правомерным, т. е. исключающим уголовную ответственность.

В настоящее время необходимо социально и криминологически обусловленное совершенствование института необходимой обороны. «Необходимая оборона будет существовать вечно, потому что основана на законе необходимости, а этот закон по самому существу своему вечен. Поэтому понятие о необходимой обороне существует истари и никогда не перестанет существовать»²³.

¹ Юшков Ю. Н. Институт необходимой обороны и его роль в борьбе с преступностью в современных условиях // Гос-во и право. 1992. № 4. С. 61.

² Кони А. Ф. О праве необходимой обороны. М., 1996. С. 8.

³ Там же. С. 234.

⁴ Платон. Законы. «Academia»: в 15 т. СПб., 1923. Т. 14. С. 109.

⁵ Кони А. Ф. Указ. соч. С. 65.

⁶ Долопчев В. П. О праве необходимой обороны // Юридический вестник. 1874. С. 34.

⁷ Владимирский-Буданов Н. Ф. Обзор истории русского права. СПб., 1909. С. 312.

⁸ Берлин А. А. О необходимой обороне. Ярославль, 1911. С. 8.

⁹ Кони А. Ф. Указ. соч. С. 9.

¹⁰ Косарев А. В. Актуальные проблемы института необходимой обороны : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2001. С. 11.

¹¹ *Руководящие начала по уголовному праву РСФСР*. М., 1919. С. 29.

¹² *Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917–1952 гг.* / под ред. И. Т. Голякова. М., 1953. С. 118.

¹³ Там же. С. 201.

¹⁴ *Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924–1977*. М., 1978. Ч. 2. С. 69.

¹⁵ *Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924–1986*. М., 1987. С. 69.

¹⁶ Акимочкин В. Нападение и защита // *Рос. юстиция*. 1998, № 1. С. 15–16.

¹⁷ Турецкий Н. Н. Необходимая оборона. Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление. Алматы, 2003. С. 30.

¹⁸ Кони А. Ф. Указ. соч. С. 11.

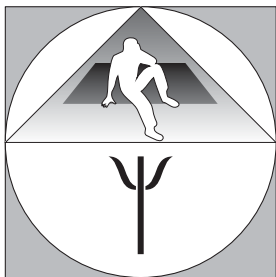
¹⁹ *Гарбатович Д. А. Необходимая оборона при защите чести, достоинства, половой свободы, права собственности*. М., 2012. С. 18–20 ; *Михайлов В. И. Правомерный вред в уголовном законодательстве и правовой доктрине*. СПб., 2011. С. 62–64 ; *Милюков С. Ф., Никуленко А. В. Причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние*. СПб., 2015. С. 202.

²⁰ *О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19* // *Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации*. 2012. № 11. С. 4.

²¹ Там же.

²² *Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности*. М., 1994. С. 132.

²³ Кони А. Ф. Указ. соч. С. 10.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ

УДК 159.947.5:351.74.08 (470)

ОСОБЕННОСТИ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ, САМОМОТИВАЦИИ И ПРОКРАСТИНАЦИИ У СОТРУДНИКОВ ОВД

Э. Р. Исхаков

В статье отмечается, что важный фактор, влияющий негативным образом на достижение целей, — феномен «прокрастинации», заключающийся в откладывании намеченных и необходимых дел на неопределенное время. Установлено, что понятия «цель» и «самотивация» для опрошенных сотрудников подразделений следствия и дознания довольно размыты и неясны. Показаны применяемые приемы самомотивации для достижения различного рода целей.

Ключевые слова: целеполагание, самомотивация, прокрастинация, сотрудники полиции, психологи.

Актуальным является поиск и совершенствование методов работы психологов подразделений ОВД по профессиональной подготовке кадров¹. При этом важно достижение гармоничной жизни и личностного саморазвития, личных жизненных целей у сотрудников. Сам факт наличия поставленных целей является положительным аспектом личностного и профессионального развития сотрудника. Особую роль в достижении личных целей играет самомотивация — как мощный инструмент активизации деятельности по осуществлению задуманных планов (в профессиональной работе и в личной жизни), а также по поддержанию необходимого уровня активности при выполнении намеченных дел. Исследования показывают, что психологами ОВД не уделяется внимания индивидуальной консультационной работе или групповым тренингам по основам личностного роста для сотрудников подразделений полиции. Подчеркивается важность изучения навыков целеполагания у сотрудников ОВД, но в научных работах этот вопрос не раскрывается. Интерес представляет определение особенностей целеполагания и приемов самомотивации, которые используются сотрудниками ОВД в личной и профессиональной жизни, так как достижение желаемого способствует гармонизации личности человека и его жизни. Важным фактором, влияющим негативным образом на достижение целей, является феномен «прокрастинации», заключающийся в откладывании намеченных и необходимых дел на неопределенное время.

На первом этапе для установления особенностей целеполагания был проведен эксперимент: задание давалось 12 слушателям (10 мужчин и 2 женщины) заочного отделения шестого курса (1-я группа). За пять минут необходимо было написать 15 своих жизненных целей.

Для установления особенностей самомотивации были опрошены 18 человек (15 мужчин и 4 женщины), сотрудников ОВД, руководителей подразделений различного уровня, состоящих в резерве кадров на выдвижение на вышестоящую должность (следствие, дознание), проходящих соответствующие обучение на факультете дополнительного профессионального образования (2-я группа). Применялась анонимная анкета, включающая два вопроса.

На втором этапе исследования по специально разработанной анкете (вопросы о целях и мотивации к их достижению, а также о таком явлении, как «прокрастинация») были опрошены психологи подразделений полиции (32 человека).

В разделе анкеты о целеполагании есть вопрос об указании двух-трех глобальных жизненных целей. Для анализа нам важны были цели, поставленные респондентом под номером «один» и «два».

Полнота написания цели оценивалась по критериям SMART, или «КИЛО» (конкретность, измеримость, локализованность в пространстве, определенность по времени)².

Исследование особенностей целеполагания выявило результаты, показывающие недостаточную компетентность сотрудников по формированию целей. Из 12 человек, участвующих в эксперименте, полностью задание не выполнил никто. Наибольшее число указанных целей: 10 — 2 человека, 16,66%; 9 — 1 человек, 8,33%; 8 — 1 человек, 8,33%. Большинство опрошенных написали 7 целей — 4 человека, 33,33%; 6 — 3 человека, 25%; и 5 целей — 1 человек, 8,33%.

Практически все отмеченные цели состояли из 2–3 слов, в ряде случаев — из одного, при этом они не отвечали таким критериям, как SMART В них не указывалось определенное место, отсутствовали сроки, показатели измеримости и конкретика. Наиболее часто (в порядке убывания) указывались следующие сформулированные цели:

- воспитать (вырастить) детей (варианты — дать детям образование) — 12 человек (100 %);
- получить диплом (варианты целей — высшее образование, закончить институт) 12 человек (100 %);
- обретение материальных ценностей и финансов (заработать много денег, купить (поменять) авто, получить зарплату в 250 тыс., купить квартиру) — 10 человек (83,3 %);
- построить (достроить) дом — 9 человек (75,0 %);
- получить офицерскую должность (вплоть до генеральской) — 8 человек (66,6%);
- связанные с семейной жизнью (помочь родным, завести семью, обеспечить детей безбедной жизнью, выдать замуж (женить) детей, родить еще одного ребенка) — 7 человек (58,3 %);
- связанные с отдыхом (съездить на море, за границу) — 7 человек (58,3%);
- дослужить до пенсии — 6 человек (50,0 %);
- сделать карьеру (найти хорошую работу по специальности) — 4 человека (33,33 %);
- погасить кредит — 3 человека (25,0 %).

Были указаны и такие цели, которые трудно дифференцировать как относящиеся к какой-то сфере жизни, они трудно определяются сторонними людьми — что конкретно имелось в виду (перевестись на другую службу, добиться успехов в личной жизни, дожить до старости, посадить дерево и т. д.) — 6 человек (50,0 %).

Полученные результаты, свидетельствующие о недостаточной компетентности по формированию целей сотрудниками полиции, подтверждаются исследованиями³: 74,3% опрошенных психологов ОВД затруднились в определении цели своей профессиональной деятельности, полагая, что главное — это «самореализация, самосовершенствование, личностный рост», а также совершенствование собственных профессиональных знаний и др.

Из 18 опрошенных человек на вопрос: «Какими основными способами вы себя мотивируете для выполнения дел по достижению своих различных целей?» было получено 30 вариантов ответов с различной частотой упоминания каждого из них. Наиболее часто встречались такие, как «саморазвитие» — 4 ответа (13%), «желание достичь поставленной цели», «получение материального вознаграждения от деятельности», «удовлетворение различных потребностей», «комфорт» — по 3 ответа (10%). На формулировки «необходимость», «хорошее самочувствие и удовольствие», «самоутверждение», «стать здоровее» пришлось по 2 ответа (6,6%).

По одному упоминанию (3,3%) пришлось на такие способы мотивации своей деятельности, как «желание быть образованной», «поддержание физической формы», «социальное воздействие», «достижение поставленной цели», «желание получить результат от деятельности», «внутренний интерес от деятельности», «достижение определенного положения в обществе и поддержание своего статуса», «желание отличаться от других», «достижение поставленной цели», «самооценка», «уверенность», «ответственность перед близкими», «желание показать пример детям», «положительные последствия в будущем», «собственное удовлетворение».

Большой список способов мотивации, формулировку которых трудно объяснить с точки зрения постороннего человека, на наш взгляд, указывает на отсутствие понимания, что такое «самомотивация», а также на то, что, скорее всего, люди не задумывались над этим прежде.

По числу используемых видов мотивации максимальное количество опрошенных указали три варианта самомотивации — 6 человек (33,3%), два варианта — 5 человек (27,7%) и один — 4 человека (22,2%). По 4, 5 или 8 видов самомотивации в своей деятельности применяют по 1 человеку (5,5%).

Среди всех сотрудников, участвующих в опросе, в аудитории была прочитана лекция в интерактивной форме о приемах и способах самомотивации человека для достижения им своих целей. Во время лекции была дана информация о 12 способах (приемах, формах, методов) самомотивации. После лекции респондентов попросили ответить на вопрос: «Какие наиболее, на ваш взгляд, эффективные способы самомотивации (из показанных на лекции) вы будете в дальнейшем применять в своей жизни для достижения целей?» Из 18 ответивших указало 2 приема — 10 человек (55,5%), 1 прием — 7 человек (38,8%) и 3 приема указал только 1 человек (5,5%).

Опрошенные 18 человек дали 30 ответов. Популярным ответом стал такой прием, как «стараться сделать ради близких» — 8 ответов (26,6%), на втором месте — «создать образец для подражания и брать с него пример» — 5 ответов (16,6%), на третьем месте — «создам соответствующее окружение» — 4 ответа (13,3%). Далее следовали: «представлю негативные последствия недостижения цели» и «договор с другом» — по 3 ответа (10,0%), «призову себя в армию» и выполнение приема «молодец», а также «поспорить» — по 2 ответа (6,6%), последнее место занял прием «представлю положительные аспекты достижения цели» — 1 ответ (3,3%). Из 12 представленных приемов было названо 9, но никто не указал в виде самомотивации «объявить прилюдно о намерениях», «найти себе ученика».

Это объясняется тем, что основной мотив совершения нашей деятельности — желание обеспечить определенный уровень жизни своей семье и близким.

Отсутствие в списке формулировки «объявить прилюдно о намерениях» либо о цели, которую, по мнению отвечающих, следует сохранять в тайне, либо о том, что человек не уверен в своих силах и будет остерегаться негативного общественного мнения при недостижении цели. Отсутствие такого приема, как «найти себе ученика» связано с отсутствием опыта передачи знаний обучаемым, что важно для повышения уровня профессионализма обучающего.

Исследование целеполагания и мотивации у психологов выявило следующее. Из 32 психологов, получивших анкеты для анонимного заполнения, двое отказались их заполнять, один человек указал, что не имеет глобальных жизненных целей. Из 29 прописанных целей наиболее часто встречались связанные с профессиональным ростом (получить еще одно образование, сделать карьеру, получить/повысить уро-

вень специальности и т. д.) — 11 человек (37,9%), на втором месте стоят цели, касающиеся улучшения жилищных условий (покупка квартиры и т. п.) — 5 человек (17,24%), далее — цели, ориентированные на приобретение автомобиля и заботу о здоровье (получить консультацию врача, бегать по утрам, отдохнуть на море) — 4 человека (13,73%), цели, связанные с улучшением семейной жизни (рождение детей, дать образование детям и т. д.) указали 3 человека (10,34%), 2 человека (6,89%) на первое место поставили цели, которые можно условно отнести к выживанию — «иметь работу» и «стабильность в работе». Ни одна из представленных целей не соответствовала по объему написания критериям системы КИЛО. Распределение целей по этим параметрам выглядит следующим образом: критерию «конкретность» соответствовало 16 целей (55,17%), «измеримость» — 5 целей (17,24%), «определенность по времени» — 2 цели (6,88%), «локализованность в пространстве» — 1 цель (3,44%).

В ряде случаев происходила подмена понятия «моя мотивация» в достижении цели на указание конкретных действий по их достижению. Так, действия по достижению целей были отмечены в графе «моя мотивация» у 11 человек (37,93%), сам мотивирующий фактор был указан у 18 человек (62,0%).

Из 18 ответов, установленных как мотивация, используемая респондентом для достижения поставленной цели, проведено условное распределение на несколько групп: «предстоящее улучшение личной комфортности» — 6 ответов (33,3%) (сюда отнесены такие мотивации, как «у меня есть мое личное пространство», «восстановление работоспособности», «удобство», «иметь собственное жилье», «независимость», «обеспечение удобства, личного пространства для каждого члена семьи»).

Этим мотивировалось и достижение целей, связанных с приобретением жилья — 3 ответа (50%), покупкой автомобиля — 2 ответа (33,3%), поездкой в отпуск на море — 1 ответ (13,6%).

Пять ответов (27,77%) отнесено к такой мотивации, как «будущее расширение своих возможностей в действиях». Здесь указывались следующие мотивы: «иметь возможность более активно заниматься физической подготовкой и участвовать в сдаче нормативов по физической подготовке», «повысить профессиональный уровень, лучше разбираться в людях», «желание реализовать себя», «владеть юридическими знаниями», «саморазвитие и профессиональная самореализация». Такими мотивами сопровождалась цели «продвижение по службе», «высшее юридическое образование», «стать хорошим практическим психологом», «учиться на клинического психолога», «поправить свое здоровье».

Два случая (11,11%) отнесено к мотиву «желание иметь детей и семью», который указан для таких целей, как «родить второго ребенка» и «приобрести жилье».

К группе мотивов «улучшение и поддержание здоровья» было отнесено два ответа (11,11%). Эти мотивы связаны с целями «бегать по утрам» и «получить консультацию кардиолога».

Мотив из группы «улучшение материального положения» также наблюдался в двух случаях (11,11%) — «повысить материальный уровень», «необходимые средства на жизнь». Эти мотивы были при таких целях, как «аттестоваться» и «иметь работу».

Мотив, причисляемый к группе «карьера» («аттестоваться, стать сотрудником МВД»), был у 1 человека (5,55%) и сопровождал цель «получение второго высшего образования (юридического)».

Для установления наиболее частых мотивов для осуществления целей были изучены ответы по мотивации, отмеченные в анкете по цели № 2. Вторая цель была указана у 25 лиц (из 29 заполнивших анкету). Из 25 лиц в графе «моя мотивация» были указаны действия по достижению цели, мотивирующий фактор — у 22 человек.

Из 7 целей, связанных с улучшением семейной жизни, мотивом было названо «знакомство с молодыми людьми» — в 2 случаях, по одному ответу приходилось на такие мотивы, как: «создание крепкой благополучной семьи», «желание иметь детей», «более благополучное будущее», «чувствовать себя защищенной», «гармоничное отношение с парнем».

Для шести целей, связанных с улучшением жилищных условий, мотивацией их достижения в двух случаях стало «продолжить служить», в остальных вариантах по одной мотивации — «уютная обстановка вокруг меня», «расширить жилищную площадь», «иметь собственное жилье», «увеличить материальный достаток».

Для трех целей, связанных с профессиональным ростом, мотивацией для их достижения названы: «интерес», «самореализация», «повысить свой профессиональный уровень».

Из двух целей, связанных с оформлением документов, мотивацией выступили «любовь к порядку в работе», «отдых за границей».

У цели «здоровый образ жизни» в качестве мотивации указаны наличие заболевания и желание улучшить свое здоровье. У цели «приобрести новый надежный автомобиль» мотивацией было то, что «надежный автомобиль редко ломается». Цель «поехать отдохнуть за границу» мотивировалась «новыми ощущениями и эмоциями».

При определении предполагаемой частоты в откладывании дел «на потом» у 29 опрошенных установлено, что наиболее часто указывался вариант «редко» — 19 человек (65,5%), «часто» — 6 человек (20,6%), «никогда» — 1 человек (3,44%), 3 человека (10,34%) указали вариант «другое» с пояснениями: «крайне редко», «в последнее время реже», «иногда».

Из 6 человек, отметивших, что «часто» откладывают дела на потом, мотивацию для их выполнения смогли написать только трое (50%): «нужно мне и моим близким», «когда сделаю дело, куплю себе что-то вкусное и отдохну», «здоровье дороже».

Из 19 человек, указавших, что «редко» откладывают дела «на потом», 16 человек мотивируют себя при начале выполнения откладываемых дел: «поставлена цель, значит нужен результат, не будет результата не будет».

дальнейшего развития», «это нужно для меня! О своем здоровье могу позаботиться только я», «так будет лучше и полезней для меня самой», «надо это сделать и все», «говорю себе — надо», «даю обещание близким людям, что сделаю это», «я обязана», «уходит время, дело не сделано», «оздоровление», «это необходимо сделать», «похвалить себя, когда сделаешь дело — какая я молодец!», «представляю конечный результат, а когда добиваюсь малейшего успеха, то это служит еще большей мотивацией», «нужно сделать, потому что в квартире должно быть чисто и уютно», «осознание выполнения цели», «это необходимо, я должна», «необходимо», «дела нужно доводить до логического конца».

Для трех человек, кто в ответе об откладывании личных дел «на потом» выбрал вариант «другое», мотивацией стали: «применение приема “лягушки”» (согласно положений тайм-менеджмента Г. Архангельского «лягушками» называют неприятные, неинтересные, но нужные дела), «убеждение себя в том, что “надо брать и делать сейчас”», действие «беру календарь и еще раз напоминаю себе о крайних мерах».

Установлено, что понятия «цель» и «самотивация» для опрошенных сотрудников подразделения следствия и дознания являются довольно размытыми и неясными. После информирования их об основных способах самомотивации опрошенные для дальнейшего применения в жизни выбрали прием «стараться сделать ради близких».

Психологи подразделений показали недостаточный уровень компетенции, касающийся раскрытия понятия

«самотивация». В ответах, связанных с самомотивацией, опрашиваемые указывали и свои цели. У психологов тоже встречается откладывание дел «на потом», для выполнения которых ими применяются различные приемы самомотивации.

Необходимо информировать сотрудников об основах целеполагания, следует обучать их различным приемам проведения самомотивации для выполнения деятельности по достижению своих целей. Это обучение можно осуществлять как в рамках морально-психологической подготовки, так и при индивидуальных консультациях, а также через проведение психологических групповых тренингов.

¹ Марьин М. И. Научно-практические проблемы повышения эффективности психологической работы в ОВД // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 1(56). С. 80–86; Ендржеевский А. А. Морально-психологическое обеспечение оперативно-служебной деятельности ОВД: состояние и основные пути совершенствования // Там же. С. 86–90; Крук В. М., Караваев А. Ф. Совершенствование психологической работы с личным составом в системе морально-психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности: актуальные вопросы и пути решения (обзор материалов науч.-практич. конф.) // Там же. С. 74–78.

² URL: <http://www.litres.ru/eduard-ishakov/kak-postavit-cel-i-motivirovat-sebya-dlya-ee-dostizheniya/> (дата обращения: 30.11.2015).

³ Цветков В. Л., Хрусталева Т. А. Профиль профессиональных компетенций психолога органов внутренних дел // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 2(62). С. 22–25.

УДК 159.9.07

ОСОБЕННОСТИ ИДЕНТИФИКАЦИОННЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ОБРАЗА «Я» СОТРУДНИКОВ ОВД НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ ПРОХОЖДЕНИЯ СЛУЖБЫ

Д. И. Нефедова

В статье анализируется характер изменений идентичности и самого образа «Я» сотрудников органов внутренних дел в процессе их профессионализации. Показано, что образ себя существенно отличается у сотрудников на разных этапах прохождения службы. Выявлено, что сотрудники со стажем службы от 5 до 10 лет отличаются доверием к себе, принятием себя, уверенностью в себе, ожиданием позитивного отношения к себе окружающих, верой в свои силы, самостоятельностью.

Ключевые слова: идентичность человека, образ «Я», самоотношение, трансформация идентичности, самовосприятие, самописание, влияние профессии.

Любая профессиональная деятельность предъявляет к человеку определенные требования и накладывает своеобразный отпечаток на его личность и весь образ жизни. В современных условиях сотрудники ОВД выполняют ответственные задачи в сложной обстановке

постоянного воздействия психогенных факторов: опасность, сопряженная с риском для жизни; физические перегрузки; напряженная работа внимания; необходимость непрерывного анализа быстро меняющихся ситуаций и их неопределенность. Такая специфика профессиональной деятельности сотрудников полиции часто может приводить к истощению психологических ресурсов внутреннего мира личности, нервно-психической напряженности и к отклонениям в эмоциональной, когнитивной и мотивационно-смысловой сфере личности. Это подтверждает и психологическая практика в ОВД¹. Существенную часть запросов к психологам подразделения составляют обращения сотрудников: проблемы утраты жизненных перспектив, «поиск себя», рост пессимизма, изменение собственной социальной активности, непринятие своей актуальной жизненной ситуации и социального статуса и т. д. В подобных ситуациях происходит переосмысление себя как личности в целом и как субъекта деятельности в частности, социальных отношений и множества других личностных проявлений, кажущихся убедительными независимо от того, основываются они на объективном знании или субъективном мнении, так как конкретные способы самовос-

приятия, ведущие к формированию образа «Я», могут быть разнообразны².

В условиях прохождения службы в МВД все актуальнее становится проблема устойчивости личностной идентичности как системной характеристики человека (открытой системы), способом существования которой является саморазвитие, заключающееся в способности человека удерживать непрерывность своего «Я» в потоке пространственно-временных трансформаций³.

Исследование характера изменений идентичности сотрудников органов внутренних дел в процессе профессионализации является одной из важных проблем, связанных как с успешным выполнением ими служебно-боевых задач, так и с решением повседневных семейно-бытовых вопросов. Частным аспектом этой проблемы можно назвать исследование образа «Я», который выступает одной из ключевых характеристик, связанных с самопониманием и самосознанием себя как личности, субъекта деятельности.

Данная статья является одним из этапов объемного эмпирического исследования, проводимого нами в рамках изучения динамических характеристик идентичности сотрудников ОВД в процессе прохождения ими службы, цель которого — получение знаний о том, каким образом начинает трансформироваться идентичность человека под воздействием культуры и среды органов внутренних дел, порождая у сотрудников новое видение образа мира, образа «Я» и характерные признаки нового образа жизни.

В данном исследовании приняли участие 150 сотрудников органов внутренних дел в возрасте от 20 до 46 лет (средний возраст — 29,4), из них 52 женщины и 98 мужчин. Выборка представлена 3 группами: в первую вошли молодые сотрудники ОВД (стаж от 3 до 5 лет), во вторую — сотрудники, имеющие стаж службы в ОВД от 5 до 10 лет, в третью группу вошли прослужившие более 10 лет в ОВД.

Для решения поставленных задач использовалась методика исследования самоотношения В. В. Столина, С. Р. Пантелеева, рефлексивная методика М. Куна, Т. Макпарлэнда «Кто я?».

Опросник самоотношения В. В. Столина, С. Р. Пантелеева направлен на выявление уровня самоотношения испытуемого к самому себе. Он позволяет выявить три уровня самоотношения, отличающихся по степени обобщенности:

- 1) глобальное самоотношение;
- 2) самоотношение, дифференцированное по самоуважению, аутосимпатии, самоинтересу и ожиданиям отношения к себе;
- 3) уровень конкретных действий (готовности к ним) в отношении к своему «Я».

В качестве исходного принимается различие содержания «Я-образа» (знания или представления о себе, в том числе и в форме оценки выраженности тех или иных черт) и самоотношения. В ходе жизни человек познает себя и накапливает о себе знания, они и составляют содержательную часть его представлений о себе. Однако знания о себе самом, естественно, ему безразличны: то, что в них рас-

крывается, оказывается объектом его эмоций, оценок, становится предметом его более или менее устойчивого самоотношения.

Результаты, полученные в ходе применения методики, представлены в табл. 1.

Наиболее показательны следующие выявленные тенденции в группах сотрудников, имеющих разный стаж службы в системе ОВД (табл. 1):

Таблица 1. Показатели самоотношения у сотрудников различных групп, %

Шкалы опросника самоотношения	Группа сотрудников	Признак не выражен	Признак выражен	Признак ярко выражен
Шкала S — глобальное самоотношение	1	0	2	98
	2	0	0	100
	3	0	12	88
Шкала I — самоуважение	1	0	4	96
	2	0	3	97
	3	0	5	95
Шкала II — аутосимпатия	1	7	13	80
	2	6	11	83
	3	19	19	62
Шкала III — ожидаемое отношение других	1	13	33	54
	2	9	51	40
	3	12	63	25
Шкала IV — самоинтерес	1	13	26	61
	2	28	23	49
	3	30	28	42
Шкала 1 — самоуверенность	1	7	17	76
	2	3	14	83
	3	9	21	70
Шкала 2 — отношение других	1	22	59	19
	2	31	54	15
	3	19	76	5
Шкала 3 — самопринятие	1	0	30	70
	2	0	23	77
	3	3	32	65
Шкала 4 — саморукводство, самопоследовательность	1	9	28	63
	2	3	29	68
	3	5	19	76
Шкала 5 — самообвинение	1	80	15	5
	2	86	11	3
	3	72	12	16
Шкала 6 — самоинтерес	1	9	13	78
	2	11	20	69
	3	19	19	62
Шкала 7 — самопонимание	1	0	17	83
	2	3	6	91
	3	16	7	77

Примечание. Здесь и в последующей таблице: 1 группа — сотрудники, имеющие стаж в ОВД от 3 до 5 лет; 2 группа — сотрудники, имеющие стаж в ОВД от 5 до 10 лет; 3 группа — сотрудники, имеющие стаж в ОВД более 10 лет.

Большинство показателей Шкалы S «глобальное самоотношение» и Шкалы I «самоуважение» находятся в границах высоких значений у всех трех групп выборки, что говорит о высоком уровне принятия себя сотрудниками независимо от стажа службы в ОВД. Можно говорить что все сотрудники верят в свои силы, способности, энергию и самостоятельность, считают, что могут контролировать собственную жизнь, самопоследовательны и понимают самих себя. Однако такое большое количество высоких результатов по данным шкалам (от 95 до 100%) и наличие достоверных различий по остальным (нижеописанным шкалам) может свидетельствовать, что сотрудники еще в недостаточной степени осознают и открыто выражают значимую неприятную информацию о себе, стремясь преподнести себя в более выгодном свете, давая социально желаемые ответы.

По Шкале II «аутосимпатия», которая отражает показатель дружелюбности-враждебности к собственному «Я», наиболее высокие результаты наблюдаются у первой группы сотрудников — 83% и второй — 80%. У сотрудников третьей группы снижена выраженность данного признака — 62%. Полученные результаты говорят о том, что с выслугой лет у них происходит снижение самооценки, наблюдается видение в себе недостатков и повышается готовность к самообвинению.

Шкала III «ожидаемое отношение от других» отражает ожидание позитивного или негативного отношения к себе окружающих. Снижение выраженности данного признака выявлено у второй и третьей группы сотрудников — 40% и 25% соответственно, что отражает их ожидание более негативного отношения к себе при взаимодействии с другими людьми. Первая группа респондентов (54%) имеет более положительные установки по отношению к себе при взаимодействии с другими людьми.

При распределении результатов по Шкале IV «самоинтерес», которая отражает меру близости к самому себе, у сотрудников первой группы 61%, наблюдаются самые высокие результаты в сравнении с другими двумя группами — 49% и 42% соответственно. Это свидетельствует о повышенном интересе сотрудников данной группы к собственной персоне и личности, о рефлексии над собственными мыслями и чувствами, а также об уверенности в своей интересности для других. У сотрудников, имеющих стаж свыше 5 лет в ОВД, наблюдается снижение интереса к себе и снижение готовности общаться с собой «на равных».

По шкалам «самоуверенность», «самопринятие» и «самопонимание» высокие результаты наблюдаются у второй группы респондентов — 83%, 77% и 91%, что характеризуется более позитивной самооценкой, одобрением себя, доверием к себе, принятием себя, уверенностью в себе, ожиданием позитивного отношения к себе окружающих, верой в свои силы и способности, самостоятельностью.

А вот «самопоследовательность» и «самоорганизованность» характерны больше для сотрудников третьей группы — 76%.

Шкала «самообвинение» более выражена у третьей группы сотрудников — 16%. Эти данные свидетельствуют о проявлении у респондентов таких эмоциональных реакций на себя, как раздражение, презрение, издевка и нанесение самоприговоров. Полученные результаты можно интерпретировать как повышение критичности к себе у сотрудников, имеющих высокий стаж в ОВД.

Проведенный анализ данных выявил очевидную разницу в степени выраженности показателей самоотношения у групп сотрудников на разных этапах прохождения службы. По десяти шкалам опросника из двенадцати наблюдается прямая зависимость выраженности показателей самоотношения от стажа службы в ОВД. С увеличением стажа работы сотрудников в ОВД происходит изменение картины представлений о себе.

Еще один срез был направлен на изучение характеристик собственного восприятия человеком самого себя с помощью методики М. Куна, представляющей нестандартизированное самописание с открытой формой. Теоретической основой методики служат концепции социальных ролей и ролевого поведения, в рамках которых задается и способ самовосприятия человека как носителя этих ролей. Методика охватывает не только ролевые аспекты, но все сферы представлений человека о своей личности и ее ядре — «Я».

Сотрудникам было предложено дать 20 ответов в любой форме на вопрос «Кто я?», что позволило бы описать их разнообразное содержание идентификационных характеристик. Данный вопрос напрямую связан с характеристиками собственного восприятия человеком самого себя, т. е. с его образом «Я» или Я-концепцией. Полученные результаты представлены в табл. 2.

Из таблицы 2 видно, что большинство сотрудников стремились дать ответы на поставленный вопрос. Всего было предложено дать 20 ответов, однако среднее количество лишь незначительно превысило половину. Так, сотрудники первой группы в среднем давали около 11 ответов из 20 возможных, сотрудники второй — 9, сотрудники третьей группы — в среднем около 13 ответов. Лишь 7% сотрудников первой группы, 5% сотрудников второй и 8% сотрудников третьей группы не смогли дать ни одного ответа на данный вопрос, что может свидетельствовать как о небросовестном отношении к тестированию, так и о наличии «проблемной идентичности», когда человек затрудняется обозначить, кто он и для чего живет. Максимальное количество ответов (20 из 20) дали 27% сотрудников первой группы, 15% сотрудников второй и 30% сотрудников третьей группы.

Также из представленной таблицы легко понять, что наиболее упоминаемыми характеристиками при ответе на вопрос «Кто я?» у всех сотрудников выступили показатели «социального Я» и «рефлексивного Я». Однако нами были выявлены и достоверные различия в группах сотрудников, имеющих разный стаж службы в ОВД.

Характеристика «социального Я» присутствует во всех трех группах респондентов. Все сотрудники дают в среднем по 4 характеристики своего «социального Я», указывая на прямое обозначение пола («Я девушка», «Я мужчина»), семейную принадлежность («Я мама»,

Таблица 2. Идентификационные характеристики сотрудников различных групп

Идентификационные характеристики (показатели-компоненты идентичности)	Группа сотрудников	Количество испытуемых, указавших на характеристику, %	Среднее число ответов, данных респондентами по указанной характеристике
Общее количество данных ответов	1	83	11
	2	85	9
	3	92	13
Социальное «Я»	1	56	4
	2	64	4
	3	78	4
Коммуникативное «Я»	1	25	1
	2	28	1
	3	38	2
Материальное «Я»	1	4	2
	2	2	1
	3	8	1
Физическое «Я»	1	23	1
	2	15	1
	3	14	1
Деятельное «Я»	1	42	2
	2	38	2
	3	50	3
Перспективное «Я»	1	19	3
	2	10	1
	3	12	1
Рефлексивное «Я»	1	75	7
	2	59	5
	3	72	8

«Я муж», «Я дочь»), на профессионально-ролевую позицию («Я сотрудник полиции», «Я участковый»). Однако степень и широта упоминания данной характеристики у всех разная. О своем «социальном Я» упомянули 56% сотрудников первой группы, 64% сотрудников из второй группы и 78% сотрудников третьей. Отсутствие социальных ролей при наличии индивидуальных характеристик может говорить о ярко выраженной индивидуальности и сложностях в выполнении правил, которые исходят от тех или иных социальных ролей.

Сотрудники второй и третьей групп чаще и более подробно описывают свою семейную принадлежность, указывая на нее в среднем 3–4 раза в протоколе («Я люблю свою семью», «Я мать двоих детей», «Я люблю родственников», «Я дядя», «Я забочусь о своей семье», «Я хороший отец»). Это можно объяснить тем, что более опытные сотрудники, как правило, в силу своих возрастных особенностей имеют больше «семейных ролей», нежели молодые люди.

Сотрудники первой группы чаще используют в описаниях «социального Я» не только обозначение пола, профессиональную и семейную принадлежность, но и этническо-региональную («Я гражданин», «Я татарин», «Я россиянин», «Я из Томска») а также групповую принадлежность («Я патриот», «Я гуманист», «Я спортсмен», «Я автомобилист», «Я налогоплательщик»).

Показатель «коммуникативного Я» у 38% сотрудников третьей группы упоминается в среднем 2 раза, у 28% сотрудников второй группы — в среднем 1 раз и у 25% сотрудников первой группы — 1 раз. Сотрудники третьей группы воспринимают себя не только членом группы своих друзей, но и активным субъектом общения при взаимодействии с людьми, обладая определенными коммуникативными навыками. Обозначая в протоколах свое «коммуникативное Я», они дают следующие ответы: «Я люблю общаться с интересными людьми», «Я люблю ездить в гости к друзьям», «Я интересный в общении», «Я люблю своих друзей», «Я умею слушать людей», «Я хорошо общаюсь с людьми и нахожу с ними общий язык», «Я общительный», «Я неконфликтный», «Я умею выслушать» и т. д.

Описание «материального Я», включающее отношение к материальным благам и внешней окружающей среде, оценку своей обеспеченности и собственности, представлено в ответах сотрудников всех трех групп выборки совсем немногочисленно. Так, 4% сотрудников первой группы упомянули в среднем два раза свои материальные характеристики («Я не люблю мороз», «Я люблю стабильность»), 2% сотрудников второй группы — в среднем 1 раз («Я собственник») и 8% сотрудников третьей группы — тоже 1 раз («Я люблю деньги», «Я люблю все красивое», «Я хозяйка своей квартиры»).

Описание «физического Я» в протоколах респондентов имеет прямое отношение к расширению человеком границ осознаваемого внутреннего мира, поскольку границы между «Я» и «не Я» первоначально проходят по физическим границам собственного тела. Именно осознание своего тела является ведущим фактором в системе самоосознания человека. Расширение и обогащение образа «Я» в процессе личностного развития тесно связано с рефлексией собственных эмоциональных переживаний и телесных ощущений. Свои физические характеристики указали 23% сотрудников первой группы («Я спортивный», «Я здоровая», «Я не курю», «Я не пью», «Я высокий»), 15% сотрудников второй группы («Я быстрый», «Я сильный», «Я ловкий», «Я красивый») и 14% сотрудников третьей группы («Я не имею вредных привычек», «Я опрятно выгляжу»).

«Деятельное Я» дает важную информацию о человеке и включает обозначение занятий, увлечений, а также самооценку способностей к деятельности, самооценку навыков, умений, знаний, достижений. В своих ответах 42% сотрудников первой группы (в среднем по 2 ответа), 38% сотрудников второй группы (в среднем по 2 ответа) и 50% сотрудников третьей группы (в среднем по 3 ответа в протоколе) указали на данный показатель. Обозначая в протоколах «деятельное Я», сотрудники указывают: «Я умный», «Я читаю книги», «Я делюсь

своим опытом», «Я умею организовывать», «Я занимаюсь спортом», «Я рыбак», «Я способен самообучаться», «Я сам построил дом» и т. д.

Высокая идентификация своего «деятельного Я» сотрудниками третьей группы, вероятнее всего, связана с их способностью сосредоточиться на себе, с их сдержанностью, взвешенностью поступков, а также с дипломатичностью, умением работать с собственной тревогой, напряжением и сохранять эмоциональную устойчивость.

«Перспективное Я» присутствует в описаниях 19% сотрудников первой группы (в среднем по 3 ответа), 10% сотрудников второй (в среднем по 1 ответу) и 12% сотрудников третьей группы (в среднем по 1 ответу). Наличие и выраженность в самоописании идентификационных показателей перспективной идентичности у сотрудников первой группы, которые связаны с перспективами, пожеланиями, намерениями и мечтами, относящихся к различным сферам жизни, говорит о присутствии в их жизни целей и планов на будущее. Это имеет большую значимость для характеристики их внутреннего мира, отражает их временной аспект идентичности, направленность на дальнейшую жизненную перспективу: «Я хочу семью», «Я хочу свой дом», «Я стараюсь стать лучше», «Я хочу построить дом», «Я хочу многого добиться», «Я стремлюсь к мудрости» и «Я хочу стать профессионалом».

«Рефлексивное Я» многообразно представлено в ответах всех групп респондентов. Так, у 75% сотрудников первой группы описание «рефлексивного Я» упоминается в протоколе в среднем 7 раз, у 59% сотрудников второй группы — в среднем 5 раз, у 72% сотрудников третьей группы — 8 раз. «Рефлексивное Я» представлено в разнообразных характеристиках: «Я аккуратный», «Я искренний», «Я считаю себя уравновешенным», «Я честный», «Я оптимист», «Я спокойный», «Я независимый», «Я активный», «Я жизнерадостный» и т. д.

Большое количество данных характеристик по показателю «Рефлексивное Я», может свидетельствовать о том, что описание личностных качеств и особенностей своего характера дается сотрудникам легче. По мнению некоторых авторов, преобладание в самоописаниях прилагательных может быть признаком демонстративности и эмоциональности характера человека.

Сотрудники первых двух групп давали разнообразные ответы, стараясь охватить все сферы своей жизнедеятельности. В их протоколах чаще встречалось многообразие идентификационных характеристик. Полученные результаты свидетельствуют об определенном уровне развития рефлексии сотрудников разных групп, о том, как часто они задумываются о себе и своей жизни, насколько быстро и легко находят ответы на поставленные вопросы.

Подводя итоги проведенного исследования, можем сделать следующие выводы.

Образ себя существенно отличается у сотрудников на разных этапах прохождения службы. В первые годы службы молодые сотрудники характеризуются высоким интересом к самим себе, позитивным настроем в отношении своего взаимодействия с другими людьми. Для них свойственно чувство симпатии к себе, согласия со своими внутренними побуждениями, принятия себя таким, какой есть. Все это говорит об одобрении своих планов и желаний, о снисходительном и дружеском отношении к себе. Они связывают себя с перспективами, пожеланиями, намерениями и мечтами, относящихся к различным сферам жизни.

Сотрудники со стажем службы от 5 до 10 лет отличаются доверием к себе, принятием себя, уверенностью в себе, ожиданием позитивного отношения к себе окружающих, верой в свои силы и способности, самостоятельностью, что, несомненно, может использоваться как «психологический ресурс» в консультативной работе с ними.

У сотрудников, имеющих выслугу свыше 10 лет, происходит снижение самооценки, наблюдается видение в себе недостатков и повышается готовность к самообвинению. При этом они остаются самопоследовательны и самоорганизованны, становятся более критичны в отношении своих возможностей и недостатков, позиционируют себя как способных сосредоточиться на себе, отличающихся сдержанностью, взвешенностью поступков, а также дипломатичностью, умением работать с собственной тревогой, напряжением, сохранять эмоциональную устойчивость. Учет данных личностных особенностей этой категории сотрудников является еще одним «инструментом» в работе с ними, так как часто им не хватает решительности и уверенности в себе для осуществления задуманного.

Полученные в ходе исследования сведения могут учитываться и использоваться в проведении тренингов с молодыми сотрудниками на этапе процесса их адаптации к условиям службы, а также в рамках индивидуального консультирования, при проведении коррекционной работы с сотрудниками, переживающими проблемы профессиональной деформации и кризисы идентичности.

¹ По данным отчета о психологической работе в территориальном подразделении ОВД за 2014–2015 гг. количество консультаций по вопросам кризисных состояний, связанных с профессиональной деформацией сотрудников, составило 45,3% от общего числа консультаций.

² Наприев И. Л. Исследование динамики структурно-содержательных характеристик образа «Я» сотрудника милиции в процессе профессионального становления // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2006. № 3(27). С. 76–78.

³ Лукьянов О. В. Самоидентичность как условие устойчивости человека в меняющемся мире : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2009. 41 с.

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЗИЦИИ ПСИХОЛОГА ОВД В УСЛОВИЯХ РАБОТЫ В СОСТАВЕ МОБИЛЬНОЙ БРИГАДЫ (ГРУППЫ)

А. А. Набока

В статье раскрыты сущность и содержание профессиональной позиции психолога ОВД. Представлены результаты исследования особенностей профессиональной позиции психологов мобильной группы¹, в структуре которой ведущими являются установки и ценности на саморазвитие и достижения в деятельности, в отличие от психологов, не включенных в работу мобильной группы, для которых характерна позиция, отражающая эгоистически-престижные ценности и установки на преодоление трудностей профессии.

Ключевые слова: профессиональное развитие, профессиональная позиция, субъективное отношение личности, ценностные ориентации, профессионально-личностные установки, мобильная группа психологов.

Изучение особенностей и сущности профессиональной позиции психолога, в частности, психолога ОВД, носит междисциплинарный характер, что обусловлено сложностью феномена профессионально-личностного развития специалиста в рамках профессиональной деятельности. Становление профессиональной позиции практического психолога в современных научных исследованиях изучается через призму профессионального развития специалиста с точки зрения различных научных подходов: генетического — как развитие личности в ходе онтогенеза, социального — как процесс социализации личности, онтологического и личностного — как приобщение к культурным и профессиональным ценностям и смыслам, бытие личности в мире профессии. Проблема становления профессиональной позиции психолога ОВД является комплексной и осуществляется на стыке психологии личности², психологии развития³ и акмеологии⁴.

Методологической основой исследования условий, механизмов и закономерностей становления профессиональной позиции психолога ОВД выступают принципы системного и деятельностного подходов. Становление профессиональной позиции психолога ОВД как системный процесс представляет собою последовательную интеграцию личностных новообразований, соответствующих форме профессиональной активности. С точки зрения деятельностного подхода, становление профессиональной позиции психолога ОВД происходит в процессе овладения профессиональной деятельностью и определяется, с одной стороны, через категорию «деятельность», с другой — через категорию «субъект деятельности»⁵.

Указанные теоретические подходы позволяют определить сущность профессиональной позиции психолога. Отметим, что в психологической науке профессиональная позиция специалиста в большинстве случаев определяется через категорию «отношение». По мнению В. Н. Мясищев, отношение является стержневой характеристикой содержания личности, охватывающей степень интереса, степень выраженности эмо-

ции, степень напряжения желания или потребности. Сложное сочетание видов отношений В. Н. Мясищев определял как структуру отношений, в которой особо выделял потребности, эмоциональное отношение, интересы, оценочные отношения и убеждения. Так, отношение специалиста к профессиональной деятельности, согласно В. Н. Мясищеву, выражается, например, активно-положительной направленностью личности на достижение высоких результатов, позитивным интересом, или, напротив, утилитарно-эгоистическими мотивами⁶. Б. Ф. Ломов вводит понятие «субъективное отношение», подразумевающее не только объективную связь личности с ее окружением, но и ее субъективную позицию в этом окружении, включающую оценку и пристрастность личности⁷. Субъективная позиция отражает в большей степени эмоционально-чувственное отношение личности к различным сферам жизнедеятельности, в частности, к сфере профессиональной деятельности, которое определяет характер поведения и деятельности человека.

Согласно Б. Г. Ананьеву, позиция представляет сложную систему отношений, установок и мотивов, а также целей и ценностей деятельности⁸. В. Я. Ядов установки и ценностные ориентации личности рассматривает как диспозиции, которые регулируют реализацию потребностей человека в различных социальных ситуациях. В разработанной автором диспозиционной концепции регуляции социального поведения на низшем уровне системы диспозиций располагаются элементарные фиксированные установки, носящие неосознаваемый характер и связанные с удовлетворением витальных потребностей. На втором уровне находятся социально фиксированные установки (аттитюды), формирующиеся на основе потребности человека во включении в конкретную социальную среду. На третьем уровне — базовые социальные установки, отвечающие за регуляцию общей направленности интересов личности в конкретных сферах социальной активности, на высшем уровне — система ценностных ориентаций личности, соответствующая высшим социальным потребностям и отвечающая за отношение человека к жизненным целям и средствам их удовлетворения⁹.

С точки зрения А. К. Марковой, профессиональная позиция — устойчивые системы отношений в профессиональной деятельности, образующие профессиональный менталитет человека, определяющие общие и конкретные профессиональные позиции специалиста¹⁰. А. М. Трещевым профессиональная позиция трактуется как интегральная характеристика личности, которая отмечена устойчивой системой ценностных отношений и установок к профессиональной деятельности¹¹.

Анализ различных дефиниций данного понятия позволяет определить профессиональную позицию психолога ОВД, с одной стороны, как систему объективных отношений к различным сторонам профессиональной деятельности, с другой — как интегральную характеристику личности, отличающуюся системой мотивов, ценностных ориентаций и установок личности специалиста.

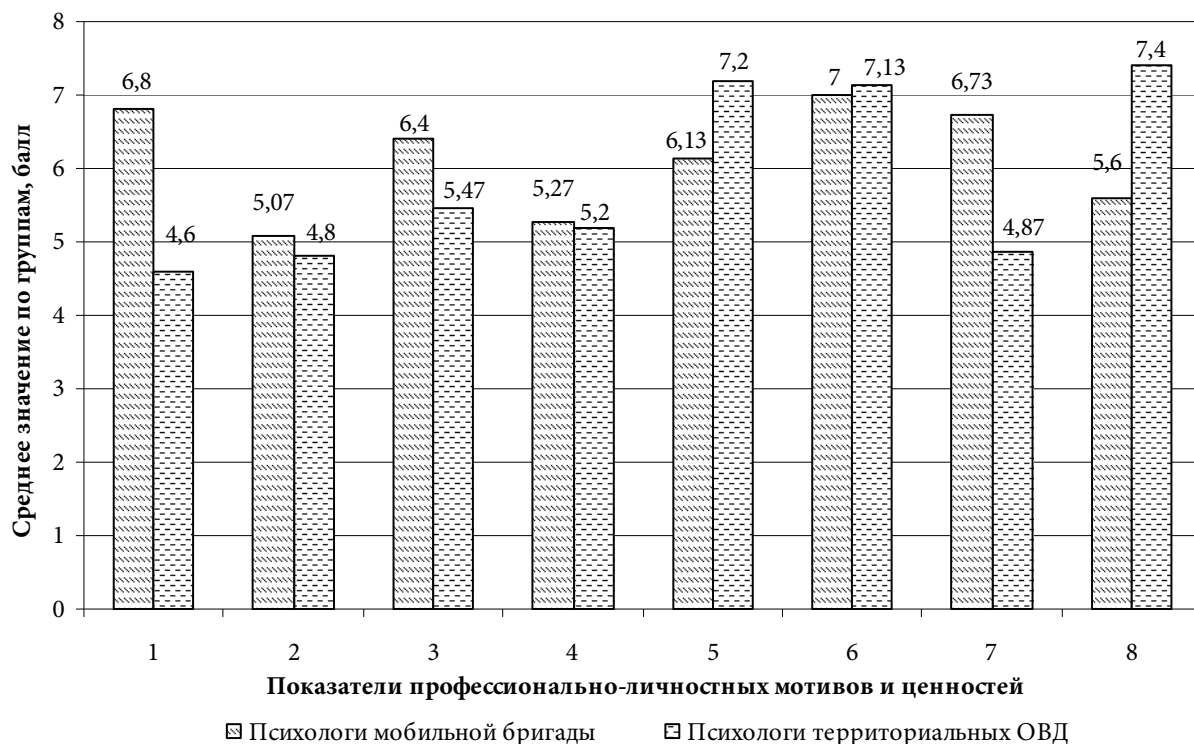

Рис. 1. Профессионально-личностные мотивы и ценности у психологов ОВД

Примечание: 1 — развитие себя; 2 — духовное удовлетворение; 3 — творчество; 4 — активные социальные контакты; 5 — собственный престиж; 6 — высокое материальное положение; 7 — достижение; 8 — сохранение собственной индивидуальности.

В связи с этим важно изучение вопроса о том, какие социально-психологические факторы и условия практической психологической деятельности обеспечивают эффективное становление профессиональной позиции психолога ОВД. Анализ профессиональной деятельности психологов ОВД показал наличие таких проблем, как недостаточная штатная численность психологов, многопрофильность и большой объем решаемых профессиональных задач в условиях включения в должностное соподчинение, что снижает качество и эффективность практической психологической деятельности специалиста. Данными проблемами обусловлена необходимость поиска инновационных форм и методов профессиональной деятельности психологов ОВД.

В целях повышения эффективности психологической работы сличным составом территориальных органов МВД России на районном уровне по Белгородской области (далее — территориальный орган) внедрен инновационный опыт работы мобильной группы психологов. Мобильная группа психологов — социально-психологическая профессиональная группа специалистов-психологов разного профиля, инновационная форма командной работы психологов по психологическому сопровождению территориальных органов. Профессиональная деятельность психолога в составе мобильной группы имеет ряд преимуществ. С одной стороны, в мобильной группе психологов имеются профильные специалисты, каждый из которых решает узкопрофильные задачи, например, медицинский психолог проводит работу, направленную на снижение риска стрессовых расстройств и девиаций среди сотрудников ОВД; специалист, работающий с персоналом, оказы-

вает консультативную помощь руководству по оптимизации управления коллективом и т. п. С другой стороны, моделируемые профессиональные ситуации в условиях мобильной группы обеспечивают профессиональное взаимодействие специалистов-психологов разного профиля, возможность профессионального обмена и профессиональной рефлексии результатов деятельности по различным направлениям, что служит обогащению профессионального опыта и становлению профессиональной позиции психологов мобильной группы.

В целях изучения особенностей профессиональной позиции психолога в составе мобильной группы было проведено исследование профессионально-личностных мотивов, ценностей и установок среди 30 психологов территориальных органов. В ходе исследования было сформированы группы психологов ОВД, работающих в составе мобильной группы (численностью 15 человек), и психологов, не включенных в работу мобильной группы (такой же численности). В качестве методов исследования для оценки профессионально-личностных установок применялся контент-анализ психологического эссе, для оценки профессиональных мотивов и ценностей — морфологический тест жизненных ценностей В. Ф. Сопова, Л. В. Карпушина.

Сравнительный анализ, проведенный с помощью U-критерия Манна-Уитни, позволил выявить статистически значимые различия мотивационно-ценностной сферы, определяющей профессиональную позицию психологов, работающих в различных условиях профессиональной деятельности, в частности, в условиях мобильной группы и территориальных органов (рис. 1).

Рис. 2. Профессионально-личностные установки у психологов ОВД

Примечание: 1 — установка на саморазвитие; 2 — установка на достижение; 3 — установка на преодоление препятствий; 4 — установка на оказание помощи; 5 — установка на получение помощи и поддержки.

Психологи, включенные в работу мобильной группы, отличаются доминированием мотивов и ценностей саморазвития ($U = 17$; $p < 0,01$), а также достижений ($U = 26$; $p < 0,01$) в профессиональной деятельности. Для психологов территориальных органов характерно доминирование эгоистически-престижных мотивов и ценностей: мотивов и ценностей собственного престижа ($U = 51,5$; $p < 0,01$) и сохранения собственной индивидуальности ($U = 36$; $p < 0,01$).

На рисунке 2 представлены результаты, отражающие профессионально-личностные установки у психологов ОВД исследуемых групп.

Сравнительный анализ, проведенный с помощью U-критерия Манна-Уитни, показал, что психологи, включенные в работу мобильной группы статистически значимо отличаются доминированием психологической установки на саморазвитие ($U = 35$; $p < 0,01$), а для психологов территориальных органов статистически значим высокий уровень профессионально-личностных установок на преодоление препятствий ($U = 16$; $p < 0,01$) и получение помощи и поддержки ($U = 18$; $p < 0,01$) в профессиональной деятельности.

Для психологов ОВД, работающих в составе мобильной группы, характерна продуктивная профессиональная позиция, характеризующаяся доминированием профессионально-личностных установок и ценностей на саморазвитие и достижения в профессиональной деятельности, в отличие от психологов, не включенных в работу мобильной группы, для которых характерна позиция, отражающая эгоистически-престижные мотивы, ценности и установки на преодоление трудностей в профессии.

¹ О создании «мобильной бригады» психологов по оказанию методической и практической помощи психологического обеспечения территориальных органов МВД России на районном уровне: приказ УМВД России по Белгородской области от 30 декабря 2013 г. № 680.

² Абульханова-Славская К. А. Психология и сознание личности: избр. психол. тр. М., 2004. 216 с.; Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. СПб., 2010. 288 с.; Анциферова Л. И. Системный подход к изучению формирования и развития личности // Проблемы психологии личности. М., 1982. 147 с.; Асеев В. Г. Мотивация поведения и формирования личности. М., 1976. 158 с.; Брушлинский А. В. Психология субъекта. М., 2003. 272 с.; Ломов Б. Ф. Системность в психологии: избр. психол. тр. Москва-Воронеж, 2011. 424 с.; Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. СПб., 2012. 288 с.

³ Божович Л. И. Проблемы формирования личности. М., 2008. 612 с.; Петровский В. А. Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов-н/Д, 1996. 512 с.

⁴ Бодаев А. А. Акмеология. Настоящий человек. Каков он и как им становятся? СПб., 2010. 224 с.; Деркач А. А. Акмеологические основы развития профессионала. М., 2004. 752 с.

⁵ Ананьев Б. Г. Указ. соч.; Ганзен В. А. Системные описания в психологии. Л., 1984. 176 с.; Ломов Б. Ф. Указ. соч.; Шадринков В. Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. М., 2007. 189 с.

⁶ Мясущев В. Н. Психология отношений. Москва-Воронеж, 2011. 400 с.

⁷ Ломов Б. Ф. Указ. соч.

⁸ Ананьев Б. Г. Указ. соч.

⁹ Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. М., 2013. 376 с.

¹⁰ Маркова А. К. Психология профессионализма. М., 1996. 308 с.

¹¹ Трещев А. М. Становление профессионально-субъектной позиции будущего учителя: дис. ... д-ра пед. наук. Калуга, 2001. 541 с.

ПСИХОЛОГИЯ ПРАВОНАРУШАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ

УДК 159.923.2

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТРЕСС-ПРЕОДОЛЕВАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ БЫВШИХ СОТРУДНИКОВ, ОСУЖДЕННЫХ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

И. Ю. Кобзев

В статье приводятся результаты сравнительного анализа стратегий стресс-преодолевающего поведения, правового и гражданского правосознания и психодинамических личностных особенностей действующих сотрудников ГИБДД и бывших сотрудников, отбывающих наказание за совершение преступлений коррупционной направленности. На основании проведенного анализа выделяются психологические маркеры предрасположенности к коррупционному поведению.

Ключевые слова: коррупционное поведение; стратегии стресс-преодолевающего поведения; правосознание; личностные особенности; сотрудники ГИБДД; бывшие сотрудники, осужденные за преступления коррупционной направленности; сравнительный анализ; психологические маркеры.

Проблема коррупции как в нашей стране, так и во всем мире давно приобрела статус актуальной и нерешенной проблемы. Проведены и опубликованы многочисленные исследования, посвященные экономическим, правовым и социальным аспектам коррупции. Исследования психологических аспектов коррупции и коррупционного поведения в научной литературе представлены слабо. Такое положение дел объясняется методологическими трудностями, с которыми сталкивается ученый, изучающий психологические аспекты коррупции. Если юридический компонент коррупционного поведения достаточно ясно трактуется на юридическом языке, то в психологии отсутствует единая общепризнанная объяснительная модель данного феномена¹.

Вместе с тем без психологически обоснованных подходов сложно что-либо сделать, поскольку коррупция (в ее последствиях) — это не только правовая и экономическая проблема, но и сугубо психологическая и общечеловеческая (исходно)².

В полной мере к опасным видам (с точки зрения коррупционной составляющей) профессиональной деятельности можно отнести и правоохранительную.

В настоящее время реализуется комплекс мер, направленных на противодействие коррупции в ОВД, включающий деятельность по профилактике и борьбе с этим негативным явлением, а также по минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений³. Количество преступлений коррупционной направленности, совершаемых сотрудниками полиции, по-прежнему значительно⁴. Коррупционные преступления совершаются как рядовыми сотрудниками, так и руководителями служб.

В целях совершенствования работы по профилактике и предотвращению коррупционного поведения сотрудников ОВД нами (совместно с ГУОБДД МВД России, Академией управления МВД России, Московским университетом МВД России им. В. Я. Кикотя и Орловским юридическим институтом им. В. В. Лукьянова) было проведено эмпирическое исследование, направленное на выявление психологических маркеров предрасположенности к коррупционным действиям сотрудников Госавтоинспекции.

Актуальное состояние исследований антикоррупционной устойчивости не дает определенных ориентиров и каких-либо рекомендаций по подбору методик изучения данного явления. В настоящее время не существует психодиагностических методик, ориентированных на диагностику антикоррупционной устойчивости.

Для реализации задач исследования была составлена комплексная программа, которая включала три этапа⁵.

На первом изучалась и анализировалась научная, научно-методическая, методическая литература по теме исследования, определялся понятийный и научный аппарат исследования, были выделены основные группы маркеров предрасположенности к коррупционному поведению.

На втором этапе подобраны психодиагностические методики, позволяющие получить информацию о наличии предполагаемых маркеров склонности к коррупции в структуре личности действующих сотрудников ГИБДД и бывших сотрудников, осужденных по соответствующим уголовным статьям.

На третьем этапе проводилось эмпирическое исследование по определению психологических характеристик личности действующих сотрудников ГИБДД и бывших сотрудников полиции, находящихся в условиях исправительного учреждения ФСИН РФ.

Таблица 1. Сравнение значений показателей стратегий стресс-преодолевающего (копинг) поведения действующих сотрудников ГИБДД и группы бывших сотрудников полиции

Стратегии стресс-преодолевающего поведения	Сотрудники (ГИБДД) (M ± m)	Бывшие сотрудники (M ± m)	P ≤
Ассертивные действия	22,55 ± 0,21	23,23 ± 0,22	0,05
Вступление в социальный контакт	23,58 ± 0,13	23,34 ± 0,24	-
Поиск социальной поддержки	23,79 ± 0,19	23,33 ± 0,31	-
Осторожные действия	20,41 ± 0,20	21,69 ± 0,27	0,001
Импульсивные действия	15,72 ± 0,23	16,38 ± 0,26	-
Избегание	13,68 ± 0,21	16,11 ± 0,29	0,001
Непрямые действия	16,96 ± 0,24	20,10 ± 0,30	0,001
Асоциальные действия	14,79 ± 0,29	18,53 ± 0,35	0,001
Агрессивные действия	12,00 ± 0,23	14,42 ± 0,34	0,001

Эмпирическое исследование проводилось в 2014–2015 гг. В нем приняли участие действующие сотрудники полиции, проходящие службу в подразделениях Госавтоинспекции МВД России — 200 человек, бывшие сотрудники полиции, отбывающие наказание в ФКУ ИК — 13 ГУФСИН России по Свердловской области г. Нижний Тагил по ст. 290 УК РФ (получение взятки) и ст. 286 УК РФ (превышение должностных полномочий) — 240 человек. Выборка представлена сотрудниками разных должностных категорий.

В комплекс методик, с помощью которых изучались психологические характеристики действующих сотрудников полиции и бывших сотрудников полиции, отбывающих наказание, были включены:

1. Опросник SACS «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций»⁶.
2. Тест правового и гражданского сознания (автор Л. А. Ясюкова)⁷.
3. Психодинамически ориентированный личностный опросник (ПОЛО) «Ресурс» (автор В. А. Шаповал)⁸.

Акцент на указанные методики в данной статье сделан в связи с тем, что они позволяют глубоко изучить личностные особенности стресс-преодолевающего поведения обследуемых, особенности их правосознания и субъектно-профессиональной идентичности, что позволяет оценить и измерить используемые ими способы адаптации в стрессовых ситуациях, включая обстоятельства совершения коррупционных действий, уровень их правового и гражданского правосознания, а также неспецифические и неосознаваемые личностные особенности обследуемых.

Сравнительный анализ показателей, полученных в результате тестирования по Опроснику SACS позволил выявить достоверные различия по шести шкалам (из девяти) в группах действующих и бывших сотрудников (табл. 1).

Значения обеих категорий респондентов находятся на уровне средних, однако значимые различия между группой действующих сотрудников ГИБДД и бывших сотрудников, отбывающих наказание по ст. ст. 286, 290 УК РФ, позволяют отметить ряд поведенческих особенностей лиц, осужденных за преступления коррупционной направленности:

- стремление активно и самостоятельно решать возникающие проблемы;
- недоверие, неуверенность и негативное отношение к окружающим;
- тенденции к индивидуализму, отсутствие направленности к кооперации;
- стремление к манипуляции как способу психологического воздействия на поведение других;
- приемлемость и активное использование асоциальных действий, связанных с нарушением социальных, этических норм, открыто демонстрируемый цинизм;
- агрессивные действия, направленные на причинение морального и физического ущерба другим; конфронтация, давление.

Сравнительный анализ результатов, полученных по методике оценки правового и гражданского сознания, показал наличие достоверных отличий по трем из пяти шкалам между группой действующих и бывших сотрудников (табл. 2).

Бывшие сотрудники полиции, отбывающие наказание по ст. ст. 286, 290 УК РФ:

- обладают более низким общим уровнем правосознания по сравнению с действующими сотрудниками ГИБДД, что позволяет охарактеризовать такой уровень правосознания как недостаточно сформированный и неполноценный;
- склонны эмоционально, а не рационально оценивать высказывания и поступки людей, о чем свидетельствуют установленные низкие значения по шкале «Бытовая сфера правосознания»;
- являются потенциально конфликтными в межличностных взаимоотношениях;
- демонстрируют низкий уровень правовых знаний и информированности, осведомленности о законодательном регулировании, что, возможно, связано с общей личностной инфантильностью или узостью интересов, которые не охватывают социально-политическую сферу.

Таблица 2. Сравнение значений показателей уровня правосознания в группах действующих сотрудников ГИБДД и бывших сотрудников полиции

Сферы правосознания	Сотрудники (ГИБДД) (M ± m)	Бывшие сотрудники (M ± m)	P ≤
Общий уровень правосознания	16,72 ± 0,21	14,22 ± 0,26	0,001
Бытовая сфера	6,96 ± 0,08	5,21 ± 0,12	0,001
Деловая сфера	4,41 ± 0,17	3,98 ± 0,15	-
Гражданская сфера	3,44 ± 0,08	3,71 ± 0,13	-
Правовые знания	6,62 ± 0,10	4,65 ± 0,13	0,001

Таблица 3. Сравнение значений показателей деструктивно-дефицитарных шкал в группах действующих сотрудников ГИБДД и бывших сотрудников полиции

Шкалы	Сотрудники (ГИБДД) (M ± m)	Бывшие сотрудники (M ± m)	P ≤
Шкала деструктивного внешнего Я-отграничения (O2)	2,34 ± 0,18	3,74 ± 0,28	0,001
Шкала дефицитарного внешнего Я-отграничения (O3)	2,06 ± 0,18	3,42 ± 0,26	0,001
Шкала дезадаптации по психосоматическому типу (Ps)	2,65 ± 0,15	3,42 ± 0,19	0,01
Шкала дезадаптации по невротическому типу (Ne)	2,2 ± 0,19	3,83 ± 0,32	0,001
Шкала общей деструктивности (De)	12,1 ± 0,53	15,12 ± 0,62	0,001
Шкала общей дефицитарности (Df)	9,55 ± 0,39	13,00 ± 0,54	0,001
Интегральная шкала общей дезадаптации (социо-психосоматической проблемности) (Cd)	6,17 ± 0,43	9,90 ± 0,67	0,001
Шкала непрофессионализма (Np)	23,65 ± 0,99	30,08 ± 1,20	0,001

Оценивая результаты, представленные в табл. 2, можно говорить о том, что общий уровень правосознания бывших сотрудников полиции характеризуется правовым нигилизмом, что дополнительно подразумевает следующие характеристики:

- отрицательное отношение к самому принципу формального законодательного регулирования отношений;
- ориентация только на морально-нравственные нормы и только в том варианте, который признается лично;
- отрицательное отношение к любым другим морально-этическим нормам и жизненным ценностям, которые не совпадают с собственными;
- непоследовательность в поведении: не выполняются обещания и договорные обязательства;
- склонность действовать, исходя из собственных соображений, мнения, понимания ситуации;
- отсутствие инициативности и требовательность к окружающим.

Низкие значения показателей уровня правовых знаний в группе бывших сотрудников полиции свидетельствуют о низкой информированности или демонстрации неосведомленности в данной сфере.

Психодинамически ориентированный личностный опросник (ПОЛО) «Ресурс» позволил определить ряд более высоких значений деструктивно-дефицитарных шкал бывших сотрудников полиции. Различия получены по тридцати параметрам. Для решения задач, поставленных в исследовании, были выделены наиболее значимые шкалы, позволяющие определить маркеры коррупционного поведения. Сравнение значений показателей, полученных в исследовании группы действующих сотрудников ГИБДД со значениями бывших сотрудников, представлено в табл. 3.

Установлены более высокие показатели по шкале деструктивного внешнего «Я-отграничения» (O2) в группах бывших сотрудников полиции. Это свидетельствует о большей степени закрытости и жесткости внешней границы «Я», деформации (искажения) контактного барьера, препятствующего продуктивному обмену социальной энергией, общению и самореализации. Для указанных лиц характерны: сверхконтроль проявлений собственных переживаний и чувств; безучастность к проблемам, трудностям, потребностям других; неспособность принимать помощь; ощущение эмоцио-

нальной пустоты; пассивная жизненная позиция, отсутствие инициативности.

Различия по шкале дефицитарного внешнего «Я-отграничения» (O3) отражают высокую степень функциональной недостаточности внешней границы «Я», что указывает на стремление к поиску постоянной поддержки, одобрения, защиты и признания со стороны окружающих, а также на такие характеристики, как зависимость, неуверенность, чрезмерная ориентированность на оценки, нормы и ценности группы, конформное поведение.

Высокие значения по шкале дезадаптации по психосоматическому типу (Ps) свидетельствуют о стремлении уклоняться от решения проблем, снижении самооценки, самокритичности, самоконтроля и общей незрелости личности бывших сотрудников полиции.

Значимые различия по шкале дезадаптации по невротическому типу (Ne) свидетельствуют о наличии признаков невротических расстройств, вызванных конфликтным сочетанием разнонаправленных и внутренне противоречивых тенденций: мотивации достижения с мотивацией избегания неудач; склонности к активным и решительным действиям со стремлением к блокировке активности в ситуации стресса; повышенного чувства достоинства и стремления к доминированию с неуверенностью в себе и избыточной самокритичностью; стенических эмоций гнева, восхищения, гордости и презрения с астеническими эмоциями страха, чувства вины, тревожности.

Находясь в состоянии постоянного эмоционального напряжения и неудовлетворенности, такие лица действуют на маргинальном (предельном) уровне своих возможностей, чтобы заслужить одобрение со стороны окружающих, а главное (что наиболее трудно) — собственное одобрение, вследствие гиперсоциальных установок представляют больше трудностей для самих себя, чем для окружающих. Отсюда следуют постоянная неудовлетворенность и недовольство собою, попытка это компенсировать через коррупционное поведение.

Различия получены и по шкале общей деструктивности (De). Она отражает степень деформации первичного потенциала конструктивности «Я-структуры» личности испытуемого и, будучи сформирована как суммарный показатель по шести деструктивным шкалам, фактически отражает скрытую психопатологиче-

скую симптоматику испытуемых. Более высокие значения в группах бывших сотрудников свидетельствуют о преобладании у них деструктивных (прорывных, маргинальных, разрушающих) бессознательных программ поведения, искажающих и мешающих (уводящих в другую сторону) развитию и актуализации своей идентичности, адаптации к изменяющимся условиям социума. Неспособность реализовать свою неповторимость и уникальность в обществе конструктивным (мирным) путем приводит к жесткой стереотипной фиксации на клишированных социальных ролях и активно-разрушающим формам манипулятивного поведения (тип активного манипулятора).

Более высокие значения показателей по шкале общей дефицитарности (Df) отражают степень недоразвития (блокировки) первичного потенциала конструктивности «Я-структуры» личности. Шкала сформирована как суммарный показатель по шести дефицитарным шкалам, фактически отражает нераскрытость, нереализованность личности, стремление функционировать, используя минимум собственных возможностей. У респондентов исследуемых групп преобладает бессознательное следование программам поведения, блокирующим развитие и актуализацию своей идентичности, а также пассивную адаптацию к изменяющимся условиям социума. Наблюдается фиксация на клишированных социальных ролях и пассивных формах манипулятивно-зависимого поведения (тип пассивного манипулятора).

Значимые различия по интегральной шкале общей дезадаптации (социо-психосоматической проблемности) (Cd) показывают выраженность психологических проблем, затруднений, психопатологических отклонений, а также степень нуждаемости в психологической помощи. Отмечается наличие явных (осознаваемых) или скрытых (неосознаваемых) психологических проблем (затруднений, психопатологических отклонений), касающихся различных сфер функционирования личности. Это препятствует оптимальной самореализации.

Различия по шкале непрофессионализма (Np) показывают высокую степень выраженности психодинамических характеристик, присущих личности с деструктивно-дефицитарным типом субъектно-профессиональной идентичности. Повышенные показатели по данной шкале в группах бывших сотрудников полиции свидетельствуют о:

- непрофессионализме, тенденции к неуместным действиям и поступкам, формализме, потребности находиться в центре внимания и получать подтверждение своей значимости, непереносимости критики и ситуаций реальной внешней оценки собственной личности, склонности к конфронтации;
- высокой вероятности эмоционального «выгорания» и профессиональной деформации;
- самолюбии, лжи, агрессивности, замкнутости, нестабильной, противоречивой самооценке;
- ощущении эмоциональной пустоты с компенсаторным стремлением к экстремальным ситуациям и аддиктивному поведению, низкой толерантности к фрустрациям;

- склонности к манипулированию;
- тревожности, склонности к промахам, ошибкам;
- азарту.

Проведенное эмпирическое исследование позволило выявить специфические черты, присущие личности бывших сотрудников полиции, осужденных за совершенные коррупционные преступления, которые в дальнейшем возможно использовать в качестве маркеров склонности или предрасположенности к коррупционному поведению.

По результатам исследования стратегий стресс-преодолевающего поведения обращает на себя внимание преобладание в группе бывших сотрудников полиции стремление к манипулятивному поведению, приемлемость и активное использование асоциальных действий, связанных с нарушением правовых, социальных и этических норм, яркая выраженность активных и агрессивных действий на фоне недоверия и негативизма по отношению к окружающим.

Результаты исследования уровня правового и гражданского правосознания указывают на более низкий уровень правосознания бывших сотрудников (по сравнению с действующими сотрудниками ГИБДД), при этом они склонны эмоционально, а не рационально оценивать высказывания и поступки людей, являются потенциально конфликтными в межличностных взаимоотношениях и демонстрируют низкий уровень правовых знаний, что, возможно, связано с общей личностной инфантильностью или узостью интересов. Все это свидетельствует о правовом нигилизме сотрудников, осужденных за преступления коррупционной направленности, что свидетельствует о допустимости и принятии ими самой возможности коррупционного поведения.

Анализ результатов показателей шкал психодинамически ориентированного личностного опросника (ПОЛО) «Ресурс» позволил определить ряд более высоких значений деструктивно-дефицитарных шкал бывших сотрудников полиции, среди которых были и интегративные шкалы общей деструктивности (De), общей дефицитарности (Df), общей дезадаптации (социо-психосоматической проблемности) (Cd) и шкала непрофессионализма (Np). Полученные результаты свидетельствуют о преобладании у бывших сотрудников деструктивных (маргинальных, разрушающих) бессознательных программ поведения, о преобладании различных форм манипулятивного поведения, о возможных психопатических отклонениях, об общем непрофессионализме, выражающемся в самолюбии, лживости, формализме, агрессивности, стремлении находиться в центре внимания и получать подтверждение своей значимости, а также склонности к аддиктивному поведению. Полученные по данной методике результаты во многом согласуются с результатами двух других, что свидетельствует о высокой достоверности полученных результатов в целом.

¹ Ванновская О. В. Психология коррупционного поведения госслужащих: монография. СПб., 2013. 264 с.

² Решетников М. М. Психология коррупции: утопия и антиутопия. СПб., 2008. 128 с.

³ Юринова Ю. В. Основные направления психологической работы с сотрудниками Госавтоинспекции в целях профилактики коррупционного поведения // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 1(56). С. 125–128.

⁴ URL: <http://mvd.ru/news/rubric/13/> (дата обращения: 15.02.2016).

⁵ Гончарова Н. А., Костылева И. В. Психологические факторы коррупционного поведения сотрудников полиции // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 3(67). С. 165–170.

⁶ Психодиагностические методы выявления дезадаптивных нарушений в практике клинических психологов: учеб. пособие / под ред. проф. В. Ю. Рыбникова, проф. С. В. Чермянина. СПб., 2009. 216 с.

⁷ Ясюкова Л. А. Правосознание: диагностика и закономерности развития // Прикладная психология. 2000. № 4. С. 34–40.

⁸ Шаповал В. А. Метод оценки и прогнозирования психологического здоровья и профессиональной идентичности кандидатов на службу и сотрудников МВД на основе психодинамически ориентированного личностного опросника (ПОЛО) «Ресурс»: учеб.-метод. пособие. СПб., 2013. 276 с.

УДК 343.8

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВИЧ-ИНФИЦИРОВАННЫХ ОСУЖДЕННЫХ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПРОЦЕСС ИСПРАВЛЕНИЯ

О. А. Бойко, А. К. Теохаров

В статье рассматриваются факторы, влияющие на формирование дезадаптивного поведения ВИЧ-инфицированных осужденных. Перечислены проблемы, которые возникают в работе психолога с данной категорией осужденных. Делается вывод, что одной из главных причин, препятствующих процессу исправления осужденного, является отсутствие взаимодействия между психологом и лечащим врачом.

Ключевые слова: ВИЧ-инфицированный осужденный, исправление, психологические признаки, дезадаптивное поведение, уровень жизнестойкости, методы психологии.

В настоящее время в исправительных учреждениях и следственных изоляторах находится 61 125 ВИЧ-инфицированных осужденных и подследственных, т. е. 9,2% от общего количества осужденных и лиц, содержащихся под стражей¹. ВИЧ-инфекция, которая впоследствии перетекает в стадию СПИДа, является одной из основных причин смертности среди осужденных. Данные обстоятельства привлекают научное внимание к вопросам исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении ВИЧ-инфицированных лиц как со стороны специалистов в области медицины, так и юристов.

Отбывание наказания указанной категорией осужденных является не только уголовно-исполнительной или медицинской проблемой, но и психологической. ВИЧ-инфицированные осужденные обладают психологическими особенностями, которые имеются у них в силу заболевания. В зависимости от стадии заболевания, состояния иммунной системы и личностных особенностей, поведенческие признаки у каждого проявляются по-разному. Знание психологии осужденных данной категории необходимо для сотрудников и работников исправительных учреждений в осуществлении их служебных обязанностей.

Прежде чем переходить к рассмотрению психологических особенностей ВИЧ-инфицированных лиц, отметим важный фактор, который влияет на поведенческие признаки общей массы осужденных. Современная уголовно-исполнительная система переживает период

реформирования и находится под влиянием гуманизации и демократизации уголовного наказания. Как никогда ранее права и свободы осужденных привлекают пристальное внимание государственных органов и правозащитных организаций. В обществе до сих пор существует стереотип исправительных учреждений эпохи советского государства, в которых невыносимые условия содержания, нередко содержатся невинные лица, подвергающиеся постоянным пыткам и издевательствам.

Осознавая этот факт, осужденные злоупотребляют создавшейся обстановкой, а в случае допущения каких-либо нарушений со стороны администрации составляют жалобы во все возможные инстанции. Данную ситуацию подогревают многочисленные видеосюжеты, снятые осужденными в местах лишения свободы и размещенные в сети Интернет, в которых они жалуются на беззаконие со стороны сотрудников, недостаток калорийной пищи и т. д. Поэтому для осужденных, ранее неоднократно судимых, характерны такие качества, как уверенность в своей правоте, обидчивость, обостренное чувство несправедливости по отношению к себе, привлечение внимания к своим проблемам.

Перечисленные качества присущи всем категориям осужденных. Что касается ВИЧ-инфицированных лиц, то перечень их психологических особенностей гораздо шире, это связано с приобретенным заболеванием. При проникновении возбудителя в глиальные клетки нервной ткани происходит поражение нервной системы, что приводит к психическим изменениям. Сообщение о наличии заболевания провоцирует стрессовую реакцию, состояние эмоционального расстройства, связанного с неспособностью человеком целесообразно, разумно и адекватно действовать, что вызывает прогрессирование вторичного иммунодефицитного состояния (стресс, переутомление), приводит к развитию тревожно-депрессивного комплекса — состояния повышенного беспокойства (тревога, страх) в специфичных социальных ситуациях. Это состояние усугубляется чувством тревоги за течение болезни и возможностью наступления необратимых последствий, несмотря на отрицание врачом такого заключения².

Дополнительным фактором служит то обстоятельство, что в исправительных учреждениях ВИЧ-инфицированные лица содержатся совместно с другими

осужденными. Данные режимные требования призваны устранить причины, способствующие дискриминации и стигматизации больных. Отметим, что в обществе данная проблема не столь остра, так как человек волен сам определять круг своего общения. Общаться или не контактировать с лицом, страдающим ВИЧ-инфекцией, — это личное дело каждого. К тому же многие не осведомлены о наличии заболевания у тех или иных лиц. В местах лишения свободы ситуация иная, потому что в них содержится 6,2% зарегистрированных ВИЧ-инфицированных лиц всей страны, поэтому баланс здоровых и больных в условиях изоляции в 13 раз выше, нежели в обществе.

Как правило, физически здоровые осужденные, тем более, если они не имеют представления о природе ВИЧ-инфекции и ее этиологии, с настороженностью относятся к больным и при общении предпринимают повышенные меры предосторожности. Подобные действия раздражающе влияют на ВИЧ-инфицированных лиц, состояние тревоги, страха, депрессии, ипохондрии сменяются эмоциональной нестабильностью, раздражительностью, агрессивностью и склонностью к конфликтам. Более 75% совершаемых ими преступлений направлены против жизни и здоровья личности (в структуре пенитенциарной преступности преступления, совершаемые ВИЧ-инфицированными лицами, не превышают 10%).

Нередко агрессию и раздражительность осужденные проявляют в отношении сотрудников и работников исправительного учреждения. Так, 29 октября 2006 г. в помещении четвертого отделения Областной туберкулезной больницы ГУФСИН России по Самарской области осужденные совершили дебош, а затем применили насилие в отношении сотрудников исправительного учреждения (не опасное для жизни и здоровья). Один из осужденных, зная о том, что является носителем ВИЧ-инфекции, укусил одного из сотрудников в область правого предплечья, т. е. заведомо поставил последнего в опасность заражения ВИЧ-инфекцией³. Еще пример. «2 июня 2014 г. в исправительной колонии № 3 УФСИН России по Смоленской области сотрудники учреждения обнаружили под подушкой у осужденного сотовый телефон. В тот момент, когда сотрудник оперативного отдела попытался изъять телефон, осужденный, являющийся носителем ВИЧ-инфекции и гепатита С, стал угрожать сотруднику уколom иглой, зараженной данными заболеваниями»⁴.

Учитывая, что для ВИЧ-инфицированных осужденных характерны такие черты, как апатия, безразличие, пессимистическая оценка окружающего, чувство собственной вины, суицидальные идеи, одной из главных задач психологической службы становится поиск мотива для продолжения жизни пациента. Обращение к смысловой сфере осужденного направлено на процесс саморегуляции личности, где на первое место ставятся жизненные ценности, идеалы и межличностные отношения. Переживания и стрессы оказывают неблагоприятное воздействие на здоровье ВИЧ-инфицированных лиц, ускоряя развитие заболевания. В связи с этим работа психолога имеет решающее значение, оказываю-

щее влияние как на психологическое состояние больного, так и на его лечение.

Исследования подтверждают, что люди с высоким уровнем жизнеспособности и жизнестойкости оценивают факторы своей болезни как менее опасные, показывают более высокую толерантность к заболеванию и используют более сосредоточенные на проблеме и ищущие поддержку стратегии совладания⁵. Высокий уровень жизнеспособности больного зависит от наличия социальной поддержки, тем более, если она имеет эмоциональный подтекст. Семейная или дружеская поддержка способствует смягчению влияния стресса на организм, помогает легче переносить жизненные трудности. Другими словами, социальная поддержка является необходимым компонентом копинг-поведения, представляет мощный средовой копинг-ресурс, без которого невозможно адекватное развитие и приспособление.

В случае с ВИЧ-инфицированными осужденными отметим, что по сравнению с больными, находящимися на свободе, их уровень жизнеспособности и жизнестойкости весьма низкий, поэтому они имеют больше психологических трудностей и хуже воспринимают качество собственной жизни. К тому же поиск мотива продолжения жизни больного осужденного осложнен рядом факторов. Во-первых, несмотря на то, что большинство ВИЧ-инфицированных осужденных относятся к возрастной группе от 25 до 30 лет (36%), лишь 17,5% из них состоят в зарегистрированном браке (еще 13,1% — в гражданском браке). В течение первого года отбывания наказания у 21,8% осужденных семьи распались⁶. Тем самым больные лишены поддержки вне стен исправительного учреждения, к ним приходит осознание того, что они никому не нужны и им не для кого жить. Во-вторых, немаловажное значение имеет срок отбывания наказания. Так, 45,2% ВИЧ-инфицированных осужденных назначено наказание в виде лишения свободы сроком от 5 до 10 лет. Продолжительность срока изоляции, особенно это касается тех лиц, которые оказались впервые в местах лишения свободы (36,8%), лишь усиливает чувство безысходности и апатии. В-третьих, отрицательное влияние на психологическое состояние оказывает отсутствие трудовой занятости осужденного. Данная проблема характерна для всех исправительных учреждений (менее 40% осужденных занято трудовой деятельностью⁷), основная причина — недостаточное количество рабочих мест. Кроме этого, ВИЧ-инфицированные осужденные не могут быть трудоустроены по медицинским показателям.

В поисках мотивации для ВИЧ-инфицированных осужденных психологи используют различные методики, начиная от наиболее распространенных («психологическая автобиография», «семантический дифференциал», «копинг-тест», «незавершенные предложения») до нетрадиционных (иматотренинг, методы арт-терапии, библиотерапии и т. д.). Использование нетрадиционных методик в работе психологов исправительных учреждений в последнее время становится распространенным явлением. Так, психологи исправительной колонии № 5 ГУФСИН России по Забайкальскому

краю применяют метод «сказкотерапия». Сущность данной методики заключается в том, что осужденным читают сказки психотерапевтов Зинкевич-Евстигнеевой, Семиной (Эльфика), после чего происходит их обсуждение. В основе сказок лежат архетипы, которые, включаясь в содержание повествования, на бессознательном уровне способны поменять ориентиры человека⁸.

Применение подобных методик в работе с осужденными недопустимо и неприемлемо. В настоящее время, когда в условиях гуманизации и демократизации уголовного наказания исправительные учреждения превращаются в подобие детских лагерей, применение так называемых нетрадиционных методов психологии способствует лишь расхолаживанию и недисциплинированности осужденных. Тем самым не реализуются цели уголовного наказания: исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений, так как нарушен баланс принудительного (устрашающего) и воспитательного воздействия.

Очевидно, что психологическое сопровождение осужденного должно осуществляться в тесном взаимодействии с лечащим врачом. В криминальной субкультуре сложилось уважительное отношение к медицинскому персоналу, как правило, осужденные делятся с врачами своими мыслями и переживаниями гораздо охотнее, нежели с психологами или другими осужденными. Однако в настоящее время медицинскому персоналу рекомендовано увеличивать количество ВИЧ-инфицированных осужденных, к которым должна применяться антиретровирусная терапия. В связи с возросшей нагрузкой врачам предписано заниматься только лечением пациентов, уделяя меньше внимания эмоциональным и личностным факторам.

Указанные причины (гуманизация уголовного наказания, отсутствие семьи, трудовой занятости, совместное проживание с общей массой осужденных, просчеты в психологическом сопровождении) способствуют развитию модели поведения, характерной для большинства ВИЧ-инфицированных осужденных: создание образа угнетенного и страдающего от заболевания человека. Осужденные требуют послабления режимных требований отбывания наказания, как правило, речь идет о предоставлении дневного сна, передвижении вне строя, освобождении от физической зарядки и выполнения работ по хозяйственному обслуживанию исправительного учреждения, ношении обуви неустановленного образца (например, тапочки, сандалии).

Вызывают определенное недоумение статистические данные относительно освобождения ВИЧ-инфицированных осужденных. Так, в 2013 г. 54,3% осужденных освободились условно-досрочно или в связи с заменой лишения свободы на более мягкое наказание, 42,5% — по отбытии срока наказания⁹. Отметим, что 41% осужденных данной категории имеют дисциплинарные взыскания, 30% водворялись в штрафной изолятор, 45% отрицательно относятся к сотрудникам исправительных учреждений. Итог — рецидив совершения преступлений. В ноябре 2015 г. (спустя месяц с момента освобождения от отбывания наказания) ВИЧ-инфицированный П. совершил два изнасилова-

ния. Первая пострадавшая в момент нападения гуляла с детской коляской в парке. П. забрал у девушки мобильный телефон, зарегистрировался в соцсетях и познакомился со второй жертвой. Пока оперативные сотрудники устанавливали личность преступника, ему удалось назначить свидание женщине в парке и там же ее изнасиловать. Десятилетний срок лишения свободы он также отбывал за изнасилование двух девушек¹⁰.

Вопросы исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении ВИЧ-инфицированных осужденных слабо разработаны. Так, например, в УИК РФ предусмотрено всего лишь пять норм (ч. 3 ст. 18, ч. 5 ст. 80, ч. 2 ст. 96, ч. 3 ст. 97), в которых тем или иным образом затрагиваются особенности исполнения и отбывания наказания данной категории осужденных. В настоящее время отсутствуют системные представления об особенностях психологии ВИЧ-инфицированных осужденных, что важно для осуществления профилактической работы.

ВИЧ-инфицированные осужденные обладают такими психологическими особенностями, которые оказывают непосредственное влияние на процесс их исправления. В большинстве случаев данная категория осужденных избирает дезадаптивную модель поведения, что обусловлено следующими факторами:

- 1) гуманизация и демократизация уголовного наказания;
- 2) подмена процесса исправления необходимостью лечения осужденного;
- 3) интолерантное отношение к ВИЧ-инфицированным лицам как со стороны осужденных, так и сотрудников исправительного учреждения;
- 4) отсутствие семьи и трудовой занятости;
- 5) низкий уровень жизнеспособности и жизнестойкости, вследствие чего они имеют большое количество психологических трудностей и неудовлетворительно воспринимают качество собственной жизни;
- 6) отсутствие взаимодействия между психологом и лечащим врачом.

Психологические признаки ВИЧ-инфицированных осужденных в настоящее время мало изучены. Практические психологи испытывают существенные трудности в общении с ними, так как недостаточно осведомлены о природе заболевания и не имеют разработанных методик по психологическому сопровождению больных. Основная проблема в работе психолога — невозможность активизации жизненных ресурсов ВИЧ-инфицированного осужденного, что препятствует его исправлению.

¹ ВИЧ-инфекция является основной причиной смерти в местах лишения свободы. URL: <http://prisonlife.ru> (дата обращения: 20.12.2015).

² Коваленко С. Н. Психологические изменения личности у ВИЧ-позитивных пациентов // Профилактическая и клиническая медицина. 2007. № 1. С. 249.

³ ВИЧ-инфицированный осужденный укусил сотрудника места лишения свободы (Самарская область). URL: <http://regnum.ru/news/736232.html> (дата обращения: 21.12.2015).

⁴ Смоленский осужденный пытался заразить ВИЧ сотрудника колонии. URL: http://smolensk-i.ru/accidents_78297 (дата обращения: 21.12.2015).

⁵ Цит. по: Нестерова А. А. Жизнеспособность и жизнестойкость личности как фактор психологической адаптации ВИЧ-инфицированных // Уровень жизни населения регионов России. 2011. № 1. С. 22.

⁶ Датий А. В., Ковачев О. В. Криминологические и психологические особенности ВИЧ-инфицированных осужденных // Прикладная юридическая психология. 2014. № 3. С. 127.

⁷ Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Федеральной службы исполнения наказаний. URL:

<http://fsin.su/structure/inspector/iao/Doklad/DROND%202015-2017.pdf> (дата обращения: 23.12.2015).

⁸ Осужденных в читинской колонии исправляют с помощью сказок. URL: http://zabmedia.ru/news/72515/osuzhdennyh_v_chitinskoj_kolonii_ispravlyayut_s_pomocshyu_skazok/ (дата обращения: 23.12.2015).

⁹ Датий А. В., Ковачев О. В. Указ. соч. С. 127.

¹⁰ В Москве ВИЧ-инфицированный маньяк-рецидивист изнасиловал двух женщин. URL: <http://lifeneews.ru/news/168270> (дата обращения: 23.12.2015).

УДК 343.713

КОРЫСТНАЯ ЦЕЛЬ КАК ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ПРИЗНАК ВЫМОГАТЕЛЬСТВА

Ю. А. Никитин

В статье поднимается проблема субъективного содержания такого преступления, как вымогательство. На основе анализа современной юридической литературы, примеров из практической деятельности, а также данных собственного исследования формулируется вывод относительно совершенствования диспозиции нормы о вымогательстве. Предлагается ч. 1 ст. 163 УК РФ дополнить признаком «корыстная цель», что должно повлечь определенность в вопросах квалификации исследуемого деяния, его отграничения от смежных посягательств.

Ключевые слова: вымогательство, корыстная цель, субъективная сторона, осознание, отграничение.

При анализе субъективной стороны вымогательства акцент делается на таком необходимом признаке, как наличие корыстной цели. Если лицо, предъявлявшее требование, преследовало иные цели, квалификация содеянного по ст. 163 УК РФ исключается. В связи с этим цель при вымогательстве является всегда корыстной. Во многом отсюда и идут споры относительно того, входит ли вымогательство в состав хищения или выступает в роли самостоятельного преступления. Данный вопрос уже давно причислен к разряду риторических, в то время как ответ на него, полагаем, должен лежать в плоскости анализа факультативных признаков субъективной стороны — цели его совершения.

Проблема определения целевой принадлежности вымогательства, предусмотренного ст. 163 УК РФ, актуальна и с позиции его отграничения от так называемых смежных составов преступлений, прежде всего — других видов вымогательств, предусмотренных УК РФ. Речь идет о конструкциях ст. ст. 221, 226, 229 УК РФ, устанавливающих ответственность за вымогательство, но применительно к другим предметам преступного посягательства. Не только предмет преступления выступает в качестве критерия разграничения фактически одинаковых по отношению друг к другу преступлений. Все они так или иначе представляют собою одно деяние — вымогательство. Однако корыстная цель характерна лишь для вымогательства, предусмотренно-

го ст. 163 УК РФ, в то время как другие разновидности данного посягательства указанному признаку соответствовать не должны. Более того, корыстная цель для всех составов, выделенных из ст. 163 УК РФ, является нетипичной (хотя и может присутствовать), что во многом и послужило причиной их выделения в самостоятельные юридические предписания. Именно данное обстоятельство не позволяет ставить вопрос о возможности их объединения в рамках одной законодательной конструкции, где предмет посягательства выступал бы в роли признака, отягчающего наказание за общий состав вымогательства. Основной состав данного посягательства предусматривал бы ответственность за корыстное деяние, а квалифицированный (в части особого предмета, требуемого от потерпевшего) имел бы совершенно иные мотивы и цели. Собственно, данное обстоятельство (наряду с повышенной общественной опасностью вымогательства предметов, изъятых из гражданского оборота) и послужило необходимым основанием для дифференциации ответственности за рассматриваемое посягательство.

В современной уголовно-правовой доктрине деяние, предусмотренное ст. 163 УК РФ, согласно устоявшейся позиции, не относится к группе хищений, но в то же время включается в состав корыстных посягательств¹. Корыстный характер вымогательства в рамках ст. 163 УК РФ практически не вызывает полемики в юридической литературе, что позволяет вести речь об относительной определенности, которая существует в данном вопросе. Устоявшейся является и позиция, согласно которой вымогательство в рамках исследуемого состава не может быть совершено в иных целях, не связанных с корыстью виновного². В другом случае речь необходимо вести о посягательствах иного рода — от принуждения к совершению сделки (ст. 179 УК РФ) до самоуправства (ст. 330 УК РФ), где цель достижения выгоды не требуется вовсе либо факультативна. На этом основании можно сделать вывод, что корыстная цель имеет существенное значение как в плане отграничения вымогательства, предусмотренного ст. 163 УК РФ от других его разновидностей, так и в целом от иных посягательств смежного характера.

Определенный интерес в этом отношении представляет следующий пример. Городским судом г. Ухты

квалификация следствия в отношении гр. Х-ова и гр. Х-ва по признакам состава преступления, предусмотренного пп. а, г, в ч. 2 ст. 163 УК РФ была изменена на ст. 330 УК РФ. Установлено, что Х-в получил информацию о том, что П. не в полном объеме рассчитался за приобретенную им квартиру с Б. и имеет задолженность перед последним. Действуя в интересах Б., Х-в и Х-ов вопреки установленному законом порядку требования долга предъявили требование возврата денежных средств в размере 1 млн рублей (либо исполнения обязательств в ином виде, ранее оговоренном с П.). При этом Х-в угрожал П. (в случае неисполнения обязательств) применением насилия, подкрепляя угрозу демонстрацией предмета, внешне похожего на оружие, находящегося в кобуре на пояском ремне. Х-в пообещал прострелить ногу П., если тот не подчинится его требованию сесть в автомобиль для продолжения разговора. Видя, что П. отказывается, Х-в, в целях продолжения своих самоуправных действий, схватил П. за руку и умышленно нанес ему не менее двух ударов кулаком по голове, применив насилие, от чего П. испытал сильную физическую боль. После этого Х-в повторил угрозу применения насилия, продемонстрировав предмет, внешне похожий на пистолет, что, с учетом сложившейся обстановки, было воспринято потерпевшим как реальная угроза. У П. имелись все основания опасаться за свою жизнь и здоровье, а также за жизнь и здоровье членов своей семьи³.

Суд в данном случае сделал обоснованный вывод, указав, что у виновных не было корыстной цели, так как они действовали в обеспечение реально существующего долга, не требуя при этом суммы, превышающей его размер. Данное обстоятельство не позволило оценить совершенное деяние по признакам ст. 163 УК РФ, совершенно справедливо поставив корыстный характер вымогательства в основу квалификации этого деяния.

Отметим, что ошибка следователей в первоначальной квалификации данного деяния как вымогательства относится к числу типичных. Отсутствие в основном составе вымогательства прямого указания на корыстный характер его совершения, наряду с большим количеством смежных ситуаций, когда выполняемые действия и предъявляемые требования внешне напоминают аналогичные действия и требования при вымогательстве, создают типовую, но крайне сложную ситуацию при квалификации содеянного.

Вполне логично предложение о нормативном закреплении в рамках основного состава вымогательства его факультативного содержания в виде цели, имеющей строго корыстную направленность. С одной стороны, указание на цель вымогательства отчасти повторяет идею, которая уже заложена в главе «Преступления против собственности», т. е. корыстный характер предусмотренных в ней посягательств (за исключением ст. ст. 167, 168 УК РФ), с другой, имеет необходимый характер. Необходимость эта подтверждается сложностями, возникающими в практической деятельности в ходе квалификации деяний подобного рода, когда отграничение сход-

ных составов преступлений только по признакам общественно опасного деяния затруднено либо невозможно. Такие сложности возникают не только в части разграничения преступлений, предусмотренных ст. ст. 163 и 330 УК РФ. В данном случае речь необходимо вести о спектре деяний, включающих в свое содержание принуждение к совершению сделки (ст. 179 УК РФ), специальные виды вымогательств и, возможно, иные деяния, способные вступать в конкуренцию с исследуемой нормой (ст. 206 УК РФ). Интересно, что практические работники из числа следователей и лиц, осуществляющих дознание, согласились с высказанной идеей о включении корыстной цели в число обязательных признаков вымогательства, требующих доказывания в процессе предварительного расследования. На вопрос «Как вы относитесь к включению корыстной цели в основной состав вымогательства?» 51,5% респондентов дали положительный ответ, указав на необходимость такой меры именно в связи с имеющимися в отечественной судебной-следственной практике заблуждениями относительно юридической оценки субъективной составляющей вымогательства. При этом еще 37,5% опрошенных специалистов указали на излишний характер данной меры, объясняя свое решение тем, что состав вымогательства и так находится в главе «Преступления против собственности», что уже предполагает его корыстную направленность. Оставшиеся 11% опрошенных не имеют конкретной позиции по данному вопросу, сделав общий вывод о допустимости как одного, так и другого подходов к конструированию предписания, предусматривающего ответственность за вымогательство.

Полагаем, что при необходимости предлагаемой трансформации ст. 163 УК РФ общий результат опроса в большей мере имеет положительный фон. Более того, в данном случае опираться необходимо не на сами цифры (которые в целом указывают на приемлемость сформулированного предложения), а на типичные ошибки практики. Дело в том, что решение таких проблем возможно лишь на законодательном уровне. Речь нельзя вести ни об уровне Пленума Верховного Суда Российской Федерации, ни о доктринальном подходе, поскольку они не имеют общеобязательного характера для правоприменителя. Между тем включение в диспозицию нормы субъективного фактора в качестве обязательного уже на стадии возбуждения уголовного дела позволит облегчить процесс отграничения ст. 163 УК РФ от смежных составов преступлений.

По нашему мнению, в этом отношении прав А. И. Бойцов, который указывает на корыстные намерения как на фактор, объединяющий вымогательство и хищение. Ученый отмечает: «Понятием «вымогательство» охватывается принуждение лишь к таким сделкам, в результате которых образуется (или должна образовываться) имущественная убыль на одной стороне и адекватная ей имущественная прибыль — на другой. Именно этим прежде всего вымогательство отличается от принуждения к совершению сделки, ответственность за которое предусмотрена ст. 179 УК РФ»⁴. Автор исходит из того, что примечание №1 к ст. 158

УК РФ в части определения понятия хищения, которое, как известно, содержит прямое указание на корыстную цель данного посягательства, в том числе распространяется и на вымогательство⁵. В целом соглашаясь с высказанной точкой зрения, позволим себе отметить, что сделанный вывод, к сожалению, не носит очевидного характера, в практической деятельности нередко подвергается сомнению, что и было подтверждено приведенным выше примером.

Неочевидность сделанного заключения во многом predetermined самим законодателем и полемикой, развернувшейся в отечественной уголовно-правовой доктрине. Вымогательство не относится к числу хищений, автоматическое распространение признака хищения на посягательство вряд ли допустимо с каких бы то ни было позиций. Неочевидность эта имеет глубокие корни: речь в данном случае необходимо вести о советском этапе регламентации обоих явлений в уголовном законодательстве.

Традиционным для российского (до 2003 г.) периода является упоминание вымогательства наряду с хищением. Демонстрацию представленного подхода мы можем наблюдать на примере такогоотягчающего обстоятельства, которое упоминалось в нормах о хищении, как совершение хищения (в статье о вымогательстве, совершение данного преступления) лицом, два или более раза судимым за хищение либо вымогательство. Так, УК РФ до 2003 г. в п. «в» ч. 3 ст. 158, п. «в» ч. 3 ст. 159, п. «в» ч. 3 ст. 160, п. «г» ч. 3 ст. 163 УК РФ содержался следующий квалифицирующий признак — «лицом, ранее два и более раза судимым за совершение хищения либо вымогательства». Отказ от такого подхода к правовой регламентации отягчающих обстоятельств хищений и вымогательства после 2003 г. не способен сам по себе изменить отношение к рассматриваемому явлению в уголовно-правовой доктрине или в практической деятельности. Этот подход формировался длительное время, а простым отказом от него сформировать другое отношение к указанным явлениям и их соотношению вряд ли возможно. Более правильной выглядела позиция законодателя, согласно которой усиление ответственности происходило за счет использования таких форм множественности, как повторность — примечание к ст. 144 УК РСФСР 1960 г., рецидив (рецидивист) — ч. 3 ст. 145 УК РСФСР 1960 г., где хищение и вымогательство не противопоставлялись друг другу. Данное положение родилось не само по себе, а произошло от сформировавшегося еще в советское время представления о хищении и, особенно, о его формах, к числу которых вымогательство никогда не относилось. Указанный тезис прямо следует из содержания примечания к ст. 144 УК РСФСР 1960 г., где в качестве хищения определялись лишь деяния, содержащиеся в ст. ст. 144–147 УК РСФСР 1960 г. (в более поздних редакциях — по ст. 147² УК РСФСР), при этом ст. 148 УК РСФСР 1960 г. «Вымогательство» никогда данным понятием не охватывалась. Безусловно, что при подходе, существовавшем не одно десятилетие, «воспитавшим» не одно поколение законодателей

и правоприменителей, сложно вести речь о каком-либо единстве в определении вымогательства, тем более говорить о необходимости соответствия определения данного понятия критериям хищения. Собственно, это и лежит в основе проблематики, вызывающей непонимание того, почему именно корыстная цель должна лежать в основе преступления, не относящегося к группе хищений, да еще и в условиях, когда иные виды этого же посягательства, но с другим предметом преступления, подобную цель содержать не должны.

Согласно п. 13 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2015 г., в случае предъявления к потерпевшему требования о передаче имущества, принадлежащего виновному или другим лицам на законных основаниях, квалификация содеянного должна осуществляться по признакам ст. ст. 119, 330 УК РФ и др. Соответственно, в приведенном примере должно вменяться самоуправство (ст. 330 УК РФ), что обусловлено учетом свойств требуемого имущества⁶ и представляет собою единственно верное решение данного вопроса.

Полагаем, с такой позицией Верховного Суда РФ согласиться необходимо, исходя из формальных критериев. Норма о вымогательстве расположена в главе 22 УК РФ «Преступления против собственности», деяния данной главы могут посягать лишь на такое общественное отношение, как собственность (имеется в виду видовой и основной непосредственный объект). В случае требования лицом своего собственного имущества, которое принадлежит ему по праву, даже при большом желании сложно назвать, во-первых, преступным, а во-вторых, посягающим на собственность. В ситуациях подобного рода, действительно, происходит нарушение формы требования, она носит явно нецивилизованный (за счет отсутствия в ее содержании юридической составляющей) характер, но это никак не влияет на статус самого имущества, которое требуют от потерпевшего. Оно как принадлежало виновному, так и будет принадлежать ему (даже в случае установления факта его виновности в неправомерном характере его требования от потерпевшего). Эта сфера правоотношений имеет под собой гражданско-правовую основу, уголовное право не способно вмешиваться в регулирование вопросов, ему не свойственных. В новом варианте постановления Верховным Судом Российской Федерации вторжение в иную сферу правового регулирования не просто не допускается, оно напрямую исключается, что не может не вызывать поддержки. Верховный Суд Российской Федерации впервые обратил свое внимание на данную проблему. В ранее действовавшем постановлении от 4 мая 1990 г. по этому поводу ничего не говорилось. Между тем молчание Верховного Суда РФ по данной проблеме породило неоднозначное восприятие спорных ситуаций при отграничении вымогательства от самоуправства.

На этом основании полагаем, что субъективная составляющая вымогательства на нормативном уровне должна быть дополнена таким признаком, как «корыстная цель». Полагаем, подобный шаг со стороны законо-

---

дателя является вполне оправданным, а его реализация позволит решить блок проблем, прежде всего правоприменительного плана. Речь в данном случае идет о вопросах квалификации вымогательства и его отграничения от так называемых смежных составов преступлений, в частности от самоуправства (ст. 330 УК РФ), принуждения к совершению сделки (ст. 179 УК РФ).

¹ Лопашенко Н. А. Преступления против собственности. М., 2012. С. 35 ; *Российское уголовное право : учебник : в 2 т.* / под ред. А. И. Рарога. М., 1996. Т. 2. С. 170–171 ; *Уголовное право России. (Особенная часть) : учебник / под ред. А. И. Рарога. М., 2001. С. 152 ; Курс российского уголовного права. (Осо-*

бенная часть) / под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. М., 2002. С. 314.

² Владимиров В. А., Ляунов Ю. И. Ответственность за корыстные посягательства на социалистическую собственность. М., 1986. С. 202.

³ Архив городского суда г. Ухты Республики Коми за 2015 г. Уголовное дело № 1-289/15.

⁴ Бойцов А. И. Преступления против собственности. СПб., 2002. С. 711–712.

⁵ Там же. С. 711.

⁶ О судебной практике по делам о вымогательстве : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2015 г. № 56 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2016. № 1. С. 3.

ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ, ПРАВОВАЯ И ПРОФИЛАКТИЧЕСКАЯ РАБОТА

УДК 159.9

ЛИЧНОСТНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЖЕНЩИН-СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

О. В. Кузнецова

В статье представлены результаты исследования личностных особенностей женщин-сотрудников, связанных с эффективностью их служебной деятельности. Определены личностные характеристики женщин-сотрудников, препятствующие адаптации к службе и приводящие к снижению эффективности деятельности. Установлено проявление у женщин-сотрудников феномена социальной желательности, прикрывающего всю палитру глубинных особенностей их личности.

Ключевые слова: женщины-сотрудники, эффективность служебной деятельности, личностные особенности, социальная желательность, глубинные особенности личности.

Участие женщин в развитии социальной жизни рассматривается как необходимое условие здорового социального, экономического и культурного роста любой нации. Долгое время мужчины занимали активные социальные позиции, а женщины были пассивными созерцателями, теперь мужчины и женщины начинают выступать как деловые партнеры в профессиональной деятельности, что привело к активному участию женщин не только в общественной, но в государственной жизни, в том числе и в службе в органах внутренних дел.

В настоящее время в Российской Федерации не существует законодательных ограничений в приеме женщин на службу в органы внутренних дел. Решение о необходимости иметь в составе своих подразделений женщин для выполнения тех или иных функций относится к компетенции руководителей ОВД как субъектов управления, а внутренние служебные перемещения происходят на основании потребностей самой организации.

По статистическим данным в настоящее время в ОВД служит около 200 тыс. женщин¹, что составляет более 20% от общей численности личного состава. Женщины проходят службу почти во всех подразделениях органов внутренних дел: в отделах по предупреждению правонарушений среди несовершеннолетних — 79,0%; в дознании — 73,0; в следствии — 58,9; в кадрах — 54,0; в экспертно-криминалистических подразделениях —

35,7; во вневедомственной охране — 11,4; в уголовном розыске — 8,7; в ГИБДД — 9,5; в патрульно-постовой службе — 9,6%². При увеличении количества женщин-сотрудников становятся актуальными вопросы не только их отбора на службу, прогноза эффективности служебной деятельности данных сотрудников, но и организации, сопровождения их служебной деятельности.

Значительное число работ посвящено различным аспектам организации служебной деятельности женщин-военнослужащих (О. М. Кузовчикова, А. И. Смирнов, Е. В. Терешина, В. Г. Павлова)³. Проведены исследования, касающиеся воспитания женщин-военнослужащих (М. А. Демина, С. Л. Рыков)⁴, адаптации женщин к военной службе (А. Ю. Крылов, З. С. Морозова, Ж. В. Гербач)⁵. Изучены мотивационная сфера (И. С. Ковальчук)⁶, психофизиологические (Е. А. Даньков)⁷ и личностные особенности (Р. Х. Кузина)⁸, профессионально-значимые качества женщин-военнослужащих (О. В. Секаева)⁹, специфика психологической защиты курсанток (Е. А. Каминер)¹⁰. Рассматривались проблемы влияния гендерных установок на взаимоотношения в разнополых коллективах (В. В. Овчинникова)¹¹, гендерные стереотипы на службе (И. Ю. Суркова)¹² и т. д.

Т. А. Иванова и В. В. Романова¹³ изучали организационно-правовые проблемы работы с женщинами-сотрудниками, М. В. Щелкунова¹⁴ — организационно-правовые основы службы женщин в полиции зарубежных стран. Исследования И. А. Бобровой, О. В. Малыгиной, Е. М. Гончаровой¹⁵ описывали личностные особенности женщин-сотрудников; Д. Ю. Ануфриева¹⁶ обращалась к профессиональному развитию женщин, работающих в ОВД.

В профессиональном психологическом отборе, одной из задач которого является определение пригодности и прогнозирование психологической готовности к выполнению профессиональных задач, дифференцированного подхода к рассмотрению кандидатов (в зависимости от их половой принадлежности) не существует, отсутствуют и рекомендации по отбору женщин, критерии прогнозирования эффективности их служебной деятельности.

В настоящее время оценка личности женщин-кандидатов производится по «мужским показателям». Как пишет Е. Н. Махмутова, гендерный подход в психологических исследованиях показывает, что большин-

ство научных выводов и обобщений в психологии получено при изучении лиц мужского пола¹⁷.

Т. А. Иванова в своих работах говорит о необходимости определения при поступлении женщин на службу наиболее оптимальной сферы деятельности в системе органов внутренних дел для применения особых женских психологических качеств¹⁸. В. В. Шиляева, В. Т. Лекомцев описывают клинико-психологические профили женщин-кандидатов, поступающих на службу в ОВД¹⁹. В публикациях, подготовленных Н. И. Мягких, представлен и описан усредненный профиль личности женщин-кандидатов по методике СМЛЛ (Л. Н. Собчик), отличный от профиля мужчин-кандидатов²⁰. В целом изучению личностных особенностей женщин-сотрудников, влияющих на эффективность их служебной деятельности, в современных научных работах уделено мало внимания.

Исходя из изложенного, цель нашей работы — изучение личностных особенностей женщин-сотрудников, связанных с эффективностью их служебной деятельности.

В исследовании принимали участие 367 женщин-сотрудников, проходящих службу в ОВД. Для индивидуальной психологической диагностики использовались следующие методики: стандартизированный многофакторный метод исследования личности СМЛЛ (Л. Н. Собчик) и методика экспериментальной диагностики побуждений Л. Зонди. Теоретической базой интерпретации индивидуальных данных, полученных в ходе экспериментального исследования, стали концепция ведущих тенденций Л. Н. Собчик и концепция глубинных побуждений Л. Зонди.

Для оценки уровня эффективности служебной деятельности женщин-сотрудников был использован метод экспертных оценок (Е. В. Сидоренко)²¹. Все женщины-сотрудники были распределены на три группы по критерию «эффективность служебной деятельности». В первой группе выявлены показатели высокой эффективности служебной деятельности (111 человек), во второй — низкой эффективности (100 человека). Исключение средней группы позволило получить две полярные группы.

В таблице 1 представлены усредненные профили групп женщин-сотрудников с высокой и низкой эффективностью служебной деятельности (по методике СМЛЛ). Полученные данные свидетельствуют, что в профилях женщин-сотрудников обеих групп ведущими являются шкалы 4 («импульсивность») и 9 («оптимистичность»). Это позволило сделать вывод, что для женщин-сотрудников (вне зависимости от эффективности их служебной де-

Таблица 2. Взаимосвязь пятой шкалы СМЛЛ с эффективностью служебной деятельности женщин-сотрудников

Женщины-сотрудники ОВД	Значения пятой шкалы в Т-баллах		
	ниже 40	от 40 до 60	выше 60
Группа с высокой эффективностью	13,9%	67,4%	18,8%
Группа с низкой эффективностью	36,8%	52,7%	10,5%
ц (эмп.)	2,412	1,361	1,042
P <	0,01	–	–

ятельности) характерны стенический тип реагирования и преобладание возбудимых черт. Такому типу личности присущи оптимистичность, высокая мотивация достижений, высокая потребность в самореализации, уверенность и быстрота в принятии решений.

Дальнейший анализ особенностей личности женщин-сотрудников показал, что для эффективности служебной деятельности значимы показатели пятой шкалы — ниже 40 Т-баллов в профиле, что отражает женственный стиль поведения: мягкость, сентиментальность, чувствительность, стремление быть опекаемой, найти опору (табл. 2).

Из таблицы 2 видны статистически достоверные различия в количестве женщин-сотрудников со сниженными значениями пятой шкалы в группах с высокой и низкой эффективностью служебной деятельности (ц эмп. = 2,412, $p < 0,01$). Среди женщин-сотрудников с низкой эффективностью служебной деятельности женщин с низкими значениями пятой шкалы 36,8%, а в группе с высокой эффективностью — 13,9%. Другими словами, у женщин-сотрудников с преобладанием в личностных характеристиках мягкости и женственности в большей степени эффективность служебной деятельности оценивается как низкая.

Изучение усредненных профилей женщин-сотрудников с различной эффективностью служебной деятельности обнаружило заниженные показатели шестой шкалы («ригидность») в обоих профилях. Л. Н. Собчик указывает, что «показатели по 6-й шкале ниже 50 Т-баллов «неправдоподобны» и «отражают избыточную тенденцию к подчеркиванию своих миротворческих тенденций, что чаще встречается при гиперкомпенсаторной установке у личностей агрессивного толка»²². В данном случае можно предположить стремление женщин-сотрудников продемонстрировать социально одобряемое поведение.

Таблица 1. Усредненные профили женщин-сотрудников с низкой и высокой эффективностью служебной деятельности

Шкалы СМЛЛ	L	F	K	1	2	3	4	5	6	7	8	9	0
Группа с высокой эффективностью	48,2	55,2	62,4	50,2	48,5	49,3	56,2	50,3	48,1	51,1	53,5	58,1	49,2
Группа с низкой эффективностью	49,6	55,3	63,3	51,1	47,8	50,5	54,6	50,6	45,9	51,3	54,2	60,1	47,2

Примечание. L — ложь, F — достоверность, K — коррекция, 1 — сверхконтроль, 2 — пессимистичность, 3 — эмоциональная лабильность, 4 — импульсивность, 5 — мужественность-женственность, 6 — ригидность, 7 — тревожность, 8 — индивидуальность, 9 — оптимистичность, 0 — интроверсия. Жирным шрифтом выделены показатели ведущих шкал.

В литературе имеются описания феномена социальной желательности как фактора, мешающего получению достоверных результатов по тестам-опросникам, который присутствует у сотрудников правоохранительной системы (В. С. Павленин; Л. Е. Кислелева; Е. М. Пермгорская; М. А. Падун)²³. Выявленные социально желательные личностные особенности женщин-сотрудников могут прикрывать всю палитру глубинных особенностей личности.

При выборе испытуемыми фотопортретов (в ходе диагностики по методике Л. Зонди) первоначально были получены тестовые профили побуждений каждой женщины-сотрудника. Далее были подсчитаны процентные доли по частоте встречаемости векторных картин у женщин-сотрудников с высокой и низкой эффективностью. Векторная картина по Л. Зонди представляет собой состояние двух потребностей, объединенных в пространстве одного побуждения (сексуального – S, пароксизмально – P, Я — Sch и контактов — C). Выделенные картины сопоставлялись по критерию Фишера, и проводился качественный сравнительный анализ.

Результаты анализа показывают, что многие векторные картины у женщин-сотрудников с высокой и низкой эффективностью содержательно сходны. Это указывает на то, что представители обеих групп используют аналогичные защитные и адаптационные механизмы.

Анализ картин сексуального вектора (S) показывает, что у женщин-сотрудников обеих групп присутствует потребность в персональной любви. По Л. Зонди — это потребность, присущая всем живым существам в любви и нежности, толкающая человека на объединение с конкретным человеком. Но у женщин-сотрудников с низкой эффективностью деятельности данная потребность трансформируется в форму острого дефицита персональной любви. В связи с этим у них присутствует субъективное ощущение внутреннего неблагополучия, не удовлетворена потребность любить и быть любимой. Напряженность в области персональной любви присутствует у 16,7% женщин-сотрудников с низкой эффективностью деятельности и отсутствует у женщин-сотрудников с высокой эффективностью.

Установлено, что у представителей обеих групп одинаково присутствуют стремление к активности и доминированию, равно как и к пассивности, ведомой позиции, подчинению. В большей степени у всех женщин-сотрудников наблюдается объединение потребности в персональной любви, желание проявлять нежность и ласку с готовностью быть активной.

Анализ картин пароксизмального вектора (P) показывает наличие у участников обеих групп социально позитивной морально-этической цензуры, стремления придерживаться общепринятых норм, скромность, застенчивость, страх вины и наказания.

Однако у женщин-сотрудников с высокой эффективностью деятельности выражена тенденция к утаиванию личных душевных переживаний, наблюдается скромность и сдержанность в проявлении ярких эмоций и в разрядке сильных.

Данная картина эмоциональной жизни женщины дает ей возможность сохранять баланс между способностью реагировать на внешнюю социальную ситуацию и умение подавлять, утаивать, сдерживать чувства. Такое равновесие позволяет женщине сохранять внутреннее благополучие и успешно адаптироваться к условиям служебной деятельности ОВД. Данную картину А. В. Смирнов называет нормальной для всех возрастных групп и описывает ее как «естественное стремление человека оберегать свой внутренний мир чувств от постороннего вмешательства»²⁴. Доля лиц, способных совладать со своими тонкими эмоциями в группе с высокой эффективностью, достоверно больше по сравнению с группой низкой эффективности (ц эмп. = 2,206, при $p < 0,05$).

Анализ структуры Я (вектор Sch) показывает, что женщины-сотрудники с высокой и низкой эффективностью используют сходные механизмы адаптации: реализация определенных идеалов и целей, навязчивость и умение приспособиться к любым обстоятельствам. Эти механизмы выражены почти в равной степени у представителей обеих групп.

Однако у женщин-сотрудников с низкой эффективностью преобладают такие механизмы, как невротическое приспособление, вытеснение и одержимость, стремление к всемогуществу. Процент сотрудников с подобными проявлениями гораздо выше в группе с низкой эффективностью, чем с высокой (ц эмп. = 1,656, при $p < 0,05$). Такие личности характеризуются постоянным стремлением выглядеть сильными и успешными в глазах других, испытывают повышенную тревожность при столкновении с новыми социальными ситуациями, склонны манипулировать в межличностных отношениях, недооценивают себя и свои возможности, могут быть злопамятны, непримиримы и враждебны.

Число сотрудников со стремлением к всемогуществу преобладает в группе с низкой эффективностью (ц эмп. = 1,882, при $p < 0,05$). Для них характерно стремление к совершенству, элитарности, власти, отсутствие критичности и переоценка себя, в отношениях они могут проявлять интриганство и коварство, высокомерие, самодовольство, надменность. Такие личности, как правило, не способны найти оптимальные способы для воплощения в реальность своих стремлений.

Все это говорит о том, что женщины-сотрудники, которые стремятся к реализации своих целей и идеалов, критичны в оценке своих возможностей, способны адаптироваться к любым обстоятельствам без ущерба для себя, более эффективны в служебной деятельности. Такие женщины-сотрудники довольно хорошо адаптируются к требованиям служебной деятельности в органах внутренних дел и находят оптимальные пути реализации своих целей и стремлений.

Женщины-сотрудники, которые отказываются от реализации собственных устремлений из-за неверия в собственные силы или не могут воплотить задуманное, проявляют в служебной деятельности низкую эффективность. Они с трудом адаптируются к требованиям служебной деятельности органов внутренних дел, ис-

пытаются постоянно неудовлетворенность в реализации своих целей.

Анализ картин вектора контактов (С) показывает, что женщины-сотрудники с низкой эффективностью меньше стремятся к установлению прочных социальных контактов. Как следствие, у них меньше формируется и так называемых несчастливых связей. Для них характерна привязанность к старым объектам без тенденции к сохранению данной связи, консерватизм, затруднения в адаптации к новым ситуациям. Количественный анализ показал, что доля лиц с такой картиной в группе женщин-сотрудников с низкой эффективностью больше, чем в группе с высокой эффективностью (χ^2 эмп. = 2,511, $p < 0,05$). Это говорит о том, что женщины-сотрудники, которые готовы к переменам, способны адаптироваться к изменяющимся общественным, социально-психологическим условиям, проявлять социальную гибкость, более эффективны в служебной деятельности. Также женщин-сотрудников с высокой эффективностью отличает «прочный социально зрелый контакт с партнером, коллективом, обществом, профессиональной деятельностью»²⁵.

Для женщин-сотрудников с высокой эффективностью характерна тенденция к утаиванию личных душевных переживаний, скромность и сдержанность в проявлении ярких эмоций. Поддержание такого баланса позволяет женщине сохранять внутреннее спокойствие, быть уверенной, устанавливать близкие благополучные отношения, в социальном и профессиональном взаимодействии уметь быстро адаптироваться к новым ситуациям, проявляя социальную гибкость. Такие женщины стремятся к реализации своих целей и идеалов, критичны в оценке своих возможностей, что в итоге позволяет им успешно адаптироваться к условиям служебной деятельности в органах внутренних дел, находить пути реализации своих целей и стремлений.

На основании результатов исследования личностных особенностей женщин-сотрудников ОВД можно сделать следующие выводы:

1) для женщин-сотрудников ОВД (вне зависимости от эффективности их служебной деятельности) характерен стенический тип реагирования, преобладание возбудимых черт личности;

2) эффективность служебной деятельности снижается при наличии таких личностных особенностей, как мягкость, сентиментальность, женственность, чувствительность, стремление быть опекаемой, найти опору;

3) женщины-сотрудники ОВД, склонны демонстрировать «социально желательные» личностные качества, прикрывающие всю палитру глубинных особенностей личности;

4) значимой для поддержания высокой эффективности служебной деятельности женщин-сотрудников является их способность к сохранению баланса между утаиванием личных душевных переживаний, скромностью, сдержанностью в проявлении своих сильных эмоций и умением сдерживать тонкие душевные переживания, что позволяет женщине сохранять внутреннее благополучие и быть уверенной в себе.

¹ Сведения о состоянии работы с кадрами органов внутренних дел Российской Федерации за 2015 год : сб. аналит. и информ. мат-лов. М., 2016. 74 с.

² Там же. С. 44.

³ Кузовчикова О. М. Объективизация сущностных сил женщины в армии как показатель феминизации общества : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Тверь, 2006. 18 с. ; Непочетая Н. И. Гендерный контракт женщин на военной службе в России: история и современность в социологическом освещении : дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2004. 255 с. ; Смирнов А. И. Женщина на военной службе: новые возможности и социальные права. М., 2000. 144 с. ; Терешина Е. В. Правовой статус военнослужащих женщин и его реализация в пограничных органах Федеральной службы безопасности (на примере органов пограничного контроля) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 183 с. ; Павлова В. Г. О роли женщины в армии. URL: <http://www.mil.ru/849/13812/54036/index.shtml> (дата обращения: 20.02.2013).

⁴ Демина М. А. Профессиональное воспитание женщин-военнослужащих внутренних войск МВД России с учетом гендерных аспектов : дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2005. 197 с. ; Рыков С. Л. Совершенствование профессионального воспитания военнослужащих женщин Вооруженных Сил Российской Федерации : дис. ... д-ра пед. наук. М., 2003. 644 с.

⁵ Крылов А. Ю. Личностно-профессиональная адаптация женщин к условиям военной службы в РВСН : дис. ... канд. психол. наук. М., 2001. 160 с. ; Морозова З. С. Социальная адаптация военнослужащих женского пола к условиям военной службы // Социально-гуманитарные знания. 2009. № 3. С. 318–325 ; Гербач Ж. В. Гендерный аспект профессиональной адаптации женщин-военнослужащих Вооруженных Сил РФ : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Ростов н/Д, 2004. 18 с.

⁶ Ковальчук И. С. Мотивация профессиональной деятельности военнослужащих женщин вузов МО РФ : дис. ... канд. психол. наук. М., 2004. 204 с.

⁷ Даньков Е. А. Психологические особенности профессиональной пригодности женщин к обучению в военных образовательных учреждениях Министерства обороны РФ : автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2010. 21 с.

⁸ Кузина Р. Х. Психологические особенности профессиональной деятельности военнослужащих женщин : дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2001. 201 с.

⁹ Секаева О. В. Формирование профессионально значимых качеств военнослужащих женщин в военном вузе : дис. ... канд. пед. наук. Орел, 2008. 204 с.

¹⁰ Каминер Е. А. Проявления механизмов психологической защиты в системе психической устойчивости курсантов-девушек : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2001. 20 с.

¹¹ Овчинникова В. В. Влияние гендерных установок на взаимоотношения в разнополых воинских коллективах (на примере вузов ФСБ России пограничного профиля). Голицино, 2006. 22 с.

¹² Суркова И. Ю. Гендерные стереотипы в повседневных армейских практиках // Социологические исследования. 2008. № 12(296). С. 104–113.

¹³ Иванова Т. А. Организационно-правовые проблемы работы с женщинами-сотрудниками органов внутренних дел (милиции) (на примере г. Москвы) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. 176 с. ; Романова В. В. Служба женщин в ОВД (организационные и правовые аспекты) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 24 с.

¹⁴ Щелкунова М. В. Организационно-правовые основы службы женщин в полициях зарубежных стран : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 285 с.

¹⁵ Боброва И. А. Психологические особенности личности женщин-сотрудников органов внутренних дел МВД России : дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2005. 176 с. ; Малыгина О. В.

Специфика и динамика личностных особенностей женщин-сотрудниц уголовного розыска органов внутренних дел : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2008. 25 с. ; Гончарова Е. М. Профессиональная деятельность и психологический отбор в системе МВД России с учетом гендерных различий // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 5. С. 16–18.

¹⁶ Ануфриева Д. Ю. Профессиональное развитие женщин, работающих в органах внутренних дел // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2009. № 4(39). С. 20–22.

¹⁷ Махмутова Е. Н. Гендерный аспект современной кадровой ситуации в государственной и коммерческой деятельности // Применение психологических знаний в практике управления : мат-лы науч.-практич. конф. Уфа, 1997. Вып. 2. С. 121.

¹⁸ Иванова Т. А. Организационно-правовые проблемы работы с женщинами-сотрудниками органов внутренних дел (милиции) (на примере г. Москвы) : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2000. 24 с.

¹⁹ Шиляева В. В., Лекомцев В. Т. Клинико-психологические профили женщин-кандидатов, поступающих на службу в ОВД // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2003. № 2(10). С. 105–107.

²⁰ Мягких Н. И. Генезис профессионального психологического отбора в органах внутренних дел Российской Федерации

(концептуальные подходы, принципы, критерии, технологии). Домодедово, 2006. 200 с.

²¹ Сидоренко Е. В. Методы математической обработки в психологии. СПб., 2001. 350 с.

²² Собчик Л. Н. Введение в психологию индивидуально-сти. М., 1998. С. 100.

²³ Павленин В. С. Психолого-педагогические факторы проявления агрессивности в профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов : дис. ... канд. пед. наук. Екатеринбург, 2004. 173 с. ; Киселева Л. Е. Развитие лидерских качеств руководителей горрайорганов внутренних дел в процессе профессионально-психологической подготовки : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2011. 25 с. ; Пермогорская Е. М., Падун М. А. Посттравматический стресс и семейные отношения у сотрудников ОВД — участников контртеррористических операций на Северном Кавказе // Психологические исследования : электрон. науч. журнал. 2011. № 3(17). URL: <http://psystudy.ru/0421100116/0031> (дата обращения: 21.11.2015) ; Падун М. А., Сорокко Е. А. Социальная желательность и подавление эмоций у сотрудников МВД // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 1(56). С. 40–44.

²⁴ Смирнов А. В. Екатеринбургские лекции по экспериментальной диагностике побуждений Л. Зонди : учеб. пособие. Екатеринбург, 2005. С. 125.

²⁵ Там же. С. 154.

УДК 159.9

ПРОФИЛЬ ЛИЧНОСТНЫХ КАЧЕСТВ ПОДРОСТКОВ, ПЕРЕЖИВШИХ НАСИЛИЕ

Ф. Ф. Караваяв

В статье рассмотрены качества личности подростков, подвергшихся насилию. Показан сравнительный анализ личностных качеств подростков, не имеющих травматического опыта и испытавших насилие. В структуре качеств личности подростков, переживших насилие, в наибольшей степени представлены такие личностные характеристики, как замкнутость, эмоциональная неустойчивость, зависимость, конформность, сдержанность в общении, ранимость, неуверенность в себе и своих силах, высокий уровень фрустрированности.

Ключевые слова: насилие, личность, качества, стресс, фрустрация.

Во многих промышленно развитых странах и в России отмечается рост посттравматического стресса среди населения¹. В последнее время психологи уделяют особое внимание проблеме посттравматического стресса у подростков. Причины формирования отклоняющихся форм поведения в подростковом возрасте² — это множество факторов, включая развитие, наличие насилия в детстве и психопатологию.

Однако в большинстве научных работ ученые ограничиваются выявлением и изучением тех признаков посттравматического стресса, которые указаны в МКБ-10, в то время как личностным качествам, формирующимся под воздействием травматических событий, уделяется мало внимания. В доступной литературе нам не удалось найти экспериментальных материалов, посвященных формированию профиля личностных качеств у подростков, переживших насилие.

В данной статье мы пытались выяснить своеобразие профиля личностных качеств у подростков, подвергшихся физическому насилию.

Для достижения поставленной цели было проведено сравнительное исследование, в качестве основного метода использовался подростковый вариант личностного опросника Кеттелла.

В исследовании приняли участие 58 младших школьников, обучающихся в двух общеобразовательных средних школах г. Саянска. На основании данных, полученных с помощью интервью для выявления признаков посттравматического стресса³ у подростков, мы разделили всех испытуемых на две группы: подростки, не имеющие травматического опыта (26 человек) — контрольная группа, а также дети, испытавшие то или иное физическое или психологическое насилие (32 человека) — экспериментальная группа.

У подростков, имеющих травматический опыт, вызванный физическим и психическим насилием, отмеча-

Таблица. Значения факторов личности у подростков экспериментальной группы

Факторы личности	X	δ	Факторы личности	X	δ
A	3,82	0,26	I	6,29	1,52
B	5,78	0,42	O	7,08	2,49
C	5,19	1,00	Q3	8,71	0,68
D	4,28	0,45	Q4	7,07	1,10
E	4,79	0,50	QI	4,19	1,70
F	4,06	1,36	QII	4,28	2,50
G	7,88	0,46	QIII	5,68	0,80
H	3,68	1,05	QIV	5,30	2,48

ются высокие оценки по таким факторам личности, как G, O, Q3, Q4. Заниженные значения выявлены по факторам личности A, D, E, F, H, Q1 и Q11. Остальные показатели находятся в пределах средних значений оценок по опроснику Кеттелла.

После расчета средних показателей личностных качеств у подростков, переживших физическое насилие, проведен корреляционный анализ в целях выявления ведущих личностных характеристик подростков.

Корреляционный анализ показателей в экспериментальной группе показал, что структура личностных качеств детей, подвергшихся физическому насилию, состоит из нескольких комбинаций факторов личности, тесно связанных между собою. Наиболее значимую нагрузку в структуре личностных качеств у этих подростков несут такие факторы личности, как A (замкнутость), C (эмоциональная неустойчивость), E (зависимость, конформность), F (сниженная экспрессивность в межличностном общении), G (соблюдение социальных норм), H (несмелость, сдержанность в общении), I (ранимость), O (неуверенность в себе, в своих силах), Q3 (высокий уровень самоконтроля) и Q4 (высокая фрустрированность).

На основании полученных данных мы можем охарактеризовать формирование личностных качеств у детей экспериментальной группы следующим образом: эти подростки полностью интровертированы и обращены на себя, свой внутренний мир. Окружающие люди их не интересуют, они очень замкнуты, необщительны, малоразговорчивы даже с хорошо знакомыми людьми. Часто занимаются самоанализом, погружены в себя, социальная адаптация у них затруднена (фактор A).

В межличностном общении с другими детьми они робки, сдерживают свои чувства и мысли. Не умеют свободно выразить свою позицию. В общении пассивны, застенчивы, часто страдают из-за этого. Краснеют и сильно смущаются в присутствии посторонних и лиц другого пола (фактор H). Нередко испытывают серьезные трудности при установлении и продолжении контактов, особенно с незнакомыми людьми (сочетание факторов A и Q1).

Их речь менее экспрессивна и слабо насыщена эмоционально. Мимика и жесты однообразны и бедны (фактор F).

У таких детей снижена общая активность. Темп реакций и психической деятельности замедлен, они ригидны. Испытывают общее моторное беспокойство, иногда излишнюю активность, гиперкинезию (фактор D).

Часто застревают на одних и тех же мыслях, чувствах. Нередко они навязчиво вспоминают о случившихся, особенно неприятных жизненных событиях (сочетание факторов B, D и F).

Эти подростки зависимы, несамостоятельны, практически всегда и во всем соглашаются с мнением других сверстников, а также родителей и учителей без какой-нибудь критики. У них, как правило не хватает смелости в выборе собственной линии поведения и в выражении своего мнения. Такие дети сильно зависимы от ситуаций, обстоятельств или близких для них людей, очень привязаны к родным (сочетание факторов E, G, O и Q11).

Они послушны, мягки, ранимы, восприимчивы к замечаниям и не верят в себя. Из-за недооценки своих способностей у них быстро возникает чувство вины. Остро воспринимают и переживают замечания посторонних (сочетание факторов G и I).

Их настроение отличается неровностью, неустойчивостью, подвержено частой перемене от очень хорошего до самого плохого. Неадекватно и очень остро реагируют даже на незначительные неприятные известия, при этом их настроение имеет выраженный астенический характер. Из-за неприятных известий они быстро утомляются и проявляют пониженную активность (фактор C).

Подростки данной группы эмоционально нестабильны и неустойчивы, у них ярко выражено чувство беспокойства за дела и события, касающиеся их. Нередко испытывают страх и вину, поэтому очень тревожны, в эмоциональной сфере преобладают постоянные тревоги. Часто погружены в мрачные раздумья, полны дурных предчувствий, даже если еще не произошло негативных событий, подавлены (сочетание факторов I и O).

Они обидчивы, впечатлительны, склонны к самообвинениям, легко ранимы и принимают все близко к сердцу, излишне напряжены, фрустрированы. У них низкая самооценка (сочетание факторов C, Q4 и Q1).

Дети, пережившие насилие, боятся совершить ошибки и боятся наказания, поэтому они жестко контролируют себя, управляют своим поведением, пытаются показать себя в лучшем свете. Стараются аккуратно выполнять поручения взрослых и не нарушать правил морали, общественные требования (сочетание факторов G и Q3).

Из-за сильной и повышенной тревожности и постоянного страха эти подростки неудачно решают повседневные проблемы (сочетание факторов B и Q11).

В структуре личностных качеств у подростков, имеющих травматический опыт, вызванный физическим и психическим насилием, в наибольшей степени представлены такие личностные качества, как замкнутость, эмоциональная незрелость и неустойчивость, зависимость, несмелость в межличностном общении, неуверенность в себе, излишняя ранимость, фрустрированность, но при этом у них высокий уровень самоконтроля, стремление показать себя в лучшем свете.

Для выяснения особенностей формирования личностных качеств у подростков, испытавших физическое насилие, мы сравнивали их результаты со среднегрупповыми показателями испытуемых контрольной группы. Данные сравнительного анализа отражены на рисунке.

Из рисунка видно, что подростки из обеих групп сильно отличаются по значениям некоторых факторов. Между их средними показателями установлены статистически достоверные различия (при 5%-ном уровне значимости) по факторам личности A, C, E, H, I и O, а также по фактору личности Q4.

Опираясь на полученные результаты сравнительного анализа, можно считать, что дети, пережившие физическое насилие, отличаются от тех, которые не имели травматического опыта: не только пониженной самооценкой и неуверенностью (сочетание факторов личности E, I и O), по-

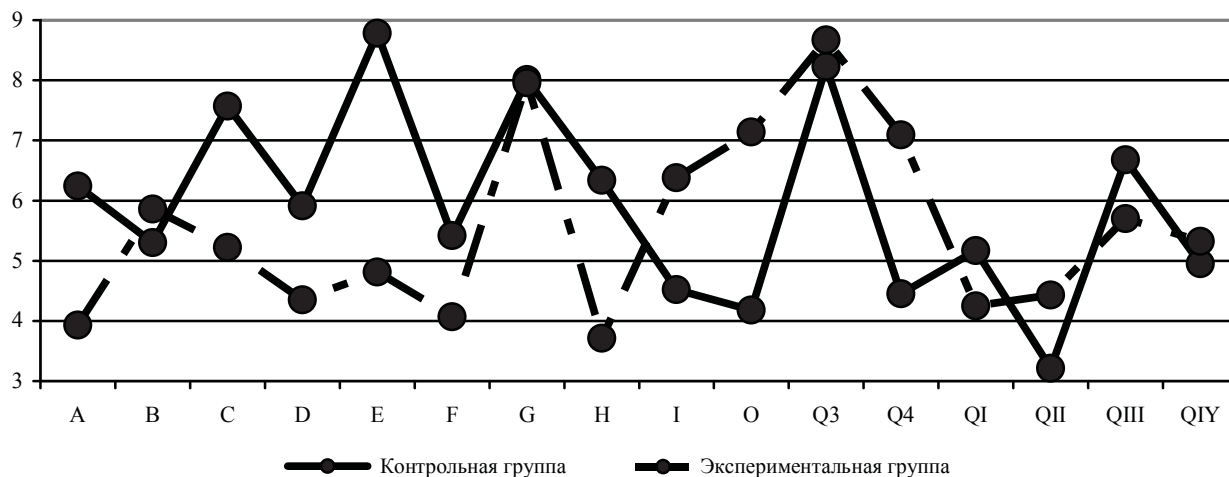

Рис. Сравнительная характеристика значений факторов личности в контрольной и экспериментальной группах

вышенной ригидностью в поведении (сочетание факторов личности E и H), но и недостаточным самовыражением в разных социальных ситуациях (сочетание факторов личности A, C, H и O), высоким уровнем тревожности и фрустрации (сочетание факторов личности C, I, O и Q4).

Обобщая данные по профилю подростков, подвергшихся насилию, последствия которого могут привести к возникновению девиантного синдрома в детско-подростковом возрасте, Комитет превентивной психиатрии выделил биологические, психологические и социокультурные факторы, связанные с насилием. Это низкий социально-экономический статус, трудный характер, хроническая болезнь, психиатрическая коморбидная и родительская психопатология⁴. При этом указывается на большое значение сотрудничества детских и подростковых психиатров и сотрудников правоохранительных органов в профилактике насилия среди молодежи⁵.

Учет профиля личности подростков контрольной группы позволит наметить конкретные пути и средства осуществления коррекционных мероприятий в образовательном пространстве с подростками, подвергшимися физическому и психологическому насилию.

¹ Ениколопов С. Н. Современный терроризм и агрессивное поведение // Психология и психопатология терроризма. Гуманитарные стратегии : сб. ст. / под ред. М. М. Решетникова. СПб., 2004. С. 181–193 ; Психогении в экстремальных условиях / Ю. А. Александровский [и др.]. М., 1991. С. 5–6 ; Яковлев Б. П., Бабушкин Г. Д. Моббинг — психологический террор обучающихся // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2016. № 1(64). С. 86–88.

² Kashani J. H., Darby P. J. Allan WD et al. Intrafamilial homicide committed by juveniles : examination of a sample with recommendations for prevention // J. Forensic Sci. 1997. Vol. 42, No 5. P. 873–878.

³ Тарабрина Н. В. Психология посттравматического стресса: теория и практика. М., 2009. С. 39.

⁴ Гранкина И. В., Иванова Т. И. Направление психолого-педагогической коррекции детей с девиантными формами поведения с психическими расстройствами // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2016. № 1(64). С. 76–79.

⁵ Бейли С. Садистические и насильственные действия детей и подростков // Российский психиатрический журнал. 1999. №3. С. 24–27 ; Heide K. M. Juvenile homicide in America: how can we stop the killing? // Behav Sci Law. 1997. Vol. 15, No 2. P. 203–220 ; Dahlberg L. L. Youth violence in the United States. Major trends, risk factors, and prevention approaches // J Prev Med. 1998. Vol. 14, No 4. P. 259–272.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ НАПРЯЖЕННОСТЬ И КОНФЛИКТОЛОГИЯ

УДК 81.1

МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ КОНФЛИКТЫ В КУРСАНТСКОЙ СРЕДЕ И ИХ ПРЕОДОЛЕНИЕ

Н. Н. Canna

В статье рассматривается ряд внешних и внутренних факторов, влияющих на развитие межличностных конфликтов в курсантской среде. Для уменьшения их воздействия необходимо включение в программу подготовки командиров курсантских подразделений, прикладных курсов по педагогике, психологии, конфликтологии; по обучению методикам эффективного разрешения конфликтов и их педагогической профилактики. Выявлено, что при развитии коммуникативной компетентности курсантов происходит существенное снижение уровня межличностных конфликтов.

Ключевые слова: anomия, курсантская среда, межличностные конфликты, педагогическая профилактика, вербальная агрессия, коммуникативная компетентность.

В периоды промышленных, экономических и социально-политических кризисов в обществе возникают особые социально-психологические состояния, которые Э. Дюркгейм назвал аномическими (от франц. *anomie* — отсутствие закона, организации). Когда государство и общество ослабляют свой контроль за поведением индивидов, отсутствуют общепринятые нормы и ценности, наблюдаются дезинтеграция и распад системы норм, их недостаточность, присутствуют равнодушие, отчужденность, агрессия и недоверие людей друг к другу, теряется стабильность социальных институтов¹. В аномических состояниях общества на почве дистрессов возникает особый тип массового (и индивидуального) сознания (назовем его кризисным сознанием) с присущими кризису психологическими мотивациями и социальной активностью кризисного социума. Кризисное сознание как ощущение человеком общественного кризиса в ряде случаев ведет к изменению его психологических установок и, соответственно, к изменению поведения².

Практически непрерывно в последние 100 лет в Российской империи, в СССР и в постсоветских государствах происходят активные социальные изменения, сопровождающиеся экономическими и социально-политическими кризисами. В возникшем вследствие этого аномическом состоянии общества идет определенное ослабление правовых и социально-психологических механизмов его регуляции. Это наблюдается и в той соци-

альной группе, которая по поручению общества должна как поддерживать существующий правовой порядок, так и корректировать его в соответствии с социальными изменениями. Эта социальная группа состоит из людей, формирующих правила и законы общественной жизни, и тех, кто обязан поддерживать установленный в обществе правовой порядок. Указанные процессы неизбежно отражаются на профессиональных установках правоохранителей, в результате чего изменяется их система ценностей и мотиваций к выполнению служебных обязанностей, и в их среде распространяются указанные негативные социальные и психологические явления³.

Формированию профессионализма, психологической устойчивости правоохранителей — актуальной проблеме современного общества — посвящено много работ⁴, ряд из них касается воспитания профессиональных качеств еще на стадии обучения будущих офицеров. Специалисты-психологи и педагоги утверждают, что масштабные социально-экономические кризисы негативным образом влияют на уровень конфликтности и агрессии как в целом в обществе, так и в курсантской среде правоохранительных и военных вузов.

Нестабильность социально-экономической обстановки в обществе нередко вызывает у курсантов состояние тревожности, раздражительности и агрессивности, что приводит к различным по глубине и содержанию межличностным конфликтам⁵. Однако это не единственная причина конфликтогенности в курсантской среде. Важные факторы — сложившаяся система преподавания и отношений в вузах указанного направления. В связи с этим необходимо выяснить природу конфликтов в курсантской среде и пути их преодоления.

По нашему мнению, основные внешние факторы, влияющие на развитие конфликтов в курсантской среде (наряду с социально-экономическим состоянием общества), — специфические особенности обучения будущих офицеров:

— относительная пространственная ограниченность жизнедеятельности и ограниченность разнообразия социальных связей курсантов в вузах системы МВД и в военных вузах;

— высокая интенсивность и нередко формализованный характер социального взаимодействия в курсантском коллективе;

— преимущественно административно-командный стиль взаимоотношений офицеров — командиров курсантских подразделений и преподавателей с курсантами.

К основным внутренним факторам, приводящим к межличностным конфликтам, следует отнести:

- личные антипатии и психологическую несовместимость с отдельными членами замкнутого коллектива;
- психологическую усталость от взаимодействия с ограниченным кругом людей;
- низкую культуру общения и взаимоотношений;
- психологические особенности юношеского возраста — борьба за престиж и влияние в коллективе, маскулинность поведения.

Все перечисленные факторы способствуют повышению агрессии и низкому уровню толерантности большинства курсантов.

Разумеется, управленческая деятельность командиров курсантских подразделений и преподавателей вузов предусматривает в качестве одной из функций предупреждение возникновения межличностных конфликтов в курсантских подразделениях и устранение конфликтных ситуаций. Анализ практической деятельности показывает, что офицеры часто формально выполняют свои управленческие функции, действуя исключительно административно-командными методами. Нередко наблюдается их пассивность в изучении индивидуальных особенностей курсантов и характера отношений в коллективе, слабое знание положения дел в подчиненных им подразделениях.

Далеко не всегда командиры курсантских подразделений обладают достаточной педагогической и психологической подготовкой, необходимой для работы в молодежных коллективах. Этим объясняются и серьезные ошибки в деятельности многих командиров, связанные с организацией педагогической профилактики конфликтов, которая может содержать систему мероприятий, направленных на устранение причин, приводящих к возникновению межличностных конфликтов или конфликтных ситуаций. А также мероприятий, направленных на формирование мировоззренческих и целевых установок, на развитие (с помощью педагогических технологий) толерантности и конфликтологической компетенции курсантов, сплочение их в подразделениях, что должно способствовать конструктивному решению конфликтов в курсантской среде⁶.

Эффективная педагогическая профилактика конфликтов в курсантской среде возможна лишь при условии сформированной мотивационной готовности офицеров к педагогической профилактике межличностных конфликтов среди курсантов, при повышении профессионально-педагогического мастерства офицеров в разрешении и профилактике конфликтов в курсантских подразделениях. Это указывает на необходимость включения в программу командирской подготовки офицеров в вузах МВД и военных вузах специальных прикладных курсов по педагогике, психологии, конфликтологии; особо следует обратить внимание на формирование и внедрение в практическую деятельность офицеров-командиров курсантских подразделений про-

грамм и методик эффективного разрешения и педагогической профилактики конфликтов среди курсантов.

Анализ конфликтов в курсантской среде позволяет разделить их на две группы:

- связанные с нарушением дисциплины и правил распорядка курсантами;
- межличностные (между курсантами, их командирами и преподавателями).

Обычно дисциплинарные конфликты устраняются дисциплинарным наказанием, соответствующим тяжести нарушения, о чем известно нарушителю заранее. Профилактика конфликтов подобного рода — преподавание норм и требований, предъявляемых к курсантам.

Для профилактики межличностных конфликтов необходимо проведение различных организационных действий по ослаблению внешних и внутренних конфликтных факторов, перечисленных выше. Практически во всех ситуациях, когда обычное недоразумение в межличностном общении переводится в конфликтное поле, общей особенностью таких коммуникаций является склонность оппонентов к агрессии. В психологических словарях агрессия (от лат. *aggressio* — нападение) трактуется как мотивированное деструктивное поведение, противоречащее нормам (правилам) сосуществования людей в обществе, наносящее вред объектам нападения (одушевленному и неодушевленному), приносящее физический ущерб людям или вызывающее у них психологический дискомфорт (отрицательные переживания, состояние напряженности, страха, подавленности и т. п.)⁷. В качестве одного из распространенных видов агрессии выделяют вербальную: выражение негативных чувств как через форму (ссора, крик, визг), так и через содержание вербальных реакций (угроза, проклятья, ругань).

В условиях анонии агрессивность (как составляющая кризисного сознания) является распространенной формой реакции на неблагоприятную и враждебную окружающую социальную среду. В данном случае *агрессивность* — это устойчивая характеристика и качество личности, отражающие ее склонность к поведению, цель которого — причинение вреда объектам нападения (одушевленному и неодушевленному), что наносит им физический ущерб, оскорбление лиц, не желающих подобного обращения, что вызывает у них психологический дискомфорт (отрицательные переживания, состояние напряженности, страха, подавленности и т. д.). С этих позиций агрессивные действия рассматриваются как:

- средства достижения какой-либо значимой цели;
- способ психической разрядки в виде проявления негативного психоэмоционального состояния, замещения удовлетворения заблокированной потребности и прекращения деятельности;
- удовлетворение потребности в самореализации и самоутверждении.

Агрессивные действия можно описать, опираясь на некоторые шкалы: физическая — вербальная, активная — пассивная и прямая — непрямая, основной из которых является шкала «физическая агрессия — вербальная агрессия»⁸. В организованных коллективах, к которым относятся и курсантские подразделения, физиче-

скую агрессию обычно квалифицируют как дисциплинарное нарушение. Физической агрессии в межличностном конфликте среди курсантов нередко предшествует агрессия вербальная, в том или ином виде она является тем самым фактором, который переводит выяснение возникшего межличностного недоразумения в конфликтное взаимодействие.

Лингвист и педагог Ю. В. Щербинина отмечает сложность определения понятия *вербальная (языковая) агрессия*, полагая, что «данный феномен нельзя считать единственной формой поведения, отражающей какое-то одно побуждение. Этот термин употребляется применительно к разным речевым действиям, очень неоднородным по мотивации, ситуациям проявления, формам словесного воплощения»⁹. Другие определения языковой агрессии исходят из понимания ее как многоаспектного явления, включающего психологические, социальные и политические составляющие.

В психологии вербальная (или языковая) агрессия рассматривается как использование языковых средств для выражения негативных эмоций неприязни, враждебности по отношению к кому-либо или чему-либо, как определенная манера речи, оскорбляющая чье-то самолюбие или достоинство. Некоторые исследователи рассматривают вербальную агрессию в ракурсе коммуникативного поведения, связывая это явление с определенным психологическим состоянием адресанта. С этой точки зрения речевая агрессия — установка человека на антидиалог. Данный тип речевого поведения характеризуется двойной позицией. С одной стороны, это сознательная ориентация адресанта на субъектно-объектный тип отношений (прагматический вектор), который может быть выражен как через содержание высказывания, так и через деструктивные формы речевого поведения. С другой стороны, в агрессивном общении (вне зависимости от типа коммуникации) обязательно присутствует выражение негативного отношения к адресату либо к предмету речи (аффективный вектор)¹⁰.

В речевом поведении вербальная агрессия направлена на:

- явное и настойчивое навязывание собеседнику определенной точки зрения;
- неаргументированное или недостаточно аргументированное, открытое или латентное вербальное воздействие на адресата, в целях изменения его ценностных установок (ментальных, идеологических, оценочных и т. п.) или поражения в полемике;
- умышленную нацеленность на оскорбление или негативное влияние в целях причинения вреда собеседнику или другому лицу.

По своей интенциональной направленности акт вербальной агрессии является девиантным действием: он нарушает границы нормативной вербальной коммуникации, создает конфликтные отношения и провоцирует их дальнейшую эскалацию. Ситуация усугубляется тем, что акты вербальной агрессии происходят на психологическом фоне социальной аномии общества. Подобные девиации наблюдаются в коммуникативном поведении курсантов военных вузов и вузов системы МВД.

Так, в межличностном и групповом общении курсантов часто присутствуют языковая агрессия, жаргонные выражения, языковые штампы — все это на фоне несоблюдения этических и коммуникативных норм¹¹. В разных ситуациях межличностного взаимодействия встречается и агрессивное сквернословие — форма речевого поведения, направленная на оскорбление или причинение вреда другому человеку.

По нашему мнению, интеллектуальный потенциал высшего учебного заведения в процессе обучения курсантов в состоянии преодолеть указанное девиантное психоэмоциональное состояние и снизить уровень конфликтности в их среде. На одно из направлений этой деятельности мы указывали выше: необходимо повышение профессионально-педагогического мастерства командиров курсантских подразделений и преподавателей в военных вузах и вузах МВД по разрешению и профилактике конфликтов в курсантской среде.

Развитие коммуникативной компетентности будущих офицеров должно способствовать снижению уровня конфликтности среди курсантов. Одновременно с этим деятельность по развитию у курсантов навыков общения при решении коммуникативных задач различного характера и в различных ситуациях находится в русле трансформации стратегии деятельности правоохранителей в демократическом обществе с карательной на сервисную службу по предоставлению правозащитных услуг населению. Именно в рамках этого учебного направления на учебных занятиях и психологических тренингах с курсантами и офицерами-воспитателями полезно проводить работу по преодолению склонности к языковой агрессии.

Подготовить специалиста-полицейского, способного к эффективной коммуникации с населением, — одна из актуальных задач современного профессионального образования. Реализация данной задачи требует комплексных изменений в организации учебного процесса в высших учебных заведениях. Развитие коммуникативной компетентности будущих правоохранителей должно обеспечиваться учебными методиками и формами организации учебно-воспитательного процесса, проверенными временем, а также рядом инновационных учебных программ, внедряемых в последнее время. Укажем лишь немногие учебные программы и дисциплины, использование которых способствует формированию стойких навыков коммуникации с разными аудиториями, умений публичных выступлений, ведения беседы, способности слушать в ситуации диалога, что снизит конфликтность в курсантской среде. Это «Риторика», «Ораторское искусство» с включением тем «Искусство самопрезентации», «Взаимодействие оратора и аудитории», курс-тренинг «Основы толерантных отношений», психологический тренинг «Профессиональная коммуникация», видеотренинги, раскрывающие особенности поведения курсанта и его коммуникативные навыки.

Проведенный нами анализ возникновения конфликтов в курсантской среде и возможных путей их преодоления и предупреждения позволяет сделать следующие выводы:

1. В настоящее время ведущим внешним фактором, влияющим на развитие конфликтов в курсантских подразделениях и в обществе в целом, является его аномическое состояние, обусловленное длительными социально-экономическими кризисами. Повышению агрессивности и низкому уровню толерантности среди курсантов способствуют специфические особенности обучения в вузах МВД и военных вузах, приводящие к межличностным конфликтам.

2. Повышенным уровнем конфликтности в курсантской среде обусловлено и повышение требований, предъявляемых к качеству педагогической и психологической работы командиров курсантских подразделений. В программу их подготовки необходимо включение специальных прикладных курсов по педагогике, психологии, конфликтологии, по обучению методикам эффективного разрешения конфликтов и их педагогической профилактики.

3. В основе межличностных конфликтов среди курсантов лежит вербальная агрессия, которая по своей интенциональной направленности является девиантным действием: она нарушает границы нормативной вербальной коммуникации, создает конфликтные отношения и провоцирует дальнейшую эскалацию конфликта. Организационный и интеллектуальный потенциал высшего учебного заведения позволяет в процессе подготовки курсантов существенно снизить и преодолеть указанное девиантное психоэмоциональное состояние, снизить уровень конфликтности в их среде. Этому должно содействовать развитие коммуникативной компетентности курсантов, которое обеспечивается учебными методиками и формами организации учебно-воспитательного процесса, проверенными временем, а также инновационными учебными программами.

---

¹ Бачинин В. А. Социология. Три курса лекций студентам-юристам. Харьков, 2003. С. 223–225.

² Санна Н. Н. Социальная аномия и кризисное сознание: отражение в стихах о Гражданской войне в России // Трагиче-

ские контексты отечественной культуры XX века и современность (к 95-летию начала Гражданской войны) : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (26 ноября 2013 г.) Симферополь, 2014. С. 56–60.

³ Шеховцова Е. В. Формирование профессиональных установок будущих правоохранителей // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 2(57). С. 8–11.

⁴ Приходько И. И. Психологическая безопасность личности специалиста экстремального вида деятельности: концепция, трансформационная модель, психологические механизмы // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности и чрезвычайных ситуаций. СПб., 2013. № 4. С. 88–95; Ластовец И. В., Жданова И. В. Особенности личностного развития курсантов МВД и психологические условия его гармонизации // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. №3. С. 20–22.

⁵ Осипов С. А. Педагогическая профилактика межличностных конфликтов в курсантских подразделениях первого года обучения в вузах внутренних войск МВД России : автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2006. 20 с.; Исаева И. С. Индивидуально-типологические особенности общительности и агрессивности курсантов военного вуза : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2008. 20 с.

⁶ Синеок В. В. Межличностные конфликты у курсантов и пути их разрешения : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1997. 19 с.; Караваев А. Ф. Профилактика конфликтов и способы разрешения конфликтных ситуаций в служебном коллективе // Профессионал. 2015. № 6(128). С. 16–22; Мальцева Т. В. Подходы к преодолению внутрличностных конфликтов у сотрудников органов внутренних дел // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 72–76; 2014. № 2. С. 69–72.

⁷ Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. СПб., 2003. С. 19.

⁸ Бэрн Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб., 2001. С. 30.

⁹ Щербинина Ю. В. Вербальная агрессия. М., 2006. С. 14.

¹⁰ Глебов В. В., Родионова О. М. Особенности речевой агрессии. URL: <http://www.rost-prof.ru/union/partners/rud/articles/agr.html> (дата обращения: 20.10.2015).

¹¹ Изучение агрессивности и враждебности у курсантов военного вуза / В. С. Елагина [и др.]. // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=17902> (дата обращения: 20.10.2015).

ПСИХОКОРРЕКЦИЯ И РЕГУЛЯЦИЯ СОСТОЯНИЙ

УДК 159.922.8

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВНУТРЕННЕГО МИРА ДЕВУШЕК РАННЕГО ЮНОШЕСКОГО ВОЗРАСТА

Д. С. Малышева, Д. А. Медведев

Статья посвящена психолого-педагогической характеристике внутреннего мира несовершеннолетних девушек раннего юношеского возраста. Приводятся результаты эмпирического исследования внутреннего мира небеременных и беременных женщин данной возрастной категории, составляющие основу указанной характеристики, которая является необходимым элементом системы организации профилактики их девиантного поведения.

Ключевые слова: психолого-педагогическая характеристика, внутренний мир, ранний юношеский возраст, несовершеннолетние девушки, социально-возрастная группа.

Актуальное направление профилактики правонарушений и преступности в современной России — работа по предотвращению девиантного поведения несовершеннолетних девушек. Особое место в решении данной проблемы российское законодательство (Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации») отводит органам исполнительной власти и органам внутренних дел Российской Федерации, которые (в соответствии с возложенными на них задачами) призваны осуществлять широкий спектр необходимых профилактических мер¹. Главным условием эффективности соответствующих мероприятий является правильный выбор их направления. Первостепенное значение в данном контексте приобретает вопрос определения структурных и содержательных особенностей развития внутреннего мира девушек в раннем юношеском возрасте. Представленная психолого-педагогическая характеристика внутреннего мира несовершеннолетних девушек, с одной стороны, может рассматриваться в качестве своеобразного эталона их мировосприятия, с другой — содержит информацию о проблемных областях мировосприятия современных девушек раннего юношеского возраста. Нестабильность социально-экономических условий приводит к тому, что среднестатистический норматив развития внутреннего мира оказывается далек от идеала, достижение которого вполне реально при оптимальных условиях развития личности².

Основа профилактической работы с определенной социально-возрастной группой — знание ее психологических особенностей. Ключ к пониманию сущности психологии несовершеннолетних раннего юношеского возраста заключается в их общей био-психосоциальной незрелости. Ранняя юность признается И. С. Коном возрастом открытия «Я», характеризующимся повышенным вниманием человека к своим личностным особенностям³. Социальная ситуация развития в юношеском возрасте определяет особенности формирования системы ценностей личности: с одной стороны, в данном возрасте существуют главные условия ее формирования — высокий уровень рефлексии, осознание жизненного опыта и произвольное поведение; с другой — именно в этот период к личности предъявляются повышенные требования со стороны общества. Отличительной чертой девушек раннего юношеского возраста является ожидание достижений во всех сферах жизни в более раннем возрасте, чем у юношей, что может быть показателем их недостаточной готовности к реальным трудностям и проблемам будущей самостоятельной жизни⁴.

Период ранней юности является одним из основных этапов социализации человека. В современных исследованиях социализация рассматривается как процесс взаимодействия человека и общества, а не как приспособление к социуму, основанное на пассивном подчинении его требованиям. Последние транслируются социальными институтами (семья, школа и группа сверстников)⁵. Кризисный характер мировой политической и экономической ситуации определяет нестабильность социально-экономических условий современной России. Негативные тенденции экономического развития (рост инфляции и безработицы, низкие цены на нефть, снижение покупательной способности населения) выступают объективным препятствием адекватной социализации несовершеннолетних граждан (сложности с устройством на работу и с организацией семьи, проблемы с получением образования), что может повлечь формирование у них неспособности или нежелания адаптироваться к принятым в обществе нормам, стать возможной причиной появления различных форм девиантного поведения.

В современной психологии девиантность рассматривается в качестве поступков или действий человека, не соответствующих официально установленным или фактически сложившимся в данном обществе нормам. Выде-

ляют следующие формы девиантного поведения: агрессия и аутоагрессия, злоупотребление веществами, вызывающими измененное состояние сознания, нарушения пищевого поведения, аномалии сексуального поведения, сверхценные психологические и психопатологические увлечения, патохарактерологические реакции, безнравственное и аморальное поведение⁶. Специфическим видом девиантного (противоправного) поведения несовершеннолетних девушек является проституция, которая может повлечь нежелательную беременность. Данные официальной статистики свидетельствуют: в России 57% всех беременностей заканчивается абортom, каждый пятый из которых — у несовершеннолетних женщин (часть из них успевает сделать несколько абортom)⁷.

Несмотря на попытки различных государственных структур противодействовать проявлениям социальной девиации, эффективных результатов в данной области достичь пока не удалось. Основное внимание психологической науки традиционно сосредоточено на исследовании операциональной стороны психики (психических процессов, состояний и свойств, «работающих» на создание интегрального психического образа реальности, составляющего содержательную сторону психики). В практическом отношении более важной является информация о специфике содержания интегрального образа реальности представителей различных социально-возрастных групп⁸. Исследование содержательной стороны психики становится возможным благодаря изучению интегрального психического образования — внутреннего мира⁹. В современной психологии отсутствует целостная психолого-педагогическая характеристика содержательной стороны психики несовершеннолетних девушек раннего юношеского возраста, что объективно снижает возможности практической психологии и педагогики по организации их адекватного воспитания и социализации. Важная часть указанной характеристики — информация о специфике связи различных параметров внутреннего мира с личностными особенностями и спецификой общения несовершеннолетних девушек.

Внутренний мир девушек раннего юношеского возраста рассматривается нами в качестве содержательного образования психики, фиксирующего особенности восприятия ими себя («образ Я»), других людей («образ Другого») и предметного мира («обобщенный образ предметного мира»), которое определяет особенности регуляции ими поведения и деятельности.

Исследование особенностей внутреннего мира несовершеннолетних беременных и небеременных женщин (15–17 лет воспринимается как ранний юношеский возраст) проводилось в 2013–2014 гг. на базе Санкт-Петербургской общеобразовательной школы № 232, клинической больницы им. Н. Ф. Филатова, Центра социальной помощи семье и детям Калининского района, женской консультации № 16 и Колледжа коммерции и управления г. Санкт-Петербурга. Общий объем выборки составил 120 человек (60 беременных и 60 небеременных женщин раннего юношеского возраста). В исследовании использовались следующие методики:

— метод экспериментальной психосемантики (семантический дифференциал Ч. Осгуда — СД);

— морфологический тест жизненных ценностей (В. Ф. Сопов, Л. В. Карпушина);

— шкала оценки уровня реактивной и личностной тревожности (Ч. Д. Спилберг, Ю. Л. Ханин);

— тест-опросник субъективного контроля (Дж. Роттер);

— самоактуализационный тест (Ю. Е. Алешина, Л. Я. Гозман, М. В. Загик и М. В. Кроз);

— методика изучения потребности в общении (Ю. М. Орлов);

— методика мотивации аффилиации (А. Мехрабиан).

В исследовании применялись такие статистические методы анализа данных, как процедура корреляционного и факторного анализа, непараметрический критерий U Манна-Уитни. Математическая обработка данных проводилась на основе современного пакета статистического анализа Statistica 6.0., Excel 7.0.

Рассмотрим факторную структуру внутреннего мира *небеременных* девушек раннего юношеского возраста, состоящую из трех факторов, доля дисперсии которых составляет 56%, что можно считать хорошим результатом.

Первый фактор (информативность 20%) образован переменными «семья» («оценка» СД, –0,714), «окружающий мир» («оценка» СД, 0,654), «Я» («активность» СД, –0,709), «мое образование» («оценка» СД, 0,746), «другой человек» («активность» СД, –0,626), «друзья» («сила» СД, –0,655). Указанную категорию можно обозначить как фактор «*негативной оценки семейно-дружеских отношений*». Ранний юношеский возраст характеризуется изменчивостью социальной ситуации развития. Девушкам предстоит выбор будущей профессии или трудовой деятельности, в связи с чем в центр их самосознания становится профессиональное самоопределение и обращенность в будущее, а психологическое настоящее отходит на второй план. У них происходит смена приоритетов, появляется критичность к окружению, постановка своих интересов и желаний на первое место. Могут возникать конфликты с друзьями и снижение семейных ценностей.

Второй фактор (информативность 20%) образован переменными «мое здоровье» («сила» СД, –0,898), «профессия» («сила» СД, –0,727), «мужчина» («активность» СД, –0,727), «беременность» («сила» СД, 0,685), «друзья» («активность» СД, 0,665). Данный фактор может быть интерпретирован как «*значимость репродуктивной функции*», служит показателем появления у девушек интереса к половой жизни, при этом образ мужчины у них не сформирован. Данный факт может выступать внутренней причиной такой особенности раннего юношеского возраста, как несовпадение объектов удовлетворения сексуального желания и потребности в душевном понимании.

Третий фактор (информативность 16%) образован переменными «мое здоровье» («активность» СД, 0,671), «мой характер» («оценка» СД, 0,669), «женщина» («сила» СД, –0,661), «ребенок» («сила», СД, 0,733, «активность» СД, 0,720), «друзья» («оценка», СД, 0,836), рассматривается как фактор «*инфантильности, сопряженной с недооценкой значимости женской роли*», что отражает отсут-

ствие у девушки целостного представления о себе как о женщине. В данном возрасте у девушек происходят физиологические изменения, их тело приобретает женственные очертания, вследствие чего появляется психологическая инфантильность, обусловленная несоответствием внешнего вида и устаревшей (подростковой) модели поведения.

Корреляционный анализ показывает, что в структуре связей выборки небеременных раннего юношеского возраста существует группировка элементов вокруг взаимосвязанных центров, важнейшими из которых выступают конструкторы «субъективная значимость образа женщины» и «стабильность образа друзей». «Субъективная значимость образа женщины» имеет положительные связи со стабильностью восприятия небеременными своего «Я» ($r=0,36$; $p<0,05$), тревожностью ($r=0,35$; $p<0,001$) и шкалой креативности ($r=0,52$; $p<0,001$); отрицательные — с гибкостью поведения ($r=-0,38$; $p<0,05$), шкалой самоуважения ($r=-0,39$; $p<0,001$) и со шкалой поддержки ($r=-0,44$; $p<0,001$). Конструкт «стабильность образа друзей» положительно связан с эмоциональной оценкой девушками своего «Я» ($r=0,46$; $p<0,001$), со шкалой принятия агрессии ($r=0,39$; $p<0,001$), реактивной тревожностью ($r=0,37$; $p<0,001$) и со шкалой общей интернальности ($r=0,41$; $p<0,001$). Эмоциональная оценка беременности отрицательно связана со шкалой потребности в общении ($r=-0,48$; $p<0,001$).

Иерархия элементов внутреннего мира небеременных девушек раннего юношеского возраста следующая: первым идет интегральный «обобщенный образ предметного мира»; «образ Я» находится на второй позиции; третье место занимает «образ Другого». В содержательном отношении наблюдается повышение позитивности всех компонентов структуры внутреннего мира, снижается стабильность представлений о другом человеке.

Результаты факторного анализа позволили выделить структуру внутреннего мира **беременных** раннего юношеского возраста. В нее вошли пять факторов, доля дисперсии которых составляет 58%, что можно считать хорошим результатом.

Первый фактор (информативность 18%) образован переменными «Я» («сила» СД, 0,809, «активность» СД, -0,746), «окружающий мир» («сила» СД, -0,807), «другой человек» («сила» СД, 0,782), «друзья» («сила» СД, -0,742), «мой социальный статус» («оценка» СД, 0,696), «женщина» («оценка» СД, 0,691), «мое образование» («оценка» СД, 0,658). Указанный фактор можно обозначить как «эгоцентризм беременных». В данном случае эгоцентризм служит механизмом защиты беременной женщины себя и своего ребенка от опасного воздействия внешнего мира, что характерно для раннего юношеского возраста.

Второй фактор (информативность 14%) образован переменными «мой характер» («активность» СД, 0,825, «оценка» СД, -0,887), «друзья» («активность» СД, 0,785, «оценка» СД, -0,793), «беременность» («сила» СД, 0,662) и может быть интерпретирован в качестве «*негативной оценки беременными своих личностных особенностей и друзей*». Переживание женщиной состояния беременности отмечено эмоциональной противоречивостью:

с одной стороны, она может испытывать удивление, радость, эйфорию от такой новости; с другой — страх и печаль по поводу вынашивания, перестройки ее организма, изменения внешнего вида. Большинству беременных женщин хочется, чтобы процесс вынашивания и родов прошел идеально, вследствие чего у них появляется завышенный уровень притязаний, недоверие к отцу ребенка, друзьям и социальному окружению, возникают сомнения: справятся ли они сами со своей ролью и можно ли отцу доверить часть ответственности за ребенка?

Третий фактор (информативность 10%) образован переменными «мужчина» («активность» СД, 0,877) и «другой человек» («оценка» СД, 0,887). Фактор можно интерпретировать как «*позитивную оценку представителей мужского пола*» беременными женщинами раннего юношеского возраста. Беременность влияет на отношение будущей матери к мужчине, находящемуся рядом.

Четвертый фактор (информативность 9%) образован переменными «мое здоровье» («активность» СД, 0,724, «сила» СД, -0,750), «окружающий мир» («активность» СД, 0,688), «мое образование» («сила» СД, 0,657). Фактор отражает «*социальную незрелость*» беременной женщины в раннем юношеском возрасте. Погружение в свои переживания может отражаться на поведении женщины в виде различных проявлений инфантильности, не соответствующих новому социально-биологическому статусу, что выступает препятствием для формирования будущей социальной роли матери.

Пятый фактор (информативность 7%) образован переменными «семья» («активность» СД, 0,822), «материнство» («оценка» СД, 0,752), «любовь» («оценка» СД, 0,684), свидетельствует о «*зарождении материнской любви*». Появление данного фактора в структуре внутреннего мира женщины может быть связано с проявлением материнского инстинкта в виде заботы о своем ребенке.

В целях определения связи конструкторов внутреннего мира с особенностями личности и общения беременных нами был проведен корреляционный анализ. Элементы внутреннего мира беременных в ранней юности связаны с их личностными особенностями: эмоциональная оценка собственного характера связана со шкалой самопринятия ($r=0,46$; $p<0,01$); эмоциональная значимость «образа Я» связана отрицательно со шкалой общей интернальности в отношении здоровья и болезни ($r=-0,48$; $p<0,01$), а положительно — со шкалой гибкости во времени ($r=0,61$; $p<0,001$); жизненная ценность высокого материального положения отрицательно связана с реактивной тревожностью ($r=-0,39$; $p<0,001$); жизненная ценность установления благоприятных отношений в различных сферах социального взаимодействия и межличностных связей положительно связана со шкалой представлений о природе человека ($r=0,65$; $p<0,01$) и отрицательно — со шкалой компетентности во времени ($r=-0,47$; $p<0,001$); эмоциональная оценка социального статуса отрицательно связана со шкалой контактности ($r=-0,48$; $p<0,001$).

В структурном отношении иерархия элементов внутреннего мира беременных женщин раннего юношеского возраста следующая: первое место — интеграль-

ный «образ Я»; «обобщенный образ предметного мира» находится на втором месте; третью позицию занимает «образ Другого». В содержательном отношении для беременных женщин раннего юношеского возраста характерно повышение степени эмоциональной значимости всех компонентов внутреннего мира, стабильности образа беременности и социального статуса.

Сравнение выборок несовершеннолетних небеременных и беременных женщин раннего юношеского возраста по непараметрическому критерию U Манна-Уитни выявило существование достоверных различий между ними по всем важнейшим показателям внутреннего мира ($p < 0,05$), что доказывает существование специфики в развитии содержательной стороны психики у беременных женщин раннего юношеского возраста.

Целостная психолого-педагогическая характеристика особенностей внутреннего мира несовершеннолетних небеременных и беременных женщин раннего юношеского возраста должна включать информацию о структурных и содержательных особенностях указанного психического образования, а также раскрывать совокупность связей его компонентов с особенностями их личности и общения.

В структурном отношении внутренний мир несовершеннолетних небеременных девушек раннего юношеского возраста характеризуется следующей градацией компонентов: доминирующее положение — «обобщенный образ предметного мира» (представленный переменными «семья» и «окружающий мир»); на втором месте находится «образ Другого» (состоит из переменных «мужчина» и «друзья»); на третьем — «образ Я» (включающий переменные «мое здоровье» и «мой характер»). В содержательном отношении внутренний мир девушек раннего юношеского возраста (по сравнению с представительницами собственно юношеского возраста ($p < 0,05$)) характеризуется более высокими показателями эмоциональной значимости всех компонентов внутреннего мира, а также более высокой стабильностью «образа мужчины».

Можно выделить особенности развития внутреннего мира несовершеннолетних беременных раннего юношеского возраста:

а) у них возникает специфическая иерархическая структура внутреннего мира — «образ Я» (ведущее значение в котором занимают конструкты «Я» и «мой социальный статус»), «образ Другого» (включает конструкты «мужчина» и «другой человек») и «обобщенный образ предметного мира» (включает конструкты «материнство» и «любовь»);

б) в содержательном отношении для них характерно повышение степени эмоциональной значимости всех компонентов внутреннего мира, а также стабильности образа беременности и социального статуса.

Результаты корреляционного анализа показывают, что определенные конструкты внутреннего мира небеременных обусловлены с особенностями их личности и общения: «образ Я» связан с тревожностью через конструкты «женщина» и «Я»; «образ Другого» — со шкалой принятия агрессии (через конструкт «друзья») и «обобщен-

ный образ предметного мира» связан с потребностью в общении (через конструкт «беременность»).

У беременных женщин раннего юношеского возраста «образ Я» и «образ Другого» соотносятся с самопринятием и общей интернальностью через конструкты «мой характер» и «мужчина», а «обобщенный образ предметного мира» связан с реактивной тревожностью и со шкалой компетентности во времени через ценности «жизненная ценность высокого материального положения» и «жизненная ценность установления благоприятных отношений в различных сферах социального взаимодействия и межличностных связей».

Психолого-педагогическая характеристика внутреннего мира небеременных и беременных женщин раннего юношеского возраста имеет большое теоретическое и практическое значение для психологии развития, педагогической, юридической психологии, педагогики, а также для совершенствования профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов. Данная характеристика способна выступать основой для разработки программ профилактики и коррекции отклоняющегося поведения несовершеннолетних девушек, для обеспечения их адекватной социально-психологической адаптации к современным общественным реалиям.

¹ Новый сборник законов Российской Федерации. М., 2005. 647 с.

² Микляева А. В. Психология межвозрастных отношений. М., 2014. 159 с.

³ Кон И. С. Психология ранней юности. М., 1989. С. 84.

⁴ Русанова О. А. Психологические особенности развития структурно-содержательных характеристик смысла жизни юношей и девушек: дис. ... канд. психол. наук. Астрахань, 2006. 144 с.

⁵ Мудрик А. В. Социализация человека. М., 2006. 304 с.

⁶ Психология : словарь / под ред. А. В. Петровского. М., 1990. С. 81.

⁷ Куценко О. С. Аборт или Рождение? Две чаши весов : пособие для психологов и других специалистов, работающих с женщиной и ее семьей в ситуации репродуктивного выбора. СПб., 2011. С. 8.

⁸ Медведев Д. А., Гребенникова Е. А. Характеристика внутреннего мира подростков, воспитывающихся в учреждениях интернатного типа // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2012. № 3(50). С. 64–68 ; Медведев Д. А. Дифференциальная психология внутреннего мира человека: гендерный аспект // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. СПб., 2013. № 158. С. 5–14 ; Его же. Онтогенез внутреннего мира человека: этап субъективного мироздания // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. СПб., 2014. № 167. С. 25–35; Его же. Онтогенез вербального отражения действительности : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 2006. 50 с.; Его же. Психологическая концепция вербального отражения действительности // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2006. № 7(15). С. 102–113 ; Его же. Онтогенез вербального отражения действительности на этапе картины мира // Экология человека. 2007. № 6. С. 53–57.

⁹ Александрова Л. А., Медведев Д. А. Онтогенез внутреннего мира в младшем школьном возрасте // Письма в Эмиссия. Оффлайн (The Emissia. Offline Letters): электронный научный журнал. Июнь, 2011. ART 1603. СПб., 2011. URL: <http://www.emissia.org/offline/2011/1603.htm> (дата обращения: 21.09.2015);

Биосоциальные детерминанты смысловой организации образа мира у подростков / А. Н. Алехин [и др.] // Психология, социология и педагогика. 2014. № 11. URL: <http://psychology.snauka.ru/2014/11/3922> (дата обращения: 14.11.2015); Березина Т. Н. Внутреннее пространство сновидения // Психология и психотехника. 2015. № 2. С. 141–149; Глушкова О. В., Медведев Д. А. Субъективный фактор в профессиональной подготовке юристов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. №4. С. 332–335; Гребенникова Е. А., Медведев Д. А.

Онтогенез внутреннего мира подростков-сирот, воспитывающихся в учреждениях интернатного типа // Письма в Эмиссия. Оффлайн (The Emissia. Offline Letters): электронный научный журнал. Октябрь, 2011. ART 1663. СПб., 2011. URL: <http://www.emissia.org/offline/2011/1663.htm> (дата обращения: 16.11.2015); Губин В. А., Медведев Д. А. Современная психопедагогика: взгляд на проблему личностно-ориентированного обучения через призму человеческой субъективности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2006. № 1(25). С. 52–60.

УДК 159.98

КОРРЕКЦИЯ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ ЧЕЛОВЕКА, ПРЕСТУПИВШЕГО ЗАКОН, МЕТОДАМИ АРТ-ТЕРАПИИ

О. Г. Годованец, Н. А. Цветкова

В статье поднимается проблема гуманизации исправительного процесса в уголовно-исполнительной системе России; отмечаются позитивные тенденции в ее решении: внедрение специализированных технологий индивидуально-групповой работы с подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными (спецконтингентом); показаны возможности применения методов арт-терапии в целях коррекции жизненного пути человека, преступившего закон; обоснован метод арт-автобиографии, предложена программа работы над автобиографией с использованием методов арт-терапии.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, осужденные, жизненный путь, психологическая коррекция жизненного пути, арт-терапия, биографический подход, арт-автобиография.

Актуальность поднимаемого вопроса аргументируется необходимостью гуманизации исправительного процесса в отечественной уголовно-исполнительной системе и приведения его в соответствие с международными стандартами. Необходимы дальнейшая разработка и внедрение инновационных технологий в социально-психологическую работу с осужденными, отбывающими наказание в исправительных учреждениях. Концепция развития уголовно-исполнительной системы (далее — УИС) до 2020 г. предусматривает совершенствование и развитие основных направлений, форм и методов деятельности, укрепление взаимосвязей УИС с государственными органами и институтами гражданского общества¹.

Заметной тенденцией в гуманизации деятельности сотрудников УИС с осужденными является разработка и внедрение специализированных технологий, учитывающих половую принадлежность осужденных, тип совершенных преступлений, индивидуально-психологические и социальные ресурсы личности, а также использование группы в целях пересоциализации человека, преступившего закон, методами активного социально-психологического обучения (в процессе дискуссий, ролевых игр, тренинга)².

В Уголовно-исполнительном кодексе РФ (далее — УИК РФ) п. 6¹ ст. 12 гласит: «Осужденные имеют право на психологическую помощь, оказываемую сотрудниками психологической службы исправительного учрежде-

ния и иными лицами, имеющими право на оказание такой помощи. Участие осужденных в мероприятиях, связанных с оказанием психологической помощи, осуществляется только с их согласия». Из этого следует, что УИС предоставляет им возможность психологического сопровождения, но не навязывает такую помощь.

В последнее время в работе с осужденными пенитенциарные психологи все чаще используют технологии и методы арт-терапии — невербальной формы искусства, ранее применяемой в индивидуальной и групповой психотерапии тяжелобольных людей, для которых вербальное выражение мыслей и чувств было затруднено³. Объясняется это тем, что арт-терапия зарекомендовала себя в УИС как перспективное направление психокоррекционной деятельности. Она оказалась эффективной при адаптации подозреваемых, обвиняемых и осужденных (далее — спецконтингент, если не указано специально) к условиям изоляции; в психокоррекционной работе с осужденными, состоящими на профилактическом учете исправительного учреждения; в решении различных личностных проблем отбывающих наказание в местах лишения свободы; при подготовке осужденных к освобождению; в целях коррекции эмоциональных состояний осужденных, раскаивающихся в совершенных преступлениях.

Анализ социально-психологических технологий работы с осужденными показывает, что методы арт-терапии присутствуют в большинстве программ психокоррекции: на ее основе решается проблема интеграции индивидуального подхода и групповых форм работы⁴.

В дословном переводе с английского языка арт-терапия (art-therapy) означает «лечение, основанное на занятиях художественным творчеством». Изначально арт-терапия базировалась на идее З. Фрейда о том, что внутреннее «Я» может быть выражено в визуальной форме при помощи рисования, лепки и живописи. Для ее развития существенную роль сыграли две теории: теория бессознательного З. Фрейда и учение К. Г. Юнга о персональных и универсальных символах. Из них следует, что арт-терапия может служить:

- а) способом освобождения от конфликтов и сильных переживаний;
- б) драйвером терапевтического процесса;
- в) вспомогательным средством для интерпретаций и диагностической работы⁵;

г) дисциплинирующей и контролирующей «силой»;
д) способом развития внимания к чувствам, усилению ощущения собственной ценности.

По мере развития идея З. Фрейда стала приобретать более широкую концептуальную базу, включая гуманистические модели формирования и развития личности К. Роджерса и А. Маслоу⁶.

В настоящее время в арт-терапии различают несколько подходов:

а) интегративный творческий (например, в рамках креативной терапии) — основное значение придается самостоятельной творческой активности человека; выразительные средства искусства служат для обнаружения скрытого потенциала личности;

б) проективная арт-терапия, позволяющая выразить чувства, отношения, состояния и причины их возникновения, чтобы человек лучше себя узнал, понял свои чувства и мог справиться с ними;

в) деятельная арт-терапия, рассматривающая занятие искусством как возможность отвлечься от патологических мыслей и состояний, поддерживает здоровые силы личности, способствует развитию новых интроскопов, стимулирует их и укрепляет;

г) сублимационный подход, нацеленный на проявление и реагирование различных инстинктивных асоциальных импульсов (например, сексуальных, агрессивных) и различных эмоциональных состояний (депрессия, тоска, страх, тревога), что снижает риск активизации этих состояний в форме враждебности, сексуальных извращений, самоубийств и др.

В арт-терапевтическом процессе используют природные материалы (мел, песок, глину, камни, листья, овощи, фрукты и т. п.) и искусственные (картон, гуашь, краска, бумага, пластилин, веревка, пластик, целлофан и т. п.). Применяют новые формы творческой деятельности: инсталляцию, перформанс, видеоарт, компьютерное творчество, т. е. те виды деятельности, где главную роль играет визуальный канал восприятия информации.

Центральное понятие для арт-терапевтов — сублимация, поскольку искусство способно одновременно «направить в другое русло» и выразить чувства ненависти, боли, тревоги, страха, обиды и т. п.

Механизм психокоррекционного воздействия арт-терапии состоит в том, что искусство позволяет человеку в особой символической форме реконструировать конфликтную травмирующую ситуацию и найти ее разрешение через переструктурирование этой ситуации с помощью своих творческих способностей. Приемы арт-терапии связаны с представлением о том, что любой человек (как подготовленный, так и неподготовленный) способен преобразовывать свои внутренние конфликты в визуальные формы.

Вызывая определенные образы с помощью свободных ассоциаций, закрепляя их в символической форме, человек имеет возможность успешно решать свои проблемы. С помощью символа можно найти путь к проблеме, вызывая движение энергии, сопряженной с проблемой. Поскольку эта энергия уже не может находиться в состоянии покоя, то ее обнаружение рождает движе-

ние, способное вывести энергию на уровень сознания. Задача арт-терапевта — не интерпретировать образ, а помочь человеку раскрыть глубинное содержание образа, высвободить энергетическую составляющую посредством конструктивного диалога.

Методы арт-терапии используют в трех основных формах:

1) индивидуальная работа с человеком (в процессе психологического консультирования или психотерапии);

2) работа с диадами (в целях коррекции межличностных отношений);

3) работа с группами (в том числе с семьями).

Если в процессе индивидуальной работы для достижения психокоррекционной цели важны взаимоотношения арт-терапевта и человека⁷, то для работы с группой более значимы определенные нормы:

1) принцип открытости и искренности;

2) отказ от использования «ярлыков»;

3) контроль поведения: «обо всем можно говорить, но не все можно делать»;

4) принцип ответственности;

5) правило «стоп»;

6) соблюдение конфиденциальности;

7) правило «толерантность».

Реализация этих принципов-норм необходима для защиты участников от негативного опыта межличностного общения в группе, возможных травматических переживаний. Арт-терапевт стремится, чтобы эти принципы последовательно осуществлялись в группе, превращаясь в нормы поведения⁸.

В качестве объектов коррекционного воздействия методов арт-терапии могут выступать личность, семья или группа. В нашем случае — жизненный путь человека, преступившего закон.

Анализируя опыт применения методов арт-терапии в рамках собственной проектной деятельности, нацеленной на коррекцию девиантного поведения подростков, профилактику правонарушений несовершеннолетних и социального сиротства⁹, а также идеи в трудах Н. Е. Колесниковой¹⁰ и направления в работе с осужденными к наказаниям без изоляции от общества¹¹, мы пришли к выводу о возможном использовании методов терапии через искусство в целях коррекции жизненного пути человека, преступившего закон.

Жизненный путь — история индивидуального развития личности, состоящая из событий, последовательно сменяющих друг друга фаз: рождение, детство, юность, зрелость, старость и смерть. Способность субъективной регуляции этого процесса формируется постепенно, по мере созревания мозга и его функций, становления в процессе социализации интеллекта, самосознания, характера индивида. В той степени, в какой человек сам организует и направляет события своего жизненного пути, обустроивает собственную среду развития, относится к событиям, не зависящим от его воли (например, общественные процессы современности), он является субъектом жизнедеятельности. Исследуя и понимая закономерности своей жизнедеятельности и своего жизненного пути, человек может яснее представить оптимальный ва-

риант собственного развития, четче определить жизненный путь. Понимание роли личности в планировании и осуществлении жизненного плана способствует более ответственному отношению к нему, стремлению ставить серьезные жизненные цели и достигать их.

Задача пенитенциарного психолога сводится к тому, чтобы помочь отбывающему наказание придать целостность процессу своей жизни в прошлом и помочь выстроить образ будущего — как продолжение жизненного пути человека с погашенной судимостью. В основу процесса выстраивания этой целостности можно положить биографический подход.

Такой подход опирается на два основных метода: написание личной биографии и рассказ историй. Первый позволяет осужденному адекватно оценить свое положение в данной ситуации, увидеть альтернативы изменения и разрешить текущие проблемы. Восстановление хронологической последовательности жизненных событий дает человеку возможность осознать, как его прошлое определяет его настоящее и обуславливает будущее, признать ценность прошлого, научиться использовать полученный опыт и стратегии, которые ранее помогали справляться с трудностями законопослушным образом, изменить стиль жизни. Факты биографии дают психологу основания для планирования психокоррекционного вмешательства (если осужденный изъявит желание получить психотерапевтическую помощь).

Метод рассказа историй служит средством «наведения мостов» между психологом и осужденным, помогает создать атмосферу доверия во взаимоотношениях между осужденными — членами психокоррекционной группы. Рассказываемые истории из собственной жизни подтверждают личностную и социальную идентичность осужденного, корректируют его самооценку, помогают ему научиться управлять текущей ситуацией.

Проблема заключается в том, что многим осужденным сложно написать автобиографию (плохо выражают свои мысли в письменной форме, имеют низкий уровень грамотности и т. п.). В таких случаях психологу ничего другого не остается, как предложить им работу над арт-автобиографией. Это описание жизненного пути человека (в данном случае осужденного и отбывающего наказание), основанное на фактических событиях, которые проанализированы и представлены в хронологической последовательности с помощью методов и средств арт-терапии, т. е. в символической форме.

Работа над арт-автобиографией — процесс длительный, предполагающий сочетание индивидуального подхода с групповым. В наличии и в распоряжении психолога и осужденных должен быть набор различных материалов для творческого процесса: художественные (краски, карандаши, восковые мелки, пастельные мелки); природные (кора, листья и семена растений, цветы, перышки, ветки, мох, камешки и т. п.); пластичные (глина, пластилин, специальное тесто и т. п.); бумага для рисования разных форматов и оттенков, картон; журналы, газеты, обои, бумажные салфетки, цветная бумага, фольга, пленка, коробки от конфет, пластиковые бутыл-

ки, открытки, тесьма, веревочки, текстиль; кисти разных размеров, губки для закрашивания больших пространств, ножницы, нитки, кусочки шерсти, пуговицы, разные типы клеев, скотч и др.

Программа работы над автобиографией с использованием методов арт-терапии включает несколько этапов:

1. Подготовительный (от 1 до 12 консультаций). Индивидуальная работа с осужденными (знакомство, оценка индивидуальных особенностей и диагностика социально-психологических свойств личности, беседы о жизненных событиях и др.; предложение заняться в период отбывания наказания составлением автобиографии средствами и методами арт-терапии; помощь в восстановлении жизненного пути осужденного на основе тех событий, которые для него значимы и находят документальное подтверждение).

2. Организационный. На этом этапе необходимо осуществить набор в группу из числа осужденных, прошедших первый этап. Группа не должна быть многочисленной, оптимальное количество участников от 7 до 12 человек. Проводится первая групповая встреча, на которой участники начинают целенаправленное взаимодействие друг с другом, формируют правила работы группы, чтобы оно было плодотворным и гуманным.

3. Цикл встреч. Структура групповой встречи:

а) «разогрев» — 10% общего времени. Стадия включения в работу; выбор общего жизненного этапа (начиная с детства) для проработки в группе и каждым участником отдельно: событие из биографии, которое произошло на данном этапе жизненного пути;

б) творческая деятельность:

— индивидуальная творческая деятельность в группе (представление жизненного события методами арт-терапии) — 30% общего времени;

— общегрупповая работа — рассказы осужденных о своих событиях и продуктах деятельности, обсуждение или дискуссия — 50% общего времени;

в) завершающий этап — 10% общего времени: уборка помещения, завершающие упражнения, ритуал прощания.

4. Завершающий этап: обсуждение полученных результатов и перспективы их применения. Закрытие группы.

Изменения, происходящие на разных этапах индивидуально-групповой работы осужденных над своими арт-автобиографиями, психолог может анализировать на трех основных уровнях их проявления:

1) внутриличностный (изменения в эмоционально-психологическом состоянии, самооценке, стиле саморегуляции поведения и деятельности осужденных, и др.);

2) межличностный (изменения в общении и взаимодействии осужденного с членами группы и самим арт-терапевтом);

3) социальный (изменения в отношениях к собственной жизни среди людей, нравственным ценностям, семье, закону, труду и др.).

Представленная здесь технология более уместна в рамках реализации программы общей психологической

подготовки осужденных к жизни на свободе, имеющей длительный срок реализации. Однако арт-автобиография послужит опорой и при реализации программы специальной подготовки, которую осужденные проходят в последние шесть месяцев перед выходом на свободу (в качестве основы построения жизненного плана). Применение данного варианта работы с осужденными в УИС будет способствовать не только гуманной психологической коррекции жизненного пути человека, преступившего закон, но и обеспечению целостности технологии социально-психологического сопровождения процесса исправления преступников в пенитенциарных учреждениях.

Арт-терапия в исправительном учреждении — это:

- а) один из методов психологической работы;
- б) рассказ человека, изолированного от общества, о себе;
- в) путь к установлению отношений с собой, другими, миром и законом;
- г) процесс осознания себя-в-мире;
- д) способ социальной адаптации в местах лишения свободы;
- е) творческий поиск новых (социально приемлемых) способов самоутверждения (переживание момента творения дает силы для преодоления препятствий, решения внутренних и внешних конфликтов);
- ж) технология подготовки освобождающихся из исправительных учреждений к жизни в условиях свободы.

Работа над автобиографией средствами арт-терапии имеет ряд очевидных преимуществ перед другими формами психологической работы с осужденными, содержащимися в местах лишения свободы:

- а) она подходит для 40% осужденных, отличающихся недостаточно развитой речью и отставанием в интеллектуальном развитии. Средства арт-терапии помогут им проявить чувства и отношения, которые удалось испытать на жизненном пути, но не получалось их выразить;
- б) составление автобиографии средствами арт-терапии в большинстве случаев вызывает позитивные эмоции, способствует преодолению агрессивности, апатии, фрустрации, последствий психологической травмы, формируют позитивный настрой;
- в) создаваемые спецконтингентом художественные образы могут быть предметом коррекции, разрушаться или сохраняться без причинения ущерба самим авторам и другим людям;
- г) в процессе арт-терапии у осужденного появляется доступ к подавленным чувствам, которые он может осознать и выразить, при этом активизируется процесс самопознания и появляется интерес к себе, что в условиях изоляции от общества важно.

Вовлекая спецконтингент в процесс составления арт-автобиографии, психолог должен понимать, что и у терапии искусством существуют противопоказания к применению. К ним относятся:

- 1) отказ осужденного заниматься этой деятельностью;
- 2) болезненное состояние после травм, операций; соматические заболевания, сопровождающиеся болью;

3) сильно выраженное психомоторное или маниакальное возбуждение (но при их слабой степени и агрессивных тенденциях арт-терапия показана);

4) грубые расстройства личности.

Для проведения такой работы со спецконтингентом требуется личная готовность сотрудника, которая включает следующие аспекты:

- а) теоретический и практический компоненты подготовки в области арт-терапии и биографического подхода в психологии;
- б) высокую степень проработанности собственных проблем.

¹ Концепция развития УИС РФ до 2020 года : распоряжение Правительства РФ от 14 октября 2010 г. № 1772-р. URL: <http://base.garant.ru/1357449> (дата обращения: 04.05.2016).

² Дебольский М. Г., Кокурин А. В. Современное состояние и основные направления совершенствования психокоррекционной работы с осужденными // Психокоррекционные технологии в работе пенитенциарных психологов : сб. мат-лов психологов уголовно-исполнительной системы. М., 2005. 14 с. ; Борисова С. Е. Психологическая техника «Самопознание» и ее применение в тренинговой и консультативной работе // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 4(59). С. 69–72 ; Бабурин С. В. Использование методов арт-терапии в работе пенитенциарного психолога // Там же. 2015. № 3(62). С. 58–60.

³ Красикова Ю. Ю., Лаврентьева И. В., Савельева Т. И. Методы арт-терапии в психокоррекционной работе с осужденными. Рязань, 2012. С. 25–29 ; Пестриков Д. В., Сенник И. В., Зимаков В. В. АРТ-терапия как индивидуальная форма психокоррекционной работы с осужденными, отбывающими наказание в виде лишения свободы // Прикладная юридическая психология. 2014. № 2. С. 72–79.

⁴ Колесникова Н. Е. Социально-психологическая ресоциализация осужденных-мужчин в исправительном учреждении : дис. ... канд. психол. наук. М., 2011. С. 112–154.

⁵ Кузьмина Е. Р. Нарисуй мне о себе: практическая психология для взрослых и детей. М., 2001. С. 8–9.

⁶ Лебедева Л. Д. Практика арт-терапии: подходы, диагностика. СПб., 2003. 135 с. ; Практическая арт-терапия. Лечение, реабилитация, тренинг / под ред. А. И. Копытина. М., 2008. С. 15–17.

⁷ Киселева М. В., Кулганов В. А. Арт-терапия в психологическом консультировании. СПб., 2012. С. 4.

⁸ Красикова Ю. Ю., Лаврентьева И. В., Савельева Т. И. Указ. соч. С. 45–46 ; Лебедева Л. Д. Указ. соч. С. 86–87.

⁹ Социально-психологическая технология «Толерантное общение и взаимодействие»: пособие для психологов, специалистов социальной работы и воспитателей школ-интернатов / Н. А. Цветкова [и др.]; под ред. Н. А. Цветковой. Псков, 2007. С. 58 ; Цветкова Н. А. Коррекция и развитие материнской сферы: технология социально-психологической работы с воспитанницами школ-интернатов : науч.-метод. учеб. пособие. Псков, 2010. С. 105–107 ; Права детей и профилактика насилия в замещающих семьях : учеб. пособие для психологов и социальных педагогов / под ред. Н. А. Цветковой. Псков, 2011. С. 24–35.

¹⁰ Колесникова Н. Е. Указ. соч. С. 155–217.

¹¹ Колесникова Н. Е., Цветкова Н. А. Технологии социально-психологической работы с осужденными к наказаниям без изоляции от общества. М., 2011. С. 119.

УДК 301.151

АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ ТРУДОУСТРОЙСТВА ОСУЖДЕННЫХ К НАКАЗАНИЯМ, АЛЬТЕРНАТИВНЫМ ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

Н. Е. Колесникова

В статье раскрывается такой фактор социальной реабилитации осужденных, отбывающих наказание без изоляции от общества, как трудоустройство. Представлен экономический и социально-психологический анализ факторов, влияющих на трудоустройство осужденных, раскрывается характер проблем, с которыми сталкивается данная категория граждан, обосновывается необходимость межведомственного взаимодействия для решения этой задачи. Представлена схема социально-психологической технологии трудоустройства осужденных.

Ключевые слова: психологическое сопровождение; трудоустройство; осужденные, отбывающие наказание без изоляции от общества.

В России тема постпенитенциарной и внепенитенциарной опеки, а также состоятельности ее нормативно-правовой базы обсуждается с начала 90-х гг. XX в. Это связано с ростом рецидивной преступности после освобождения из мест лишения свободы, с увеличением числа повторных преступлений в период отбывания наказания без изоляции от общества или после него (2014 г. — 2,2% от общего числа осужденных, отбывающих наказание без изоляции от общества). Чтобы защитить гражданина, отбывшего наказание, от дальнейшей маргинализации личности, необходимы межведомственные социальные, психологические, педагогические и другие программы, осуществляющие всемерную поддержку личности в реадaptационный период.

В этих целях в Правительство Российской Федерации представлялись проекты федеральных законов «О социальной помощи лицам, отбывшим наказание, и контроле за их поведением» (1997 г.) и «Об основах социальной адаптации и реабилитации лиц, освобожденных из мест лишения свободы» (2006 г.), но они так и не были приняты. Это привело к усилению региональной политики субъектов Российской Федерации, стремящихся обеспечить социальную безопасность своего региона. На уровне регионов приняты 35 региональных законов и 85 постановлений правительств, утверждающих программы, предусматривающие социальную и психологическую поддержку и обслуживание осужденных¹. Например, постановлением правительства Самарской области от 10 апреля 2012 г. № 167 принята и действует целевая программа «Об оказании помощи лицам, отбывшим наказание в виде лишения свободы, и лицам, осужденным к мерам уголовно-правового характера без изоляции от общества, и содействию их социальной реабилитации» на 2012–2016 гг. В Смоленской области разработан проект Концепции долгосрочной областной целевой программы «Оказание помощи лицам, отбывшим наказание в виде лишения свободы, и содействие их социальной реабилитации в Смоленской области» на 2014–2015 гг.

В Красноярском крае в результате работы целевой программы «Содействие занятости и социальная адаптация лиц, отбывающих альтернативные наказания и (или) отбывших наказание в виде лишения свободы в Красноярском крае на 2010–2012 годы» обеспечено снижение уровня рецидивной преступности на 10–12% в связи с трудоустройством граждан, освобожденных из мест лишения свободы и (или) отбывающих наказание, альтернативное лишению свободы. Серьезная работа в данном направлении проводится и в Псковской области. Так, в целях трудоустройства осужденных без изоляции от общества и лиц, отбывших наказание в исправительных учреждениях, еще в 2009 г. подписаны соглашения между Государственным комитетом Псковской области по труду и занятости населения и УФСИН России по Псковской области, между Главным государственным управлением социальной защиты населения Псковской области и УФСИН по Псковской области. В 2011 г. принято постановление Администрации Псковской области «Об утверждении долгосрочной целевой программы «Содействие занятости лиц, освободившихся из мест лишения свободы, и осужденных к наказаниям и мерам уголовно-правового характера без изоляции от общества, на территории Псковской области на 2012–2015 гг.». Ожидалось, что основным результатом ее реализации станет трудоустройство 770 граждан, которые в этот период освободятся из мест лишения свободы и (или) отбывут наказание без изоляции от общества². За 12 месяцев 2013 г. за содействием в поиске подходящей работы в Центр занятости населения г. Пскова обратилось 302 человека, из них 168 граждан, освобожденных из мест лишения свободы; 61 гражданин, осужденный без изоляции от общества; 73 несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет, состоящих на учете в комиссиях по делам несовершеннолетних; 294 человека были зарегистрированы в качестве ищущих работу и 106 из них — в качестве безработных. Государственную услугу по организации профессиональной ориентации получили 103 человека, освобожденных из мест лишения свободы, 14 — осужденных без изоляции от общества, 20 несовершеннолетних, состоящих на учете в комиссиях по делам несовершеннолетних. На профессиональное обучение направлено 15 граждан, освобожденных из мест лишения свободы, по специальностям «электрогазосварщик», «охранник», «водитель автомобиля»³. В настоящее время оценивается эффективность проведенной работы. Как отмечают сотрудники Центра занятости, такая работа является очень важной и ее следует продолжать при любом количестве трудоустроенных граждан.

Исследователи утверждают, что вопрос трудоустройства осужденных к альтернативным мерам наказания актуален, потому что «отсутствие постоянной работы и социального пакета увеличивает вероятность использования осужденными стереотипа преступного поведения»⁴. Материальная необеспеченность и низкий уровень доходов провоцируют рецидивное совершение преступлений⁵.

В данном контексте значимо такое направление работы психолога, как оказание психологической помощи

осужденным в профориентации и формировании позитивного отношения к труду⁶. Исследователи считают трудоустройство одним из основных критериев социальной реабилитации, под которой понимается комплекс мер, направленных на «изменение социального статуса (безработные, осужденные, беженцы и др.) и девиантного поведения личности (несовершеннолетние, лица, страдающие алкоголизмом, наркоманией, освобожденные из мест лишения свободы, отбывающие наказание без изоляции от общества и т. п.)»⁷.

Актуальные вопросы трудоустройства осужденных, освобожденных из мест лишения свободы и (или) отбывающих наказание без изоляции, отражены в трудах А. А. Аксенова⁸, В. М. Бочарова⁹, С. И. Комарицкого¹⁰, Н. А. Крайновой¹¹, О. Г. Перминова¹², В. М. Трубникова¹³ и др.

В соответствии с Федеральным законом от 19 апреля 1991 г. №1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации», опанты, отбывающие наказание без изоляции от общества, могут обратиться по месту своего постоянного или временного места жительства в органы государственной службы занятости в целях поиска подходящей работы и получить соответствующую помощь. Статья 13 этого же Закона относит лиц, освобожденных из мест лишения свободы и (или) отбывающих наказание без изоляции, к числу граждан, пользующихся повышенной социально-правовой защитой, но в связи с низкой правовой информированностью об этом знают немногие.

Одним из путей решения проблем трудоустройства осужденных, отбывающих наказание без изоляции от общества, является межведомственное взаимодействие Федеральной службы исполнения наказаний, Государственной службы занятости, Государственного управления социальной защиты населения. Исследователи предлагают следующие варианты взаимодействия названных структур:

— создание мобильных групп занятости и консультативно-справочного пункта на базе уголовно-исполнительных инспекций (далее — УИИ) и службы занятости населения — в целях информирования о доступных рабочих местах, технологии постановки на учет и получения пособия, проведения занятий по подготовке, переподготовке и т. д.;

— наличие информации в УИИ о вакансиях рабочих мест в районах (с указанием размера оплаты труда), особенно с предоставлением жилья¹⁴.

Поиск и подбор работы является результатом кропотливого взаимодействия сотрудника Центра занятости, осужденного к альтернативному наказанию и инспектора уголовно-исполнительной инспекции. Если такого сотрудничества нет, то не каждому из состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях осужденному удастся получить работу, которая будет для него пригодной в плане профессиональной идентификации и станет главным условием социальной реабилитации.

Поэтому специалисту УИИ (в процессе сопровождения трудоустройства осужденных к альтернативным наказаниям и иным мерам уголовно-правового харак-

тера) необходимо организовать такое взаимодействие с гражданином, цель которого — его самостоятельное успешное дальнейшее существование в социуме, «поиск скрытых ресурсов развития человека ... и создание на этой основе психологических условий для восстановления связей с миром людей»¹⁵. Исследователи выявили факторы, негативно влияющие на поведение лиц, осужденных к альтернативным наказаниям: трудовая и бытовая неустроенность осужденных, состоящих на учете в УИИ; слабая организация воспитательной и профилактической работы; недостаточный контроль за их поведением. Поэтому важнейшей задачей сотрудника УИИ является такое выстраивание отношений с осужденным, чтобы он не только отбыл наказание, альтернативное лишению свободы, без рецидива, но и социально реабилитировался в обществе. Решение этой задачи важно по ряду причин:

1) уровень рецидивной преступности «относительно характеризует эффективность исполнения наказания»¹⁶, его снижение будет означать эффективную работу сотрудников УИИ со спецконтингентом;

2) социальная реабилитация осужденных позволит улучшить социальную структуру российского общества;

3) удовлетворение результатами труда снизит эмоциональное выгорание и профессиональную деформацию сотрудников УИИ.

В числе приоритетов социального исправительного воздействия на осужденных, отбывающих наказание без изоляции от общества, выделяют следующие: формирование и развитие социально значимых знаний, умений и навыков осужденных; повышение общего уровня образования, культуры и правосознания; обучение востребованным на рынке труда специальностям, привитие (восстановление) профессиональных трудовых навыков, выработка у осужденных психологической и нравственной потребности трудиться; формирование ответственности за выбор своего жизненного пути.

Приказом Минюста РФ от 4 июня 2010 г. № 259 предусматривается участие УИИ в работе с осужденными, нуждающимися в социальной поддержке со стороны государства. Важным направлением такой реабилитации осужденных, отбывающих наказание без изоляции от общества, является «трудоустройство осужденных и восстановление документов для трудоустройства в случае их отсутствия»¹⁷, а также обучение, в том числе профессионально ориентированное. Опыт регионов и организация межведомственного взаимодействия доказывают эффективность данной работы.

При всей важности вопроса трудоустройства лиц, осужденных к альтернативным наказаниям, в реалиях развития российского общества эту проблему усугубляют экономические и социально-психологические причины:

1) запросы рынка труда недостаточны, не совпадают с уровнем профессиональной подготовки и образования названной категории лиц;

2) клеймо «осужденный» вызывает опасения у работодателей: они не доверяют опантам даже с судимостью без изоляции от общества и отказывают им под любым предлогом. Часть осужденных теряет работу

вследствие совершенных преступлений именно на рабочем месте (растрата, хищение, подделка и т. д.), что влечет наложение соответствующего наказания;

3) дефицит социально полезных связей при отсутствии навыка обращения за профессиональной социальной помощью;

4) отсутствия системы социального сопровождения трудоустройства таких граждан;

5) особенности личности, препятствующие установлению, поддержанию и расширению социальных связей;

6) феномен пассивного ожидания вместо попыток взять под контроль трудную жизненную ситуацию, в которой они оказываются после осуждения к альтернативному наказанию¹⁸. Проблемы трудоустройства обусловлены отсутствием опыта работы, большой конкуренцией, неопределенным семейным положением (как показывают исследования, почти 80% осужденных холостые, разведенные, овдовевшие). Согласно сведениям, полученных из отчетов уголовно-исполнительных инспекций, представленных Федеральным казенным учреждением «Научно-исследовательский институт информационных технологий» (г. Тверь) в 2009–2012 гг. порядка 30% осужденных не заняты учебой и (или) трудом.

В контексте обозначенной проблемы заслуживает внимания опыт Японии, где низок уровень рецидивной преступности. В Японии вопросы трудового и бытового устройства освобожденных из мест лишения свободы регламентируются Законом «О постпенитенциарной опеке». Цель данного Закона — обеспечить реабилитацию освобожденных осужденных, ответственность за это несет правительство. Оказание такой помощи осуществляется в случае обращения освобожденного. Законом предусмотрена организация общежитий для временного проживания данной категории лиц. Реабилитационная помощь оказывается в течение шести месяцев со дня освобождения из мест лишения свободы и лишь в том случае, если освобожденный против этой помощи не возражает¹⁹.

В целях повышения конкурентоспособности на рынке труда осужденных к альтернативным наказаниям необходима специальная программа социально-психологической работы. Она должна стать составной частью технологии социально-психологического сопровождения граждан, имеющих обязательный внешний контроль за поведением и необходимое исполнение обязанностей, возложенных судом. Структура такой программы может включать четыре цикла занятий, нацеленных на:

1) коррекцию картины мира;

2) коррекцию деструктивных установок в межличностном общении (рекомендуется воспользоваться тестом В. В. Бойко «Оценка деструктивных коммуникативных установок»);

3) проработку негативных стереотипов поведения, приведших к наказанию без изоляции от общества и латентно обуславливающих деструктивное поведение человека в условиях свободы (в этих целях эффективно применение методов атрибутивной психотерапии);

4) развитие навыков совладающего законопослушного поведения²⁰.

Как показывает опыт работы пенитенциарных психологов, на реализацию такой программы требуется не менее 36 часов практических групповых занятий.

Совокупность причин показывает чрезвычайную важность проблемы трудоустройства осужденных к альтернативным наказаниям и иным мерам уголовно-правового характера. Современные исследователи рассматривают трудоустройство и (или) обучение осужденных как важный фактор социальной реабилитации, который ведет к изменению социального статуса личности и способствует реабилитации в обществе. Вопрос трудоустройства лиц, осужденных к альтернативным мерам наказания, важен в силу того, что его решение позволит:

— снизить уровень рецидивной преступности;

— повысить эффективность работы сотрудников со спецконтингентом, что уменьшит эмоциональное выгорание и профессиональную деформацию сотрудников за счет удовлетворения результатами своего труда;

— обеспечить социальную реабилитацию осужденных и таким образом улучшить социальную структуру российского общества.

Поэтому необходима специальная технология социально-психологического сопровождения трудоустройства, позволяющая обучить осужденного навыкам поиска работы, трудоустройства, что обеспечит развитие личности в целях ее самостоятельного успешного дальнейшего существования в социуме.

¹ Городецкий Н. Н. Социальная помощь осужденным без изоляции от общества // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2011. № 5. С. 17–20.

² Левочкина М. В., Цветкова Н. А. Социально-психологическое содействие трудоустройству мужчин, вернувшихся из мест лишения свободы // Психолого-социальная работа в современном обществе: проблемы и решения : сб. мат.-лов междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Ю. П. Платонова. СПб., 2012. С. 43–46.

³ Минина И. Н. Анализ проблем социальной реабилитации граждан, освобожденных из мест лишения свободы // Уголовно-исполнительное право. 2015. № 2. С. 127.

⁴ Шамсунов С. Х. Труд осужденных к лишению свободы в России (организационно-правовые проблемы) : монография. Рязань, 2003. С. 89.

⁵ Логинов Е. А. Причины преступного поведения условно осужденных // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 3(58). С. 35–37.

⁶ Инструкция по организации деятельности психологической службы уголовно-исполнительной системы: приказ Минюста России от 12 декабря 2005 г. № 238. URL: http://www.fsin.su/upload/original_doc/Psih.pdf (дата обращения: 18.04.2016).

⁷ Цветкова Н. А., Колесникова Н. Е. Технологии социально-психологической работы с осужденными, отбывающими наказание без изоляции от общества : учеб.-метод. пособие. Псков, 2012. С. 113.

⁸ Аксенов А. А. Инновационные подходы к решению проблем занятости осужденных на современном этапе развития уголовно-исполнительной системы // Уголовно-исполнительная система Российской Федерации в условиях модернизации : современное состояние и перспективы развития: сб. докл. участников междунар. науч.-практ. конф. (Рязань, 22–23 ноября 2012 г.) : в 4 т. Рязань, 2013. Т. 4. С. 128–131.

⁹ Бочаров В. М. Уголовно-исполнительные и криминальные аспекты социальной реабилитации освобожденных из исправительных учреждений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2001. С. 16–17.

¹⁰ Комарицкий С. И. Характеристика лиц, отбывающих наказание в спецкомендатурах. М., 1991. С. 60–69.

¹¹ Крайнова Н. А. Проблемы ресоциализации неоднократно судимых лиц : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2002. С. 14.

¹² Перминов О. Г. Уголовно-исполнительное право : учеб. пособие для вузов. М., 1999. С. 120–123.

¹³ Трубников В. М. Социальная адаптация освобожденных от отбывания наказания. Харьков, 1990. С. 16–47.

¹⁴ Аксенов А. А. Указ. соч. С. 130.

¹⁵ Варелджян К. Р. Основные компоненты психологической модели сопровождения трудовой деятельности осужден-

ных женщин // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Сер. Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2009. № 4. С. 134–137.

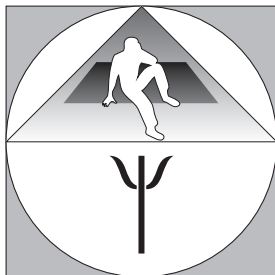
¹⁶ Шаргородский М. Д. Наказание, его цели и эффективность. Л., 1973. С. 63.

¹⁷ Об участии уголовно-исполнительных инспекций в социальной работе с осужденными, нуждающимися в социальной поддержке со стороны государственных органов : приказ Минюста России от 4 июня 2010 г. № 259.

¹⁸ Левочкина М. В., Цветкова Н. А. Указ. соч. С. 44.

¹⁹ Стахов Я. Г. Некоторые пути решения проблемы социальной адаптации лиц, освобождаемых из мест лишения свободы // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2012. № 1. С. 89.

²⁰ Левочкина М. В., Цветкова Н. А. Указ. соч. С. 45.

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

УДК 159.98

СЦЕНАРНЫЙ ПОДХОД К ПСИХОЛОГИЧЕСКОМУ ВОЗДЕЙСТВИЮ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В. Г. Пушков

Статья посвящена проблеме комплексности психологического воздействия при расследовании преступлений, которая может быть решена с помощью сценарного подхода к ней. Доказывается, что сценарный подход позволит изменить позицию граждан, направленную на противодействие расследованию.

Ключевые слова: расследование, тактические комбинации, психологическое воздействие, сценарий, средства психологического воздействия, его детерминанты.

В юридической психологии при рассмотрении проблем психологического воздействия (далее — ПВ) традиционно раздельное рассмотрение методов, приемов, средств, факторов и других компонентов ПВ при расследовании преступлений. На практике же ПВ, как правило, применяется не в виде отдельных приемов, а в их определенном комплексе и взаимосвязи, что повышает надежность и успешность ПВ. При этом сотрудник воздействует не на отдельные параметры психики граждан, а на ряд их психических образований. Можно говорить о преимущественном воздействии на какую-либо сферу психики, но при этом неизбежно происходят изменения и в других сферах психики. Например, необходимые потребности формируют путем изменения представлений о ситуации или о возможностях сотрудника. Дезорганизуя волю, можно снимать заинтересованность в противодействии.

Поскольку одной из главных задач ПВ является изменение негативной (по отношению к расследованию преступления) позиции гражданина, необходимо воздействовать на комплекс детерминант, определяющих эту позицию.

Детерминантами же возможных позиций (применительно к деятельности расследования преступлений) являются:

— *причины:* цели, потребности, интересы, мотивы, обусловленные следственной ситуацией;

— *внешние факторы:* обстоятельства деяния (его давность, предпринятые меры по подготовке, инсценировке, созданию алиби, сокрытию следов и т. д.), влияние значимых лиц (соучастники, родственники и т. п.),

условия обстановки, сама ситуация следственного действия, приводимые доказательства, факты;

— *внутренние факторы:* устойчивые личностные диспозиции — от фиксированных установок до ценностных ориентаций, личностный смысл, индивидуальные особенности;

— *опосредующие звенья:* текущие психические процессы и состояния интеллектуально-познавательной и эмоционально-волевой сфер, проявление в них стереотипов и готовности к действиям;

— *предпосылки:* осведомленность о следственной ситуации, представления об осведомленности сотрудника, лично значимая оценка ситуации и взаимодействия с точки зрения их развития и возможных результатов.

Внешние факторы преломляются через внутренние с помощью опосредствующих звеньев, создают предпосылки, порождающие причины поведения и деятельности. Исходя из этого, задача состоит в подборе и создании благоприятных (и нейтрализации неблагоприятных) внешних факторов, их применение в качестве средств ПВ. Использование внутренних факторов состоит в осуществлении ПВ на опосредствующие звенья психики (их активизация, стимулирование или дезорганизация, расширение или сужение), вследствие чего организуются и направляются предпосылки активности, порождающие причины (позиции) поведения и деятельности.

Внешние факторы имеют двойственную природу. С одной стороны, это те, которые выступают как объективная данность (обстоятельства деяния, влияние значимых лиц и т. п.), которые подлежат учету, использованию и интерпретации. С другой стороны, это те, которые подбираются, отыскиваются, с помощью которых оказывается ПВ (факты, доказательства, известные обстоятельства, биографические данные, система вопросов, их последовательность и т. д.).

На внутренние факторы как на глубинный «постоянный слой психики» оказывается стратегическое воздействие. Непосредственное тактическое ПВ оказывается на опосредствующие звенья (текущие интеллектуально-познавательные и эмоционально-волевые процессы) путем перевода внешних факторов во внутренний мир высказываниями, поведением, предъявлением, демонстрацией, последовательностью, выражением отношений с использованием механизмов убеждения, внушения, заражения и т. д. Путем ПВ создаются предпосылки причин (позиций) поведения и деятельности: расширение

осведомленности, создание сомнения в осведомленности, расширение или сужение представлений об осведомленности сотрудника, показываются альтернативы, учитываются потребности, сохраняется «лицо», расшатывается заинтересованность в противодействии, что должно приводить к формированию необходимой сотруднику позиции воздействию.

Некоторые исследователи¹ используют для обозначения такого комплексного ПВ понятие сценария психологического воздействия, который разрабатывается применительно к различным следственным ситуациям и реализуется с помощью соответствующих психологических тактик.

Сценарий — понятие, зародившееся в театральной практике, широко применяется в различных сферах социальной (научной и практической) деятельности. Это понятие имеет несколько значений, среди которых существенны те, которые обозначают «краткое изложение содержания пьесы, сюжетную схему, по которой создаются представления (спектакли) в театре, импровизации...», а в прогнозировании отождествляется с «системой предположений о течении изучаемого процесса, на основе которой разрабатывается один из возможных вариантов прогноза»².

Эти определения позволяют сделать обобщенные выводы о сущности сценария. Во-первых, сценарий — это схема предполагаемого развития событий, на которой строится практическая деятельность исполнителя. Во-вторых, сценарий не является жестким нормированным предписанием для исполнителя, а выступает как общая предполагаемая схема, оставляющая место для импровизации, творческого отношения, вариаций. В-третьих, его появлению предшествует исследование какого-либо процесса с точки зрения перспектив его развития. Последнее означает, что сценарий базируется на каких-либо данных, иногда на аналогиях и прецедентах, но чаще всего — на знании закономерностей развития, но не жестких (в силу наличия таких переменных, действие которых трудно предусмотреть). Наличие последних требует учета возможностей их проявлений в гибком сценарии, дающем возможность корректировать их по ходу развития процесса. В случае развития событий не по предполагаемому сценарию в реальной жизни используются другие варианты, предусматривающие иные пути развития. Успеха добивается тот исполнитель, который применительно к изменениям ситуации владеет достаточным репертуаром (арсеналом) сценариев их развития.

Отличие сценария от плана заключается в отсутствии жесткого нормирования, обязательности исполнения, заданности, наличия показателей (результатов), степени алгоритмизации, вариативности, импровизации. План должен быть выполнен, он ригиден, не учитывает многих переменных, особенно тех специфичных факторов, которые называют человеческими. Сценарий более гибок, вариативен, охватывает возможное развитие процесса или события, корректируя его на ходу, ликвидируя препятствия, может меняться, т. е. является более гибким инструментом управления.

Практическое понимание сценария ПВ иллюстрирует понятие сценария в психотерапии с использованием клинических ролевых игр. Здесь сценарий понимается как гибкая схема набора ролевых игр — ключевых и связующих сцен, воздействующих на психику пациента и позволяющих решить его проблемы. Психотерапевт «обычно не знает, что проявится в представленной проблеме, до тех пор, пока отдельные аспекты не раскроются в стадии действия. Это исключает предварительное планирование: течением сценария управляют на ходу, шаг за шагом»³.

Деятельность по оказанию ПВ является подчиненной целям деятельности расследования преступлений, а последняя процессуально регламентирована, обеспечивается разработками криминалистики и оперативно-розыскной деятельности. В сценарий ПВ естественно и неизбежно (помимо собственно психологических средств и способов воздействия) включаются содержание доказательственной информации, состояние расследования, компоненты следственной ситуации, которые используются для оказания ПВ.

Таким образом, сценарий ПВ — это гибкая схема активной и целенаправленной деятельности по осуществлению ПВ. В деятельности расследования преступлений — это типовые способы ПВ в сочетании с другими (криминалистическими, процессуальными и оперативно-розыскными) методами, направленными на решение задач уголовного судопроизводства, что изложено в определенной (драматизированной) форме. Драмматизированная форма сценария ПВ обусловлена необходимостью взаимодействия сотрудника с гражданами в лицах, использования ролевого поведения.

В случае применения тактической комбинации, построенной по жесткой типовой схеме с использованием строгих моделей, сотрудник оказывается привязанным к заданной схеме. Это не позволяет ему действовать адекватно меняющимся обстоятельствам⁴.

Тактическая комбинация — определенный алгоритм решения следственных задач, но с неопределенным исходом, так как в ней часто не учитываются даже позиции и типологические особенности личности участника процесса, а лишь наличие конфликта и информационное обеспечение доказательствами. При решении типичной ситуации сотрудник в практической деятельности постоянно сталкивается с проблемой выбора способа действий в силу информационной неопределенности, связанной с личностью участника процесса и неполнотой доказательств. Вследствие этого типовая тактическая комбинация является структурированной лишь в общих чертах и плохо формализуемой на практике.

На практике сотрудник соединяет алгоритмы тактических комбинаций и свое знание психологии конкретного участника уголовного процесса, пытаясь решить задачи расследования конкретных уголовных дел.

Повышение успешности применения тактических комбинаций «заключается в наполнении типовой тактической комбинации психологическим содержанием. И роль наполнителя играет сценарий ПВ»⁵. Это объясняется тем, что сценарий ПВ индивидуален, когда он

разрабатывается под конкретного человека. Наполнение типовой тактической комбинации разработанным применительно к конкретной ситуации и личности сценарием ПВ превращает ее в конкретную, повышая шансы на успешность и эффективность ее реализации.

В отличие от типовой тактической комбинации сценарий ПВ основывается на адекватной информации о ситуации. Он включает наиболее важную для его реализации информацию о личности противодействующего участника уголовного процесса, о его позиции, об отношении к расследованию и значимым лицам, другим участникам процесса, информацию о его осведомленности. В него входят представления сотрудника о доказательствах, данных и фактах, имеющихся в его распоряжении, которые он может использовать в различной последовательности, оперировать ими в качестве содержания ПВ, а также предположения об обстоятельствах деяния, о возможности их проверки и обнаружении новых доказательств (эти возможности являются одной из целей ПВ). Он основывается на учете сотрудником своих возможностей ПВ в смысле владения его арсеналом (средства, приемы и методы) и в предвидении возможных вариантов развития событий, готовности использовать другие сценарии ПВ.

Для ориентации сотрудников в целях формирования навыков ПВ целесообразна разработка типовых сценариев ПВ. Такие сценарии существуют на практике и специально разрабатываются исследователями⁶.

Необходимость их разработки вызвана несовершенством предлагаемых тактических комбинаций, их чрезмерной обобщенностью, в то время как сценарии ПВ (даже не привязанные к конкретной личности) учитывают закономерности ее психической деятельности в занимаемой ею позиции противодействия и разрабатываются применительно к более конкретным, детализированным, хотя и типовым ситуациям противодействия.

Эти обстоятельства позволяют рассчитывать, что типовые сценарии ПВ при применении их специально обученными и опытными сотрудниками, ориентированными на использование психологических знаний и умений, учитывающих в каждом случае конкретную личность и специфику ситуации, явятся тем инструментом, который позволит эффективно использовать тактические комбинации и успешно решать задачи расследования.

Продуктивен к разработке и применению сценариев ПВ, имеющих прикладную направленность, подход Л. М. Карнеевой. Он предусматривает классификацию тактических приемов применительно к нескольким основаниям:

- характер ситуации (бесконфликтная и конфликтная);
- форма противодействия в конфликтной ситуации (выделяются только отказ от дачи показаний и дача ложных показаний);
- достаточность и объем доказательств⁷.

Конфликтность, форма противодействия и обеспеченность доказательствами определяют выбор совокупности тактических приемов, наиболее эффективных в определенной ситуации, позволяющих изменять ее.

Наиболее значимо в указанном подходе для ПВ является выделение степени его информационного обеспечения — доказательственной базы по уголовному делу. Степень информационного обеспечения ПВ влияет на готовность подследственных оказывать противодействие, выбор ими той или иной позиции при расследовании, а также обуславливает выбор способов и средств ПВ.

Вследствие этого разработка и применение сценариев ПВ — попытка преодолеть информационную неопределенность следственной ситуации и привести воздействуемого (путем изменения параметров его психики и позиции) в состояние содействия сотруднику для получения объективных сведений об обстоятельствах деяния и решить на этой основе главную задачу расследования — установить объективную истину по делу.

В сценарий ПВ должны быть включены следующие компоненты:

1. Определение целей ПВ, обеспечивающих цели расследования. Если общая цель расследования, определенная законом, — это установление истины, то общая цель ПВ, для которого разрабатывается сценарий, — изменение параметров психики в направлении, способствующем решению задач расследования. Здесь же определяются и промежуточные цели ПВ, последовательность их достижения.

2. Анализ следственных и оперативно-служебных задач под углом зрения выделения тех переменных, которые определяют успешность применения ПВ для разрешения этих задач. Он включает учет таких исходных данных, как:

а) конкретные особенности личности участника уголовного процесса для ослабления, нейтрализации или ликвидации препятствующих характеристик: например, реактивности, гибкости или ригидности мышления, агрессивности, конфликтности поведения, устойчивости или неустойчивости к стрессорам, к неожиданному возникновению сложных обстоятельств. При недостаточности данных о личности требуется умение выявлять их в процессе взаимодействия, в том числе средствами ПВ. Это сведения о личности объекта ПВ психологического характера с точки зрения слабых и сильных сторон его психики, наличия, состояния и динамики изменения его психических параметров;

б) выявление всей структуры воздействий на данную личность (как положительных, так и отрицательных), прежде всего — ближайшего окружения (соучастники, родственники, адвокаты, иные значимые лица). Эти воздействия учитываются и регулируются: усиливаются, ослабляются, нейтрализуются или ликвидируются;

в) анализ доказательств, объектов, фактов, имеющейся информации уже не с позиции их доказательственного значения и силы, а с точки зрения использования их в качестве средства ПВ для проверки объективности и закрепления имеющихся доказательств, для получения дополнительной информации и новых доказательств, способствующих выяснению обстоятельств, существенных для расследования. Эта совокупность конкретных фактов, обстоятельств, доказательств и иной информации, которые служат базой для возникновения определенной

направленности мыслительных процессов, при этом обладают возможностями возбуждения, регулирования, изменения других параметров психики.

3. Принятие решения о тактике ПВ, наиболее подходящей к конкретной ситуации и личности участника процесса с определением последовательности использования для достижения целей ПВ, указанных выше исходных данных. Здесь учитываются и предполагаемые изменения тактики ПВ в связи с возможным развитием событий, изменением ситуации или состояния психики участника процесса как в благоприятном, так и в неблагоприятном направлении для решения задач расследования. В этих случаях предусматривается использование разработанных для них вариантов сценариев ПВ.

4. Создание специфических обстановочных условий, способствующих применению ПВ: места и времени (с учетом психологических особенностей лица), соответствующей обстановки, использование необходимых технических средств, привлечение иных лиц.

5. Учет сотрудником своих возможностей в части умения применять ПВ в соответствии с разработанным сценарием, репертуаром отработанных средств, приемов и методов ПВ, а также в соответствии с изменением ситуации и параметров психики участников уголовного процесса. В этом принципе наличия умений ПВ концептуальная разработка сценария ПВ смыкается с практическим его воплощением, реальным ПВ.

В данной статье сценарный подход анализируется и предлагается для решения задач уголовного судопроизводства. Однако он применим и в других видах деятельности, в частности, для целей профилактики пре-

ступлений, решения задач воспитания и перевоспитания в психопедагогике (правонарушителей, особенно несовершеннолетних), управленческой деятельности, для ее оптимизации в воспитательной работе правоохранительных органов.

---

¹ Ратинов А. Р., Ефимова Н. И. Психология допроса обвиняемого. М., 1988. С. 49–50; Черненилов В. И., Юстицкий В. В. Применение методов психолого-педагогического воздействия при решении оперативно-служебных задач. Минск, 1989. С. 70–76; Еремеев С. Г. Психологические приемы и способы воздействия на преступные группы с целью их разобщения на стадии предварительного расследования // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 4(63). С. 69–73.

² Советский энциклопедический словарь. М., 1986. С. 1296.

³ Киппер Д. Клинические ролевые игры и психодрама. М., 1993. С. 75.

⁴ Наши исследования, отражая такую жесткую привязку к практикуемым негибким формам воздействия, выявили, что при оказании им противодействия многие сотрудники продолжали его, пытались довести до конца, «одержать победу» путем давления и «упорства» (20,6%) вплоть до применения неправомерного ПВ (4,1%), либо прерывали воздействие, оставляя подследственных на их позициях, прекращали его на время в поисках причин противодействия и готовясь к следующей встрече (25,2%), только 45,4% избирали вариант изменения тактики. Подобная ригидность половины сотрудников не способствует успешному и оперативному расследованию преступлений.

⁵ Аврамцев В. В. Психологическое воздействие в оперативных комбинациях: дис. ... канд. психол. наук. М., 1993. С. 121.

⁶ Черненилов В. И., Юстицкий В. В. Указ. соч. С. 70–76.

⁷ Карнеева Л. М. Тактические основы организации и производства допроса в стадии расследования. Волгоград, 1976. С. 58.

ПРЕПОДАВАТЕЛЮ ВУЗА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

УДК 372.8

EDUTAINMENT В ПРЕПОДАВАНИИ ФИЛОСОФСКИХ ДИСЦИПЛИН

П. В. Векленко

В статье рассматриваются возможности применения методов edutainment («игразования») в преподавании философских дисциплин. Определяются основные направления интеграции edutainment в учебный процесс, приводятся примеры методик игрового обучения, используемых в ходе лекционных и семинарских занятий.

Ключевые слова: edutainment, игразование, игровое обучение, лекция-провокация, лекция-приглашение к дискуссии, обучающая компьютерная игра, виртуализация образования.

Концепция edutainment¹ в образовании имеет глубокие исторические корни и является результатом переосмысления старой и хорошо известной стратегии обучения. Однако «переоткрытие» «игрового обучения», «поучительной игры» или «обучения-развлечения» не исчерпывается введением в оборот нового названия. Интерес к edutainment на Западе возникает вновь благодаря распространению информационных технологий, связям «зритель-телевизор», «оператор-компьютер», «пользователь-гаджет», «игрок-компьютерная игра», определяющим индивидуальное и общественное бытие. Современное игровое обучение опирается на достижения в области информационных технологий, взаимодействие преподавателя и студента опосредуется компьютерной программой, виртуальной средой, расширяющей возможности получения знаний и формирования навыков.

Преимущества edutainment как метода обучения:

— «игразование» соответствует тенденции к увеличению инфантильного периода в жизни современного человека, что обусловлено возрастающей продолжительностью обучения. Поучительная игра или увлечение адекватны детской интеллектуальной пластичности, в которой нуждается общество, опирающееся на инновации. В этом ракурсе edutainment — реакция на исчезновение границы между ребенком и взрослым, на появление нового типа человека — кидалта, *pueraeternus*². Обратная сторона инфантильности — открытый, неокостеневший и незахламленный разум, разум, способный породить новое;

— «обучение через развлечение» понижает репрессивность, формализм, стрессогенность отечественного конвейерно-бюрократического образования, отчуждение, взаимную отгороженность обучаемого и обучающего. Кажущийся несерьезный тон игры, ее непринужденность при должном внимании может стать инструментом решения серьезных задач, стоящих перед современным образованием. Игровое обучение направлено на преодоление психологических, коммуникативных барьеров, на формирование специфической среды общения в системе «преподаватель-студенты», благоприятной для творчества, самовыражения и самоутверждения учащихся;

— игровое обучение позволяет в полной мере использовать потенциал современных компьютеров и средств коммуникации. Использование информационных технологий в образовательном процессе вузов в настоящее время открывает преимущества количественного характера: в компьютерном классе можно быстрее провести тестирование, с помощью сети Интернет собрать больше письменных работ к установленному сроку или обеспечить доступ к учебным и методическим материалам большей аудитории обучающихся. При этом использование информационных технологий не ведет к качественным изменениям: к внедрению новых методов обучения, к формированию неформальных, доверительных отношений между преподавателем и студентами, от которых зависят интерес к учебной дисциплине и результаты освоения учебной программы. Компьютеры лишь повышают производительность преподавателя. В целом обучающие компьютерные игры не рассматриваются в качестве инструмента высшего образования, тогда как коммерческий сегмент обучающих компьютерных игр для детей дошкольного возраста и младшего школьного возраста демонстрирует рост. Очевидно, что данный опыт необходимо заимствовать и внедрять в области высшего образования. Возможное направление — виртуализация образования, создание интерактивной образовательной среды³;

— «увлечение-обучение» необходимо для обеспечения прикладной направленности обучения. Формирование практических навыков в процессе деловых игр, ролевых постановок, моделирования ситуаций широко используется в «докомпьютерных» формах учебного процесса. Следующий шаг в данном направлении вновь видится в содержании виртуальной образовательной сре-

ды. Современная индустрия компьютерных игр готова предоставить открытые виртуальные миры (так называемые песочницы), отличающиеся реалистичными физическими моделями, современной компьютерной графикой, качественным звуковым сопровождением, что открывает безграничные возможности для творчества и обучения. Необходимо использовать потенциал подобных программ для погружения обучаемого в профессиональную проблематику.

Воплощение edutainment в учебном процессе, на наш взгляд, можно использовать в следующих направлениях:

- 1) неспециализированных средств игразования;
- 2) специализированных традиционных инструментов («докомпьютерных средств»), не связанных с IT;
- 3) неспециализированных программ в качестве обучающих компьютерных игр;
- 4) специализированных программ — обучающих компьютерных игр.

Рассмотрим опыт использования edutainment в преподавании философских дисциплин в рамках направлений 1–3 (ввиду отсутствия специализированных обучающих программ).

Обращаясь к специфике преподавания философских дисциплин, отметим, что элементы edutainment в преподавании философских дисциплин необходимы для преодоления скептического отношения учащихся, вызванного дискредитацией философии в современном массовом сознании. В мыслях обывателя философия — нечто запутанное и недоступное для понимания, что обусловлено отчасти абстрактностью философских текстов, сложностью философской терминологии для неподготовленного человека. Нередко приходится слышать высказывания учащихся о том, что философия — «учение обо всем и ни о чем», что философия лишь «дает невнятные ответы на неразрешимые вопросы», что «философия — удел неудачников и зубрил» и т. д. Скепсис по отношению к философским дисциплинам обусловлен стремлением носителей философской культуры к самоизоляции, возможно, ощущением собственного превосходства над массами. Следует констатировать, что, к сожалению, современное российское общество не испытывает потребности в философствовании и философии в силу объективных причин: низкого культурного уровня населения, специфики политической системы и экономических отношений. Безусловно, анализ факторов, негативно отражающихся на освоении философских дисциплин учащимися высших учебных заведений, заслуживает отдельного рассмотрения. Тем не менее нехватка мотивации очевидна.

Элементы игразования на семинарских занятиях по философии позволяют разрушать барьер недоверия, подозрительности со стороны учащихся. Творческие задания развлекательного характера формируют представление о том, что философия как рациональное мировоззрение недалеко от индивидуальной и общественной жизни, о том, что, напротив, философские идеи пронизывают социальную реальность, выступают основой различных социальных практик — от искусства до де-

ятельности политических партий. Достигается это посредством упражнений, формирующих «видение философского подтекста» или задающих философский ракурс, в котором предстоит рассмотреть тот или иной артефакт, персону или событие. На уровне методики подобные упражнения выглядят следующим образом:

— прослушайте песню отечественного исполнителя Ивана Алексеева (MC Noize) «Говорящие головы». В чем заключается философское содержание данного произведения? Какими философскими категориями оно может быть выражено?

Данное упражнение предполагает использование неспециализированных средств обучения — развлечения. Задание может быть выполнено на семинарском занятии с последующим совместным обсуждением или предложено в качестве задания для самостоятельной работы, например, при подготовке небольшого эссе. В данном случае обучаемый должен разглядеть в тексте песни, ориентированной на молодежную аудиторию, постановку проблемы ценностной ориентации современного человека, неумения его разделять возвышенные идеалы, рутинность, серость человеческого бытия, обольняющую роль средств массовой информации, господство потребительских мотивов и т. д. Перечень соответствующих философских категорий мог бы выглядеть таким образом: массовое общество, массовая культура, обыденное сознание, консьюмеризм, бессмысленность существования, экзистенциальный вакуум и т. д.

В качестве «артефакта» могут быть использованы художественный фильм, компьютерная игра, произведение художественной литературы. Трудность в подготовке подобных заданий заключается в необходимости пристального внимания преподавателя к тенденциям современной культуры, к актуальным для студенческой аудитории направлениям в искусстве. Без должной информированности педагогу не удастся увлечь обучаемых, повысить их мотивацию, почувствовать единение со студентами на основе общего интереса к определенной области культурного пространства.

Следующий вариант формирования «философского взгляда на вещи» более сложен — *самостоятельный поиск контента*: видеосюжетов, демотиваторов, отражающих философские концепции, анекдотов, притч, комиксов и т. д. Обучаемый должен творчески подойти к поиску, а затем представить найденный артефакт преподавателю и аудитории, давая при этом соответствующие пояснения: указывая на пересечения с философскими концепциями и подбирая соответствующие философские категории. Подобные занятия вызывают интерес в силу непредсказуемости результатов и предоставления полной творческой свободы. Кто-то из обучаемых открывает для себя антропологическую и психоаналитическую проблематику, наткнувшись на фильм Дэвида Кроненберга «Опасный метод», кто-то знакомится с техногенной цивилизацией и глобальными проблемами современности благодаря картинкам Стива Каттса (Steve Cutts), кто-то проявляет исследовательский интерес к мемам, виртуалистике и современной коммуникации, попав на «Луркоморье». Очевидно, что здесь мно-

жество возможностей для самовыражения: репрезентация собственных взглядов, демонстрация знаний в определенной области культуры.

Выполнение упражнений на развитие «философского видения» позволяет не только найти общие темы для учащихся и преподавателей, нивелировать пренебрежительное отношение к философии, но и выступить обучаемому в роли эксперта — человека, способного увидеть философскую основу социальных практик. Постепенно через увлечение и игру обучаемый подводится к пониманию того, что при должном усердии он успешно освоит курс и никаких сверхъестественных способностей для этого не требуется.

Использование *специализированных докомпьютерных средств игрового взаимодействия* в преподавании философских дисциплин предполагает организацию соревнований, викторин и деловых игр. Кафедра философии и политологии Омской академии МВД России имеет значительный опыт проведения конкурсов ораторского мастерства, викторин по логике, занятий в игровой форме в рамках кафедрального кружка. Целесообразно выделить основные признаки специализированных игровых инструментов:

- элемент состязательности, конкуренции;
- поощрение победителей (как материальное, так и нематериальное);
- задания, позволяющие продемонстрировать индивидуальность, творческие способности;
- создание специфического игрового антуража — наглядных материалов, командной атрибутики, музыкальных заставок и т. д.

Проведение викторин и конкурсов также заслуживает более пристального рассмотрения, потому остановимся на простейших приемах, которые могут быть использованы в практике преподавания. Таковым является провокационная лекция: лектор предлагает аудитории опровергнуть выводы, представленные на занятии, изложить соответствующие контраргументы на семинаре или отыскать в лекции намеренно допущенную неточность. Данные приемы являются приглашением к соревнованию, победу в котором могут одержать наиболее внимательные, инициативные студенты. С одной стороны, *лекция-провокация* и *лекция-приглашение к дискуссии* стимулируют самостоятельный философский поиск, с другой, в некоторой степени сокращают дистанцию в отношениях учащихся с преподавателем, демонстрируя приоритет доводов разума над авторитетом (нередко мнимым, напускным), обусловленным ученой степенью, возрастом или жизненным опытом преподавателя. Тем самым демонстрируется рациональный характер философского дискурса, поддерживается традиция свободного, непредвзятого размышления и дискуссии.

Использование *неспециализированных компьютерных программ в качестве средств игрового взаимодействия* требует от преподавателя знаний в области компьютерных развлечений. По этой причине подготовка заданий, которые позволяли бы использовать потенциал компьютерных игр для решения задач учебного процесса, сопряжена со значительными трудностями. Рассмотрим несколько примеров.

Первое задание связано с усвоением учащимися знаний из области *социальной философии*: понятий «культура» и «цивилизация», «факторы общественного развития», «географический детерминизм», «прогресс» и «регресс». Для усвоения этих знаний учащимся может быть рекомендована серия игр «Civilization»⁴, в которой реализуются сложные модели исторического развития. Задания могут быть сформулированы следующим образом:

1. Попробуйте создать собственную цивилизацию. Что выбрано вами в качестве ведущих факторов развития (военная мощь, торговля, культурная экспансия, наука и техника, религия)? Почему ваша попытка оказалась удачной (неудачной), какие факторы оказались недооцененными?

2. Каковы ценностные основания вашей цивилизации, придерживались ли вы в процессе игры какой-то доктрины (например, доктрины социального государства, пацифизма, экспансионизма и т. д.)?

3. Как соотносится ваш опыт строительства цивилизации с концепциями представителей цивилизационного подхода? Опирались ли вы на какие-то теоретические положения (укажите, на какие конкретно).

Задания могут быть предельно конкретизированы. Например:

— ознакомьтесь с концепцией природно-климатического детерминизма Дж. Даймонда⁵, соотнесите прочитанное с результатами игры. Соответствует ли утверждение о порождении цивилизационного неравенства естественными причинами (климат, наличие или отсутствие определенных видов растений и животных для создания производящего хозяйства) вашему игровому опыту? Имеют ли природно-климатические факторы столь существенное значение в жизни современных обществ? Имеются ли возможности нивелировать их действие? Какие факторы исторического развития, о которых пишет Дж. Даймонд, не представлены в игровой модели «Civilization»?

Ответы обучаемых должны содержать следующие выводы: модель развития человеческого сообщества на этапе его становления соответствует концепции Д. Даймонда, развитие цивилизации зависит от наличия вблизи селений природных ресурсов (растений, полезных ископаемых, животных для одомашнивания). Доступность ресурсов определяет рост населения и производительных сил, от последних зависит возможность дальнейшей экспансии, количество городов определяет развитие науки и искусства, торговли и политической системы. В жизни современных обществ, обладающих развитой технологией, природные факторы не столь значимы — примером может служить японское или сингапурское «экономическое чудо», когда рациональное управление и внедрение инноваций компенсируют недостаток природных ресурсов. В игровой модели не представлен фактор распространения болезнетворных микроорганизмов, который, согласно Д. Даймонду, сыграл ключевую роль в гибели цивилизаций Южной Америки.

Еще один пример использования *неспециализированных компьютерных программ* в образовании относится к области преподавания *религиоведения*, эти-

ки и политологии. Изучать нравственный выбор, политические идеологии и формирование нетрадиционных религиозных культов можно с помощью серии популярных ролевых игр «Fallout»⁶. Пользователю предоставляется возможность путешествовать по открытому постапокалиптическому миру, изучать его историю, взаимодействовать с виртуальными персонажами и влиять на судьбу этого мира. При этом игроку предстоит сделать выбор в пользу одной из фракций, деятельность которой определяется той или иной идеологией. Например, в четвертой части игры с идеологией гражданского активизма и устройством гражданского общества обучаемый может познакомиться, примкнув к ополчению — минитменам, приверженцам ценностей Американской революции, с доктриной прав и свобод человека, а также философией трансгуманизма, вступив в ряды тайного общества «Подземка». Нетрадиционные религиозные культы представлены организацией «Дети Атома». Вдумчивое прохождение игры может дать обучаемым ценный опыт, побудить их к ценностной рефлексии, к изучению политических идеологий, этических и религиозных учений. Игровой опыт может быть отражен в соответствующих докладах и эссе, в постановке проблем для совместного обсуждения, возможен анализ игрового видео, элемен-

тов игровой вселенной с точки зрения глобальных проблем современности, специфики массовой культуры.

В случае с использованием неспециализированных компьютерных программ разнообразие заданий в значительной степени зависит от знания преподавателем игровой механики, от умения соотносить содержание игрового процесса с учебной программой.

Появление *специализированных компьютерных программ для обучения философским дисциплинам* — дело обозримого будущего.

¹ Дьяконова О. О., Железнякова О. М. Сущность и содержание понятия «эдьютейнтмент» в отечественной и зарубежной педагогической науке // Вестник высшей школы. 2013. № 2. С. 67–70.

² Франц М. Л. Вечный юноша. PuerAeternus. М., 2009. 384 с.

³ Шабалина О. А. Разработка обучающих компьютерных игр: как сохранить баланс между обучающей и игровой компонентой // Образовательные технологии и общество. 2013. № 3. Т. 16. С. 587–602.

⁴ URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Civilization>(серия) (дата обращения: 21.01.2016).

⁵ Даймонд Д. Ружья, микробы и сталь. М., 2010. 608 с.

⁶ URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Fallout>(серия игр) (дата обращения: 21.01.2016).

УДК 796

ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ К СОРЕВНОВАНИЯМ ПО ПРЕОДОЛЕНИЮ ПОЛОСЫ ПРЕПЯТСТВИЙ СО СТРЕЛЬБОЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ МВД РОССИИ

А. В. Бакин, Д. В. Пивоваров, В. Р. Гилль

Раскрыты особенности учебно-тренировочного процесса по подготовке сборной команды курсантов к соревнованиям по преодолению полосы препятствий. Даны предложения по совершенствованию подготовки курсантов к соревнованиям. Предлагается включить «Преодоление полосы препятствий со стрельбой» в раздел военно-прикладных и служебно-прикладных видов спорта, что позволит существенно повысить физическую подготовленность и надежность курсантов к деятельности в экстремальных условиях.

Ключевые слова: полоса препятствий, стрельба, физические качества, показатели, учебно-тренировочный процесс.

Актуальным направлением научно-исследовательской работы по физической подготовке в образовательных организациях системы МВД России является поиск новых, более эффективных подходов к обучению и воспитанию курсантов и слушателей¹. Наряду с практической деятельностью по физической подготовке многие преподаватели (специалисты) задействованы в организации учебно-тренировочного процесса в сборных командах по служебно-прикладным видам спорта в качестве тренеров или участников. Для них необходимо повышать эффективность тренировоч-

ных занятий, в том числе путем внедрения результатов научно-исследовательской работы, применения новейших тенденций и методик, используемых в спортивной тренировке².

В настоящее время в рамках Спартакиады МВД России по служебно-прикладным видам спорта среди образовательных организаций системы МВД России проводится 10 чемпионатов. Особая роль отводится таким видам спорта, как стрельба из боевого ручного стрелкового оружия, преодоление полосы препятствий со стрельбой, а также летний служебный биатлон. Эти состязания имеют ярко выраженную прикладную направленность и являются, по нашему мнению, наиболее приближенными к практической деятельности сотрудников полиции, так как непосредственно связаны с применением навыков в стрельбе из боевого оружия в сочетании с ускоренным передвижением и преодолением препятствий.

Особую популярность в последние годы приобретает преодоление полосы препятствий со стрельбой. И это вполне закономерно, поскольку отличительной чертой данного служебно-прикладного вида спорта является не только его зрелищность, но и то, что курсант, не обладающий высокими спортивными достижениями, может за период обучения завоевать место в сборной команде и отстаивать спортивную честь своего вуза. Данный факт подтверждается тем, что еще несколько лет назад костяк сборных команд составляли курсанты и слушатели, занимавшиеся ранее стрельбой из боевого оружия, гимнастикой, легкой атлетикой, летним служебным биатлоном или различными видами многоборий. В последнее время на

чемпионатах среди образовательных организаций системы МВД России высоких результатов стали добиваться курсанты, целенаправленно занимающиеся только преодолением полосы препятствий со стрельбой.

В Вооруженных Силах России, МЧС России, подразделениях специального назначения различных силовых структур полоса препятствий (в тех или иных вариациях) существует уже несколько десятилетий. Тренировки, направленные на ее прохождение, зарекомендовали себя как эффективный инструмент подготовки личного состава к выполнению задач, предусмотренных спецификой профессиональной деятельности. В системе МВД России преодоление полосы препятствий со стрельбой стало интенсивно развиваться в 2006 г. в ГУ МВД России по Краснодарскому краю в целях развития физических и психологических качеств, способности к быстрым и решительным действиям в сложной оперативной обстановке. Выделим основные задачи нового служебно-прикладного вида спорта:

— обучение преодолению отдельных элементов полосы препятствий различными способами (в сочетании с максимальной скоростью и скоростной стрельбой из боевого оружия);

— развитие и совершенствование физических качеств (выносливость, ловкость, быстрота);

— воспитание решительности и психологической устойчивости (в процессе выполнения разнообразных и непрерывно чередующихся напряженных действий), уверенности в себе, стремления сблизиться с противником и обезвредить его³.

За основу был взят учебно-методический материал по преодолению восьми препятствий (брусья, стена, пеньки, ров, лабиринт, бум, завал, подземный переход) с пятью выстрелами из пистолета Макарова (ПММ) по специальным мишенным установкам, имеющим пять черных дисков диаметром 200 мм, либо по одной мишени № 4 с черным кругом (спортивная). Расстояние от огневого рубежа до цели составляет 20 м, после стрельбы спортсмен пробегает 100 м и финиширует. Форма одежды — повседневная либо патрульно-постовая.

Если преодоление полосы препятствий и бег представляют собою динамическую работу, требующую от спортсмена высоких скоростно-силовых качеств и ловкости, то стрельба — это статический вид спорта, где необходимо сосредоточение внимания и абстрагирование от посторонних раздражителей⁴. Спортсмен должен демонстрировать навыки в стрелковой подготовке, быть ловким, быстрым, выносливым и психологически устойчивым. С одной стороны, ему необходимо максимально быстро преодолеть все препятствия и пробежать 100-метровую дистанцию, с другой — стараться не допустить промахов, так как за каждый неточный выстрел к результату добавляется 10 секунд штрафа.

Стрельбу приходится вести в сложных условиях, характеризующихся дефицитом времени и большой физической нагрузкой (частота сердечных сокращений составляет от 165 до 190 ударов в минуту), на фоне значительного утомления и напряжения мышц плечевого пояса, а также дополнительного влияния психологи-

ческих факторов⁵. Полагаем, такие практические действия приближены к служебной деятельности в условиях реального преследования и силового задержания правонарушителя.

Для участия в чемпионатах системы МВД России по преодолению полосы препятствий со стрельбой тренерам-преподавателям необходимо подготовить курсантов и слушателей высокой спортивной квалификации. Действующее Наставление по физической подготовке сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации (далее — НОФП)⁶ предусматривает рассмотрение темы «Преодоление полосы препятствий», однако в образовательном процессе она рассматривается в небольшом объеме и изолированно от стрельбы. Наставление по организации огневой подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации (далее — НООП)⁷ такой темы и упражнений не содержит.

Поэтому подготовить спортсмена высокого класса на учебных занятиях не представляется возможным, для этих целей создается группа спортивного совершенствования, в которой проводятся учебно-тренировочные занятия в течение всего учебного года и формируется сборная команда. Учебно-тренировочный процесс, как правило, осуществляется на базе стрелкового тира, полосы препятствий и других спортивных объектов преподавателями по огневой и физической подготовке, выстраивается с учетом даты проведения основных соревнований по плану:

1) отбор кандидатов в сборную команду (проводится на учебных занятиях и чемпионате образовательной организации);

2) учебно-тренировочные занятия в группе спортивного совершенствования, участие в подготовительных состязаниях (4–5 комплексных занятия в неделю);

3) предсоревновательный период (не менее трех недель);

4) участие в чемпионате среди образовательных организаций системы МВД России.

В предсоревновательный период целесообразно проведение учебно-тренировочного сбора, на котором отрабатываются техника преодоления полосы препятствий и техника скоростной стрельбы в едином комплексе, формируется основной состав команды. Оценочным показателем деятельности группы спортивного совершенствования по преодолению полосы препятствий со стрельбой является результат выступления сборной команды на чемпионатах среди образовательных организаций системы МВД России. В целях совершенствования и оптимизации учебно-тренировочного процесса во время предсоревновательных сборов, проводимых в 2011–2015 гг. в Омской академии МВД России нами было проведено исследование, в котором приняли участие 52 человека.

Испытуемые были протестированы по двум блокам показателей:

1) качество стрельбы, потраченное время на преодоление полосы препятствий и оценка функционального состояния, которое измерялось при помощи ЧСС;

2) физические качества: сила, общая и скоростная выносливость, быстрота.

Таблица. Показатели при преодолении полосы препятствий со стрельбой и уровнем развития физических качеств

Исследуемые показатели	Единицы измерения	Уровень результатов по исследуемым показателям		Достоверность различий (P_0)
		высокий	низкий	
		$n \pm m$	$n \pm m$	
Показатели при преодолении полосы препятствий со стрельбой				
Пульсометрия при стрельбе (ЧСС)	уд/мин	172,3 ± 1,8	179,7 ± 2,3	<0,05
Качество стрельбы (кол-во попаданий)	кол-во раз	4,50 ± 0,16	3,91 ± 0,18	<0,05
Время, затраченное на стрельбу	сек	11,8 ± 0,15	15,8 ± 0,13	<0,05
Общее время пробегания полосы препятствий	мин, сек	1.13,3 ± 1,9	1.19,8 ± 2,1	<0,05
Уровень развития физических качеств (сила, общая выносливость, скоростная выносливость, быстрота)				
Подтягивание на перекладине	кол-во раз	21,2 ± 0,44	17,5 ± 0,42	<0,05
Сгибание и разгибание рук в упоре лежа	кол-во раз	48,81 ± 0,62	43,23 ± 0,68	<0,05
Бег (кросс) на 3 км	мин	10.23,1 ± 8,5	10.57,9 ± 8,9	<0,05
Бег (кросс) на 5 км	мин	17.46,4 ± 14,3	17.53,8 ± 16,2	<0,05
Бег на 400 м	сек	57,1 ± 0,13	61,4 ± 0,15	<0,05
Челночный бег 4 × 100 м	сек	63,4 ± 0,21	66,9 ± 0,19	<0,05
Бег на 100 м	сек	13,18 ± 0,26	13,64 ± 0,30	<0,05
Челночный бег 10 × 10 м	сек	24,23 ± 0,20	25,09 ± 0,32	<0,05

После проведения тестирования и показанных результатов было отобрано по пять наиболее высоких и наиболее низких результатов (по каждому тесту).

Математическая обработка результатов исследования позволила определить средние уровни представленных высоких и низких показателей по исследуемым критериям, их достоверность различий при 5%-ном уровне значимости.

Из таблицы видно, что практически по всем показателям, кроме времени, показанного в кроссе на 5 км, выявлены достоверные различия (при $P < 0,05$).

По результатам контрольных забегов на учебно-тренировочных сборах был сформирован основной состав для выезда на чемпионаты среди образовательных организаций в 2011–2015 гг. (20 человек). Сумма средних результатов данных спортсменов по всем исследуемым параметрам оказались внутри условного коридора между низким и высоким уровнем показателей, приведенных в таблице.

Спортсмены основного состава в среднем показали результат, равный 92% — относительно высокого уровня по показателям, характеризующим скоростную выносливость (бег 400 м, челночный бег 4×100 м), 83% — по показателям, характеризующим высокий уровень в качестве стрельбы (количество попаданий), 81% — по показателям ЧСС во время стрельбы (пульсометрия). Аналогичные значения по другим показателям находились в пределах до 68%.

На основании экспериментальных данных можно сделать вывод: при подготовке курсантов к преодолению полосы препятствий со стрельбой необходимо ориентироваться на выявленные уровни развития основных физических качеств и показатели времени, затраченного на ее преодоление. При отборе кандидатов в группу спортивного совершенствования по преодолению полосы препятствий со стрельбой (кроме навыков в стрельбе из боевого оружия) следует учитывать и необходимый уровень развития физических качеств, обра-

щая особое внимание на показатели, характеризующие развитие скоростной выносливости.

Спартакиады системы МВД России по данному виду спорта зрелищны и с каждым разом все набирают популярность. Однако предложенная в НОФП полоса препятствий практически не используется в учебном процессе. Возникает вопрос об оптимизации развития такого вида спорта, как преодоление полосы препятствий со стрельбой в системе МВД России путем создания системной нормативной правовой базы и на ее основе подготовки квалифицированных спортсменов для сборных команд.

Рассматриваемая нами полоса препятствий необходима для подготовки сборных команд к соревнованиям, но она не входит в основные руководящие документы по физической и огневой подготовке. Чтобы официально «узаконить» полосу препятствий, нужны основания (наличие данной полосы в НОФП и примерной учебной программе). Это позволит использовать ее на учебных занятиях по физической и огневой подготовке, проводя более качественный отбор кандидатов в группу спортивного совершенствования.

В образовательных организациях системы МВД России на занятия по теме «Преодоление полосы препятствий» отводится, как правило, немного времени. Полагаем, данная тема должна рассматриваться обучающимися в объеме, позволяющем каждому курсанту в достаточной мере освоить технику преодоления отдельных препятствий (минимум 4–5 учебных занятий в год). Заключительным этапом возможно проведение комплексных занятий по преодолению полосы препятствий в сочетании со стрельбой из боевого оружия.

Считаем необходимым включить «Преодоление полосы препятствий со стрельбой» в раздел военно-прикладных и служебно-прикладных видов спорта во Всероссийский реестр видов спорта, что позво-

лит присваивать спортивные разряды и существенно повысит мотивацию курсантов к тренировочному процессу. Надеемся, что предложенные нами практические результаты исследования и выводы позволят преподавателям и руководителям групп спортивного совершенствования оптимизировать процесс отбора кандидатов в сборные команды и подготовки к соревнованиям по преодолению полосы препятствий со стрельбой, наметить средства и пути тренировочной работы с курсантами.

---

¹ Кузнецов А. Ф., Бакин А. В., Чигорьев Е. А. Организация и методика педагогических исследований по физической подготовке в образовательных исследованиях МВД России : учеб.-метод. пособие. Омск, 2008. С. 3 ; Троян Е. И. Особенности использования полосы препятствий для совершенствования координационных способностей сотрудников МВД России // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. № 1(52). С. 43–45.

² Лупырь В. Г., Осипов О. О. Проблемы междисциплинарных связей кафедр, формирующих профессионально важные

качества у курсантов // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2003. № 2(20). С. 65–67.

³ Кучерук С. А., Бойко Н. И., Серeda В. Н. Учебно-методический материал по преодолению полосы препятствий со стрельбой. Краснодар, 2006. С. 15.

⁴ Пивоваров Д. В., Пенькова И. В., Осипов О. О. Схема заполнения дневника самоанализа по огневой подготовке для курсантов на первоначальном этапе обучения // Подготовка кадров для силовых структур: современные направления и образовательные технологии : мат-лы 20-й всерос. науч.-методич. конф. Иркутск, 2015. С. 250–253.

⁵ Гусев Ю. М., Воронин Е. В. Проявление компонентов психической надежности у стрелков из различных видов оружия // Проблемы правоохранительной деятельности и образования : сб. науч. тр. докторантов, адъюнктов, аспирантов, соискателей. Белгород, 2011. С. 58–61.

⁶ Об утверждении Наставления по организации физической подготовки сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 13 ноября 2012 г. № 1025дсп.

⁷ Огрыза А. В. Основные положения действующего Наставления по организации огневой подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2015. № 3(69). С. 52–55.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

УДК 342.5.08+159.9.075

ВОЗМОЖНОСТИ АДАПТАЦИИ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА ФОРМИРОВАНИЯ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ В РОССИИ

И. А. Стальнова, А. Г. Стальнов

В статье рассматриваются возможности и ограничения применения зарубежного опыта кадровой работы с государственными служащими и перспективные направления его адаптации. Обращение к зарубежному опыту формирования кадрового потенциала государственной службы позволяет определить перспективные направления реформирования системы управления персоналом в государственных органах и учреждениях с учетом российских реалий, текущих и будущих потребностей населения в государственных услугах.

Ключевые слова: кадровый потенциал, государственные служащие, зарубежный опыт, кадровые психологические технологии.

Различия национальных культур, нормативно-правовых требований, особенностей делового взаимодействия и прочих факторов, оказывающих влияние на практику формирования кадрового потенциала государственной службы, делают невозможным применение унифицированных моделей профессионального отбора для эффективной кадровой работы с чиновниками в разных странах. При этом адаптация управленческой практики других государств (с учетом особенностей государственной службы в России) может быть полезной с точки зрения поиска новых эффективных форм и методов менеджмента персонала.

Проблемы в государственном управлении стали причиной развития компетентностного подхода. Первые исследования в 1970-х гг. были связаны с определением наиболее значимых компетенций сотрудников Дипломатической информационной службы Государственного Департамента США, представляющих Америку в зарубежных странах. До проведения исследований сотрудников подбирали по результатам экзамена на знание истории западных цивилизаций и США, английского языка, принципов функционирования национальной экономики и работы правительства. В результате применения компетентностного подхода в число компетенций, присутствующих только лучшим сотрудникам, включены межкультурная межличностная восприимчивость, позитивные

ожидания от окружающих, скорость в освоении политических тенденций и закономерностей¹.

В 1980-х гг. исследования специфики применения компетентностного подхода в сфере государственного управления были продолжены Е. Борджонови и П. Броветто, отметивших такие специфические компетенции государственных служащих, как адаптация и приемлемость бюрократического контроля, способность адекватного восприятия давления со стороны средств массовой информации, подчинение нормативным требованиям и регламентам, приоритет общественных интересов групп².

Эти наблюдения подтвердились в исследовании Д. Купера, который (в составе специфических компетенций британских чиновников) выделил способность к полиактивности в условиях противоречивости целей в области предоставления государственных услуг. Государственные служащие должны были понять и адекватно отреагировать на общественное поведение, действовать в политическом и нормативном контексте, быть готовыми к непрекращающейся дискуссии и к достижению консенсуса³.

Х. Куперус и А. Роуд систематизировали практику кадровой работы с управленческими должностями государственной службы в странах Европейского союза, пришли к выводу о существовании определенных национальных различий, препятствующих внедрению универсальной модели компетенций на данном этапе. Систему управления кадрами государственных органов они классифицировали по четырем группам (табл. 1).

Страны континентальной Европы (за исключением Бельгии и Нидерландов), а также скандинавские страны реализуют четвертую модель управления высшим звеном государственных служащих, Великобритания, Бельгия и Нидерланды — первую модель в сочетании со второй. Единственные страны с пятой моделью — государства Восточной Европы, что обусловлено интенсивным процессом реформирования государственного управления в этой части Европы.

В настоящее время в США система компетенций государственных служащих четко разработана, на федеральном уровне проблемами отбора персонала федеральной службы занимается Федеральная служба менеджмента персонала («U.S. Office of Personnel Management»). Для поступления на государственную службу существу-

Таблица 1. Модели систем управления кадрами высшего уровня управления государственных органов в европейских странах⁴

№	Тип модели	Описание модели
1	Централизованная организация управления кадрами	Статус государственных служащих формализован в законе и иных нормативных правовых актах. Поддержка и администрирование осуществляются специальной для данной категории служащих централизованной государственной службой, которая ведет профессиональную поддержку, разрабатывает систему мотивации государственных служащих высшего уровня и программы оценки и обучения
2	Формализованная организация с особыми условиями	Статус государственных служащих формализован в законе и иных нормативных правовых актах, отличается особыми условиями исполнения службы. Централизованный орган управления кадрами отсутствует, поддержка осуществляется единой национальной кадровой службой по всем должностям государственных органов
3	Формализованная организация без особых условий	Статус государственных служащих формализован в законе и иных нормативных правовых актах, имеются общие условия исполнения службы. Централизованный орган управления кадрами отсутствует, поддержка осуществляется единой национальной кадровой службой по всем должностям государственных органов
4	Модель признания статуса высших государственных чиновников с особыми условиями	Статус, особые условия кадровой работы с государственными служащими высшего звена управления не регламентированы законодательно, но фактически наличествуют в виде определенных льгот, поддержки и т. п. Управление — на особых условиях единой национальной кадровой службой
5	Модель игнорирования высшего звена государственного управления	Особый статус высших чиновников не закреплен ни законодательно, ни косвенно (в системе льгот и преференций). Национальная кадровая служба применяет широкий спектр инструментов развития персонала всех категорий должностей государственной службы

ет модель компетенций, предусматривающая градацию уровней их развития от минимального к максимально-му: осознание, основной уровень, промежуточный, продвинутый, уровень эксперта⁵. Разработке системы компетенций предшествует проведение комплексных масштабных исследований зависимости от профессиональной эффективности в различных областях государственной службы. Далее они систематизируются в кластеры, группы, конкретизируются и градуируются по уровням проявления в профессиональном поведении. Федеральное правительство США является одним из наиболее крупных заказчиков исследований, посвященных компетентностному подходу в практике управления персоналом.

В Австралии разработку моделей и профилей компетенций для государственных служащих, их практическую реализацию осуществляет ассесмент-центр (центр оценки). В состав его задач входят: активизация и развитие компетенций государственных служащих, предоставление возможности по формированию новых навыков и знаний; содействие активизации самосознания и самопознания; определение руководителей с максимальным потенциалом и уровнем развития необходимых компетенций, разработка индивидуальных планов профессионального развития для государственных менеджеров высшего управленческого звена.

В целом отметим значительное сходство моделей компетенций государственных служащих в разных странах. В европейской практике важным является блок компетенций «экономия и максимизация ресурсов», который игнорируется в практике государственной службы США, присутствует функциональный элемент оценки. Формирование системы компетенций может быть обеспечено привлечением сторонней организации, специализирующейся на кадровом аутсорсинге (что практикуется в некоторых штатах и муниципалитетах США),

деятельностью одной из структур государственного аппарата управления (например, Федеральной Службой менеджмента персонала США) или наднациональных институтов, возникновение которых обусловлено интеграцией (Ассоциация менеджеров муниципалитетов в Евросоюзе).

Существенные ограничения применения зарубежного опыта при формировании профилей компетенций государственных служащих в России обусловлено различием, содержащимся в самой технологии данного процесса. В российской практике моделирование системы компетенций реализуется по следующему алгоритму: исследуются отечественный и зарубежный теоретико-методологический опыт формирования компетенций, моделируется система компетенций — она апробируется в практике кадрового менеджмента, делается вывод относительно эффективности сформированной модели.

В зарубежной исследовательской практике распространен концептуально иной подход к исследованию компетенций. Первый этап — изучение существующей практики формулирования профессиональных требований к управленческим работникам, определение детерминант профессиональной эффективности менеджеров различного уровня. На данной ступени могут использоваться инструменты корреляционно-регрессионного и иных методов статистического определения взаимосвязи, контент-анализ, анализ стратегических управленческих документов компании. Далее следует адаптация традиционной квалификационной модели к инструментам и терминам компетентностного подхода, результатом которой является модель компетенций. Сформированная модель апробируется, проводится анализ целесообразности ее применения и корректировка компетенций⁶. Данный алгоритм формирования структуры управленческих компетенций применялся еще в исследованиях Р. Бояциса.

Таблица 2. Возможности и ограничения ассесмент-центра как технологии кадровой работы в сфере государственной службы

Ассесмент-центр по работе с государственными гражданскими служащими	
Возможности	Ограничения
— анализ и систематизация большой базы информационных данных о психологических и иных детерминантах эффективности профессиональной деятельности чиновников	— значительные инвестиции на стадии создания центра
— определение ожиданий чиновников для формирования рекомендаций по совершенствованию системы мотивации	— отсутствие опыта применения аналогичных технологий в России
— автоматизация значительной части процессов в управлении кадрами	— большой территориальный масштаб России и региональные различия в характеристиках рынка труда
— наличие научных учреждений, на базе которых возможно создание центра	
— использование ротации, кадрового резерва, обмена практическим опытом	— длительность проведения наблюдений для получения результата
— планирование потребности в кадрах для определения ориентиров государственного заказа на обучение по специальностям государственного управления в федеральном масштабе	— обеспечение отдачи в среднесрочном периоде реализации технологии

Формирование системы компетенций может быть обеспечено привлечением сторонней организации, специализирующейся на кадровом аутсорсинге (что практикуется в некоторых штатах и муниципалитетах США), деятельностью одной из структур государственного аппарата управления (например, Федеральной службой менеджмента персонала США) или наднациональных институтов, возникновение которых обусловлено интеграцией (Ассоциация менеджеров муниципалитетов в Евросоюзе).

По нашему мнению, в условиях относительной централизации государственной службы в России и при укреплении вертикали власти наиболее приемлемо формирование единого ассесмент-центра как органа управления кадровой работой с государственными служащими.

Ассесмент-центр помогает решать и ряд сопутствующих задач:

- побуждение сотрудников к саморазвитию;
- внедрение стандартов работы;
- внедрение новых мотивационных схем;
- осуществление оценки эффективности проведенного обучения и вложений в него.

Не существует единой универсальной модели компетенций, соответствие высокому уровню развития которых достоверно гарантирует эффективность профессиональной деятельности менеджера государственного служащего. При этом отметим значительное сходство моделей компетенций государственных служащих

в разных странах при определенных отличиях в подходе к формированию таких моделей. В европейской практике важным является блок компетенций «экономика и максимизация ресурсов», который игнорируется в практике государственной службы США, присутствует функциональный элемент оценки. Для реализации компетентностного подхода в кадровой работе государственных органов и учреждений России предлагается адаптировать технологию ассесмент-центра с учетом возможностей и ограничений, обусловленных современными российскими реалиями.

¹ Spencer L. M., Spencer S. M. *Competence at Work*. N.-Y., 1993. 112 p.

² Borgonovi E., Brovotto P. R. *The Concepts of Bureaucratic and Managerial Control // Public Administration in Management Development and the Public Sector*. Hampshire, 1988. 238 p.

³ Cooper D. *Organisational change: From public to private sector — A UK-based reflective case study // Journal of American Academy of Business*. 2010. No 1/2. P. 474–480.

⁴ Kuperus H., Rode A. *Top Public Managers in Europe: Management and Working Conditions of the Senior Civil Servants in the European Union Member States*. Maastricht, Pays-Bas, 2008. 125 p.

⁵ *Proficiency Levels for Leadership Competencies*. URL: <http://www.opm.gov/policy-data-oversight/assessment-and-selection/competencies/proficiency-levels-for-leadership-competencies.pdf> (дата обращения: 5.04.2015).

⁶ Butkevičienė E., Vaideulytė E., Šnaptienė R. *A manager or a leader? Analysis of managerial and leadership competences in lithuanian civil service // Filosofija. Sociologija*. 2011. T. 22. No 2. P. 139–148.

УДК 159

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ ВО ФРАНЦИИ

В. Л. Цветков

В статье рассматриваются деятельность, роль и место практического психолога в структуре полиции Франции, отражены его функциональные задачи и направления работы.

Ключевые слова: психологическая помощь, психологическая поддержка, доверие и конфиденциальность, психологический портрет полицейского, профессиональный стресс, участие в расследовании преступлений, работа с жертвами и преступниками, профилирование.

В научно обоснованном подходе к активизации человеческого фактора все очевиднее значимость психологии. Переход к новым рубежам социально-политического и экономического развития общества требует и перехода к более широкому и всестороннему использованию данных психологической науки.

Необходимое условие этого — целенаправленное развитие прикладных психологических исследований, формирование прикладной психологии, главная цель которой заключается в обеспечении решения практических задач во всех сферах жизни и деятельности людей. Поэтому проблемы психологического обеспечения

оперативно-служебной деятельности сегодня актуальны как никогда. В этом плане полезен опыт наших зарубежных коллег.

Каково место психолога в структуре полиции? Какие функциональные задачи он решает? На эти и другие вопросы мы попытались ответить, обратившись к открытым источникам, посвященным деятельности психологов в полиции Франции.

Подвергаемые стрессу тысячи полицейских обращаются за помощью к психологам. «В начале службы мы боролись со стрессом с помощью школьных шуток, — вспоминает сотрудник, проходящий службу на севере Франции. О встрече с психологами мы даже не мечтали. Считалось, что психоаналитики работают в основном с наркоманами или людьми в депрессивном состоянии. Затем постепенно наши коллеги начали прибегать к помощи психологов, и мы убеждались, что это совсем не оскорбительно»¹.

В феврале 1966 г. была создана Служба эффективной психологической поддержки (SSPO) — после шока, когда за один месяц десять полицейских покончили жизнь самоубийством. Для психологических обследований в специально отведенных помещениях создается комфортная обстановка, беседа ведется в удобном кресле за круглым столом, чтобы пациент мог откровенно излить душу о ситуации в семье, отношениях с коллегами и руководителями, о состоянии здоровья, пережитых стрессах и т. д. Никакая тема не должна быть запретной, а исповедь должна проходить строго конфиденциально.

В день поступает более 20 вызовов, здесь постоянно находятся 6 из 60 штатных психологов. Прием проходит круглые сутки и даже в воскресенье. Остальные офисы разбросаны по всему городу, чтобы можно было быстрее прийти на помощь к нуждающемуся. Число обращений к психологам постоянно увеличивается, потому что растет доверие к этой службе. В прошлом году было получено 36,5 тыс. звонков и проведено не менее 17,5 тыс. бесед, более 13 тыс. консультаций².

Способные работать день и ночь в оперативных бригадах, психологи помогают полицейским преодолевать посттравматические ситуации, вызванные агрессией начальника или самоубийством коллеги. Клиницисты оказывают длительную психологическую поддержку слабонервным сотрудникам, кто с трудом переживает особо тяжкие жизненные и служебные обстоятельства.

За успехом SSPO скрываются все тяготы полицейской профессии, которые ощущаются ежедневно.

Раньше полицейский исходил из того, что он символизирует собой силу, поэтому считал зазорным обращаться за помощью. Или после какого-либо происшествия он брал отпуск по болезни. В последнее время обстановка меняется к лучшему, причем число отпусков по болезни заметно сокращается.

Главное в этой службе — доверие и конфиденциальность. Если психологи чувствуют, что человек склонен к самоубийству, они предупреждают об этом руководство и врачей, которые берут его под свой контроль. Очень важным и деликатным считается вопрос его разоружения, т. е. забирают как бы часть его профессии³.

К психологам обращаются не только в случае какой-либо беды, но и при осложнении ситуации в семье или с руководством (коллегами).

Часто психологи сами проявляют инициативу, идут на контакты, в том числе неофициальные, особенно с руководителями подразделений, проверяют сайты, проводят беседы. Если их обращения отклоняются, они оставляют свои телефоны. С 2004 г. проводятся специальные встречи по такой «запретной» теме, как самоубийства. Учитываются и экологические факторы. Психологическая служба исходит из того, что за формой, удостоверением, регистрационным номером скрывается человек со своей историей жизни, проблемами, бедами и радостями, планами, повторяющимися травмами.

Психологи-клиницисты создают своего рода консилиумы, которые помогают полицейским, работающим в особо сложных условиях.

SSPO занимается не только психическим состоянием самого полицейского, но и атмосферой в его семье.

При этом учитывается, что в подразделениях, работающих в особо сложной обстановке, уровень самоубийств на 36 % выше, чем в среднем по стране. В 2015 г. 43 полицейских покончили с собой, в половине случаев используя служебное оружие. Сотрудники подвергаются психологическим «атакам» с первого дня службы⁴.

Специалисты составляют психологический портрет каждого полицейского и выявляют их слабые стороны, чтобы поддерживать стабильное эмоциональное состояние. Контроль осуществляется на протяжении всей службы, чтобы сотрудники могли научиться держать себя в рамках постоянно.

Создана сеть психологической поддержки (PSI) в 1990 г. Нанимая гражданских психологов на должности офицеров, отделения этой сети разворачивают свои пункты в каждом регионе, чтобы оказывать помощь в затруднительных ситуациях. Предмет терапии — обучение и формирование у них навыков самоконтроля в сложнейших условиях. При этом учитывается, что психологические травмы могут быть отсроченными и вновь появляться через шесть месяцев (и более) после происшествий.

В случае трагедии специалисты прибудут на место, чтобы помочь коллегам, а также близким родственникам. Задача — вернуть в строй максимум сотрудников⁵.

Помочь сотрудникам изменить свое отношение к трудностям — одно из основных направлений психолога. Человеческие драмы всегда были частью данной профессии. Вспоминает один из ветеранов полиции: «Надо сказать, что телевидение не помогает полицейским: их показывают как людей сильных, но лишенных души. На месте событий вы этого никогда не увидите». Он признает, что ему стыдно за некоторые кадры из фильмов. «Однажды я был срочно вызван спасти младенца. Я сделал все, но через час он умер на моих руках, — рассказывает полицейский, который только что сам стал отцом. Я никогда не смогу забыть глаза его матери, когда стало ясно, что это конец. Это было настоящим испытанием для меня, но я понял, что надо уметь держать себя в руках. В то время в полиции еще не было психологов»⁶.

К указанным проблемам добавились и другие, связанные с враждебностью части населения по отношению к полиции. Именно в этом, по мнению специалистов, надо искать причину усиленной потребности в психологической поддержке.

Менталитет полицейских меняется в лучшую сторону. «Вначале я старалась завоевать их доверие. Они боялись, что их ответы могут повлиять на карьеру. Но этого не происходило. Все было строго конфиденциально», — признает один из психологов. Рассказывать о том, что ощущаешь, не есть признание слабости⁷.

Тот, кто сегодня контактирует с психологами, не слышит больше «слабаком» среди коллег. Это — свидетельство профессионализма — уметь предотвращать провалы в работе. Но в действительности полицейские пока неохотно идут к психологам. Довольно редко сотрудники обращаются к клиницистам лично для себя. В основном обращаются за помощью для коллеги, который оказался в затруднительном положении, или для бригады. На самом деле сотрудники вызывают психологов для себя, но боятся в этом признаться⁸.

В Министерстве внутренних дел Франции говорят о растущем стрессе в профессии, поэтому планируется усовершенствовать подготовку полицейских. Будущим полицейским предложат усложненные условия, сопровождающиеся беседами с психологами. Естественно, нельзя подготовить их ко всем человеческим драмам, но необходимо учить некоторым приемам борьбы со стрессом⁹. Борьба с депрессией — основное направление в подготовке полицейских.

Клинические психологи, работающие в подразделениях полиции, выполняют две главные функции: участие в расследовании преступлений и работа с жертвами и преступниками. Востребованность в них отличается в различных странах.

Во Франции возможности трудоустройства немногочисленны, когда речь идет о том, чтобы работать в качестве психолога для полиции, хотя в последнее время происходят некоторые изменения. Существует потребность в полицейских, а для психологов вакансии ограничены. Легче всего устроиться в тюрьму или в суд.

Большое внимание уделяется профессиональной подготовке психологов. Чтобы психолог мог устроиться в полицию, чтобы к нему обратились за консультацией как к эксперту, ему необходимо иметь два образования: получить ученую степень доктора психологических наук и университетский диплом (например, криминалиста). Или нужно просто иметь ученую степень в криминологии. Набор кандидатов производится на основе конкурса, так как идет речь о трудоустройстве в государственную структуру. Обучение во Франции длится пять лет. Для сравнения отметим, что в Северной Америке (особенно в США) образование психологов фундаментально

отличается: обучение длится минимум восемь лет и заканчивается получением докторской степени — доктор психологии. Кроме того, доктор психологии заканчивает интернатуру в больнице, что дает ему высокий статус и репутацию.

Именно по этой причине работа психолога для полиции распространена за Атлантическим океаном: мест больше и зарплаты выше. Набор осуществляется на основе конкурса, но психолог активно принимает участие в расследовании преступлений.

Психолог во французской полиции систематически корректирует действия полицейских на местности (в зависимости от психологической информации, которую он собрал и проанализировал). Работает над созданием психологического портрета преступников, занимается профилированием с использованием поведенческих и следственных методов составления психологического портрета (профиля) преступника. Профилирование правонарушителей позволяет следователям определить психологический профиль человека после каких-либо происшествий. Речь может идти о преступнике или о жертве (сбежавший, пострадавший и т. д.)¹⁰.

Обращение к зарубежному опыту позволяет осознать перспективные направления деятельности психологов во Франции и перенять их положительный опыт работы. Первое связано с оказанием психологической помощи полицейским, второе — непосредственная деятельность в подразделениях полиции, которая связана с применением достижений психологической науки в практике.

¹ URL: http://www.utile.fr/comment-devenir-psychologue-pour-la-police_1052 (дата обращения: 07.02.16).

² URL: <http://www.lefigaro.fr/actualite-france/2012/10/23/01016-20121023ARTFIG00634-des-psychologues-pour-les-forces-de-l-ordre.php> (дата обращения: 07.02.16).

³ URL: http://www.utile.fr/comment-devenir-psychologue-pour-la-police_1052 (дата обращения: 07.02.16).

⁴ URL: http://www.la-croix.com/Actualite/France/Les-policiers-se-confient-davantage-aux-psychologues-_NG_-2010-01-27-601541 (дата обращения: 07.02.16).

⁵ URL: http://www.utile.fr/comment-devenir-psychologue-pour-la-police_1052 (дата обращения: 07.02.16).

⁶ URL: http://www.la-croix.com/Actualite/France/Les-policiers-se-confient-davantage-aux-psychologues-_NG_-2010-01-27-601541 (дата обращения: 07.02.16).

⁷ URL: http://fr.wikipedia.org/wiki/Profilage_criminel (дата обращения: 07.02.16).

⁸ URL: <http://www.lefigaro.fr/actualite-france/2012/10/23/01016-20121023ARTFIG00634-des-psychologues-pour-les-forces-de-l-ordre.php> (дата обращения: 07.02.16).

⁹ URL: http://fr.wikipedia.org/wiki/Profilage_criminel (дата обращения: 07.02.16).

¹⁰ URL: http://fr.wikipedia.org/wiki/Profilage_criminel (дата обращения: 07.02.16).

АЛЕКСЕЕВ Дмитрий Евгеньевич, адъюнкт кафедры психологии Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя.
E-mail: d.alexeev@list.ru

БОЙКО Ольга Альбертовна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры криминологии, психологии и педагогики Омской академии МВД России
E-mail: mario011@mail.ru

БАКИН Александр Владимирович, кандидат педагогических наук, доцент, заместитель начальника кафедры физической подготовки Омской академии МВД России
E-mail: 1009196969@mail.ru

БЕРЕСТОВОЙ Андрей Николаевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала Российского университета правосудия, г. Санкт-Петербург
E-mail: andreyberestovoy@gmail.com

ВЕКЛЕНКО Павел Васильевич, доктор философских наук, профессор кафедры философии и политологии Омской академии МВД России
E-mail: lmvdfilosof@yandex.ru

ГИЛЛЬ Владимир Робертович, доцент Омской юридической академии
E-mail: 1009196969@mail.ru

ГОДОВАНЕЦ Оксана Георгиевна, соискатель, начальник Центра исследования проблем исполнения уголовных наказаний и психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников УИС НИИ ФСИН России
E-mail: godovushka@mail.ru

ИСХАКОВ Эдуард Робертович, доктор медицинских наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии в деятельности сотрудников ОВД Уфимского юридического института МВД России
E-mail: iskhakov1964@mail.ru

КАРАВАЕВ Федор Федорович, почетный работник общего и специального образования, преподаватель высшей категории Саянской гимназии № 1
E-mail: karavaev@mail.ru

КОБОЗЕВ Игорь Юрьевич, кандидат психологических наук, заместитель начальника кафедры юридической психологии Санкт-Петербургского университета МВД России
E-mail: igorkobozev@yandex.ru

КОЛЕСНИКОВА Наталья Евгеньевна, кандидат психологических наук, начальник кафедры социально-гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Псковского филиала Академии ФСИН России
E-mail: kne12.04@yandex.ru

КУЗНЕЦОВА Ольга Владимировна, старший психолог Отдела Министерства внутренних дел России по г. Северодвинску Архангельской области
E-mail: sergachewa@yandex.ru

КУРБАТОВА Ольга Владимировна, кандидат экономических наук, доцент кафедры административного права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя
E-mail: statya2015@mail.ru

МАЛЫШЕВА Диана Станиславовна, аспирант кафедры психологии развития и образования, Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург
E-mail: malysheva_diana@lis.ru

МЕДВЕДЕВ Дмитрий Алексеевич, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии развития и образования Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург
E-mail: vedmed5@yandex.ru

НАБОКА Алла Александровна, заместитель начальника ОМПО УРЛС УМВД России по Белгородской области
E-mail: alla_naboka@mail.ru

НЕФЕДОВА Дарья Игоревна, психолог отделения морально-психологического обеспечения отдела по работе с личным составом УМВД России по г. Томску
E-mail: nefedova70@mail.ru

НИКИТИН Юрий Алексеевич, аспирант Омской юридической академии
E-mail: sradzuga@gmail.com

ПИВОВАРОВ Данил Владимирович, преподаватель кафедры огневой подготовки Омской академии МВД России
E-mail: pivovar-off@yandex.ru

ПУШКОВ Виталий Георгиевич, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии и педагогики Белгородского юридического института МВД России им. И. Д. Путилина
E-mail: vitalij.puschkov@yandex.ru

САППА Николай Николаевич, доктор социологических наук, кандидат физико-математических наук, профессор
E-mail: smokvi@mail.ru

СТАЛЬНОВА Ирина Александровна, аспирант Московского городского психолого-педагогического университета
E-mail: stalnova@rambler.ru

СТАЛЬНОВ Алексей Геннадьевич, аспирант Московского городского психолого-педагогического университета
E-mail: stalnoff@yandex.ru

ТЕОХАРОВ Александр Константинович, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры криминологии, психологии и педагогики Омской академии МВД России
E-mail: teo_oma@mail.ru

ЦВЕТКОВА Надежда Александровна, доктор психологических наук, доцент Российского государственного социального университета НИИ ФСИН России
E-mail: TsvetkovaNA@yandex.ru

ЦВЕТКОВ Вячеслав Лазаревич, доктор психологических наук, профессор, начальник кафедры юридической психологии Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя
E-mail: Romashka1957@inbox.ru

SOCIALLY PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL ASPECTS OF LAW ENFORCEMENT

P. 3. Kurbatova O. V. Law enforcement officers' service and teaching: general characteristics and peculiarities.

The article emphasizes the significant role of pedagogy in law enforcement agencies, considers the conditions of positive social pedagogical influence of a law enforcement officer on society. The conclusion made concerns the necessity to improve professional pedagogical competence of every law enforcement officer.

Keywords: social pedagogical influence of a law enforcement officer's activity, socially oriented, social pedagogical orientation, professional pedagogical proficiency, person's pedagogical culture, social pedagogical competence.

MORAL AND PSYCHOLOGICAL PROFESSIONAL TRAINING AND RELIABILITY

P. 7. Alekseev D. E. Psychological conditions of functional reliability of a law enforcement officer.

The author makes a theoretical analysis of scientific approaches to the problem of psychological conditions of functional reliability. The article points out the interdisciplinary character of the problem under consideration. The focus is made on the problems of constructing a psychological model used for providing this kind of reliability. The author gives his own version of the model of psychological conditions for providing functional reliability of a law enforcement officer.

Keywords: reliability, functional reliability, psychological conditions, psychological provision, cognitive component, operational component, motivational component.

P. 10. Berestovoy A. N. Implementation of citizens' rights to necessary defence (historically legal and psychology-juridical aspects).

The article examines development tendencies of such legal phenomenon as necessary defence in the national criminal law. The emphasis is given to the unshakeable positions of this institute in criminal law regulation of every person's rights to defend his interests and interests of others. The author underlines its stable positions in criminal legislation regardless of qualitative and quantitative changes made.

Keywords: necessary defence, legitimacy terms of necessary defence, circumstances excluding criminality of act, crime, legitimacy terms, legitimate act, criminal law classification.

PERSONALITY FORMATION AND DEVELOPMENT

P. 15. Iskhakov E. R. Peculiarities of law enforcement officers' goal setting, self-motivation and procrastination.

The article stresses that an important factor which negatively influences reaching the goal is the phenomenon of procrastination implying postponement of the arranged and necessary acts for an indefinite period of time. The author proves that the concepts of goal and self-motivation for interviewed officers from investigation and interrogation departments are rather incomprehensible. The methods of self-motivation for reaching various goals are demonstrated.

Keywords: goal setting, self-motivation, procrastination, police officers, psychologists.

P. 18. Nefedova D. I. Peculiarities of identification characteristics of a law enforcement officer's "Self-image" at different stages of their career.

The article studies the character of changes in identity and in the law enforcement officer's "self-image" itself during their professionalization. The author proves that a law enforcement officer's self-image substantially differs at different stages of their career. It is estimated that 5-10 year-service officers trust themselves, accept themselves, their features being self-confidence, apprehension of positive attitude from the others, independence.

Keywords: identity of a person, self-image, self-reference, identity transformation, self-perception, self-description, professional influence.

P. 23. Naboka A. A. Peculiarities of building a professional attitude of a law enforcement psychologist in a mobile group.

The article reveals the essence and content of a law enforcement psychologist's professional attitude. The results of studying peculiarities of professional attitude of a law enforcement psychologist in a mobile group are presented. The structure of this attitude contains values for self-development and achievements in activity as dominant unlike the attitude of psychologists not involved in a mobile group work, the latter characterized by position reflecting selfish-prestigious values and attitudes toward overcoming difficulties in the profession.

Keywords: professional development, professional position, person's subjective attitude, values, professional personal attitudes, mobile group of psychologists.

PSYCHOLOGY OF DELINQUENT BEHAVIOUR

P. 26. Kobozev I. Yu. Personal peculiarities of stress-overcoming behaviour of former officers convicted for crimes of corruption.

The results of comparative analysis of stress-overcoming behaviour strategies, civil and legal consciousness and psychodynamic personal peculiarities of working State Inspection of Road Traffic Safety officers and former officers serving punishment for crimes of corruption are provided. The conducted research allowed revealing psychological signs of propensity for corruptive behaviour.

Keywords: corruptive behaviour, stress-overcoming behaviour strategies, legal consciousness, personality peculiarities, State Inspection of Road Traffic Safety officers, former officers convicted for crimes of corruption, comparative analysis, psychological signs.

P. 30. *Boyko O. A., Teokharov A. K. Psychological peculiarities of AIDS-infected convicts and their influence on correction.*

The factors which influence the formation of maladaptive behaviour of AIDS-infected convicts are under consideration. The article lists the problems the psychologist faces when dealing with this category of convicts. The author concludes that one of the reasons hindering the convict's correction is lack of interaction between the psychologist and the assigned doctor.

Keywords: AIDS-infected convicts, correction, psychological signs, maladaptive behaviour, level of resiliency, methods of psychology.

P. 33. *Nikitin Yu. A. Mercenary purpose as the obligatory sign of extortion.*

The article outlines the problem of subjective content of such a crime as extortion. Analysis of the modern juridical literature, practical cases and data of the author's own research led to the conclusion on improving disposition of the norm «extortion». The author suggests amending part 1 of Article 163 of the Criminal Code of the Russian Federation with the sign of mercenary purpose, which must clarify the questions of classifying the crime under study and separating it from the similar crimes.

Keywords: extortion, mercenary purpose, subjective side, awareness, separation.

EDUCATIVE, LEGAL AND PREVENTIVE WORK

P. 37. *Kuznetsova O. V. Personal determinants of service efficiency of policewomen.*

The article contains the results of the study of policewomen's peculiar traits related to service efficiency. The author defines personal peculiarities of female police officers hindering adaptation to service and decreasing service efficiency. It is stated that female police officers possess the phenomenon of social desirability veiling the whole assortment of underlying personal peculiarities.

Keywords: female police officers, service efficiency, personal peculiarities, social desirability, underlying personal peculiarities.

P. 41. *Karavaev F. F. Personal qualities profile of juveniles suffering violence.*

The article dwells on personal qualities of juveniles suffering violence. The author makes a comparative analysis of personal qualities of juveniles without traumatic experience and of those suffering violence. The structure of personal qualities of juveniles suffering violence primarily contains such personal characteristics as social withdrawal, emotional instability, dependence, conformity, restraint in communication, vulnerability, lack of self-confidence, high level of frustration.

Keywords: violence, personality, qualities, stress, frustration.

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF TENSION AND CONFLICT RESOLUTION STUDIES

P. 44. *Sappa N. N. Interpersonal conflicts in the cadets' environment and their resolution.*

The author examines a range of external and internal factors affecting development of interpersonal conflicts in the cadets' environment. To decrease their influence it is necessary to include in the programme of cadets' commanders' training applied courses of pedagogy, psychology, conflict resolution studies, methods of effective conflict resolution and their pedagogical prevention. The article reveals that cadets' developed communicative proficiency decreases the interpersonal conflicts rate.

Keywords: anomy, cadets' environment, interpersonal conflicts, pedagogical prevention, verbal aggression, communicative competence.

PSYCHOLOGICAL CORRECTION AND REGULATION OF STATES

P. 48. *Malysheva D. S., Medvedev D. A. Psychologically pedagogical characteristics of early adolescent girls' inner world.*

The article is devoted to psychologically pedagogical characteristics of early adolescent girls' inner world. The authors provide the results of empirical research of the inner world of pregnant and not pregnant females of the mentioned age category, which are the basis for the mentioned characteristics and an integral element of the organization system of preventing their deviant behaviour.

Keywords: psychologically pedagogical characteristics, inner world, early adolescent age, female juveniles, social age group.

P. 52. *Godovanets O. G., Tsvetkova N. A. Art-therapy correction of a law-breaker's life.*

The article raises the problem of humanization of correction in the Russian penitentiary system; outlines the positive tendencies of its solution: implementing specialized technologies of individual-group work with suspects, accused and convicts. The authors demonstrate opportunities of using art-therapy to tackle the task of correcting the life of a law-breaker, explain an art-autobiography method and suggest the programme for working with the autobiography using art-therapy.

Keywords: penitentiary system, convicts, life, psychological correction of life, art-therapy, biographical approach, art-autobiography.

P. 56. *Kolesnikova N. E. Analysis of socially psychological factors of employing convicts sentenced to punishment alternative to imprisonment.*

The article sets forth such factor of social rehabilitation of convicts serving punishment not isolated from society as employment. The author provides economic and socially psychological analysis of factors, which influence employment of convicts, reveals the character of problems this category of citizens faces, proves the necessity of interdepartmental interaction to tackle this task. There is a scheme of socially psychological technology of employing convicts.

Keywords: psychological maintenance, employment, convicts serving punishment not isolated from society.

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL ASPECTS OF CRIMINAL INVESTIGATION

P. 60. Pushkov V. G. Scenario approach to psychological impact in criminal investigation.

The article handles the problem of complexity of psychological impact in criminal investigation, which can be solved only with the scenario approach. The author proves that scenario approach will change the citizens' attitude targeted at counteracting investigation.

Keywords: investigation, tactical combinations, psychological impact, scenario, means of psychological impact, its determinants.

TO THE TEACHER OF THE HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTION: THEORY AND PRACTICE

P. 64. Veklenko P. V. Edutainment in teaching philosophical sciences.

The article considers opportunities to use methods of edutainment in teaching philosophical sciences. The author outlines the main directions of integrating edutainment into the learning process, gives the examples of play-based learning methods employed at lectures and seminars.

Keywords: edutainment, play-based learning, lecture-provocation, lecture-invitation to discussion, learning computer game, virtualization of education.

P. 67. Bakin A. V., Pivovarov D. V., Gil V. R. Peculiarities of obstacle course and marksmanship training at the educational institutions of the Russian MIA.

The article reveals peculiarities of learning training process aimed to prepare the cadets' team for obstacle course and marksmanship competition. The authors give their recommendations to advance this process and include the course «Running an obstacle course and marksmanship» into the sector of military applied and service-applied sport disciplines, which will significantly improve cadets' physical proficiency and reliability in emergency performance.

Keywords: obstacle course, marksmanship, physical characteristics, marks, learning training process.

FOREIGN EXPERIENCE

P. 71. Stalnova I. A., Stalnov A. G. Opportunities to adapt foreign experience in human resources management for the government service in Russia.

The article examines advantages and disadvantages of using foreign experience in work with government officers and perspective directions of its adaptation. The reference to foreign experience in human resources management for government service allows the authors to identify perspective directions of reforming the system of staff management at government agencies and institutions taking into account Russian reality, citizens' current and future demands for government services.

Keywords: human resources, government officers, foreign experience, human resources psychological technologies.

P. 73. Tsvetkov V. L. Psychological support of police activity in France.

The article covers the activities, role and place of a practical psychologist in the police structure of France, reveals his functional tasks and types of work.

Keywords: psychological assistance, psychological support, trust and confidence, psychological portrait of a police officer, professional stress, participation in criminal investigation, work with victims and criminals, profiling.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ И ПОДПИСЧИКОВ

Уважаемые коллеги!

Журнал «Психопедагогика в правоохранительных органах» выходит с периодичностью 4 номера в год. В нем освещаются вопросы морально-психологической, профессиональной подготовки и надежности, психодиагностики и познания личности, психологии правонарушающего поведения, коррекции и психорегуляции состояний, аспекты психолого-педагогического обеспечения учебно-воспитательного процесса, проблемы практической психологии. Даются рекомендации практическим психологам, преподавателям вузов, руководителям подразделений и др.

Полнотекстовая версия журнала находится в сети Интернет на сайте Электронной библиотеки: www.elibrary.ru; www.iteos.ru

Журнал представлен на веб-сайте академии, размещенном по адресу: <http://omamvd.ru>.

Журнал входит в российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Научно-практический журнал «Психопедагогика в правоохранительных органах»

Подписные индексы: 41979; 41980 (по объединенному каталогу «Пресса России»); 11310 (по каталогу «Почта России»). Возможна также подписка через агентство «Издательский дом „Экономическая газета“», тел.: (499) 152-88-50. E-mail: olivar@ekonomika.ru. Адрес электронной подписки: www.vipishi.ru.

Адрес: 644092, г. Омск, пр. Комарова, 7. Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации». Тел.: +7-913-971-80-28; E-mail: karavaevmvd@mail.ru; веб-сайт академии: <https://oma.mvd.ru>.

Для публикации статьи в журнале авторы представляют в редакцию:

- две рецензии — внешнюю и внутреннюю (для аспирантов и адъюнктов — заключение кафедры);
- УДК, аннотацию, подборку ключевых слов (на русском языке);
- сведения об авторах (Ф. И. О. (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, организация, почтовый и электронный адреса, контактные телефоны. Эти данные следует размещать перед названием статьи).

Требования к представляемым материалам

1. Набирать текст через 1,5 интервала гарнитурой Times New Roman, кегль 14.
2. Использовать сквозную нумерацию сносок, располагая их в конце статьи (концевые сноски) (ГОСТ Р.7.05.2008 «Библиографическая ссылка»).
3. Объем рукописей не должен превышать 0,5 авт. л. (20 тыс. знаков), включая рисунки, графики и таблицы. Ответственность за точность количественных данных, цитат, фамилий, имен собственных лежит на авторах.

Вниманию подписчиков!

Для приобретения журнала через редакцию необходимо:

1. Выслать заявку с указанием Ф. И. О. (полностью), точного почтового адреса (с индексом), количества экземпляров.

2. Оплатить в банке. Банковские реквизиты: **ИНН 5507028845. КПП 550701001. ОКТМО 52701000. Получатель:** УФК по Омской области (ОМА МВД России л/счет № 04521309190). **БИК 045209001. Расчетный счет № 40101810100000010000** ГРКЦ ГУ Банка России по Омской обл. г. Омск.

Код платежа: 18811301991010500130. Юридический адрес: 644092, Российская Федерация, г. Омск, пр. Комарова, 7. Возможна оплата почтовым переводом с пометкой «Психопедагогика...».

3. Выслать заявку и копию платежного поручения, квитанции по адресу: **644092, г. Омск, пр. Комарова, 7. ОМА МВД России. Редакция журнала «Психопедагогика в правоохранительных органах», Караваяеву Александру Федоровичу. Тел. +7-913-971-80-28.**

4. Имеются в продаже выпуски журнала за предыдущие годы. Цена одного экземпляра — 200 руб.

Редакция приглашает к сотрудничеству